

Лучшие истории, лучшие авторы, впервые под одной обложкой!

«ЛУЧШЕЕ В КОРОЛЕВСТВАХ»

книга 1

О переводе

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons “**Forgotten Realms**”. Перевод выполнен исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

Команда переводчиков :

Ритуал Крови - Элейн Каннингем - Habilis	4
Эльминстер на ярмарке волшебства - Эд Гринвуд - Redrick	37
Тёмный меч - Трой Деннинг - Crash	56
Кровавый спорт - Кристи Голден - Ирина Емельянова	76
Шестёрка Мечей - Уилльям Коннорс - dubolom	90
Окно-роза - Монте Кук - Алия Rain	100
Первое Лунное Озеро - Дуглас Найлз - Даризель	110
Величайший из умерших героев - Дж. Роберт Кинг - Rogi	116
Терциус и артефакт - Джефф Грабб - Rogi	127
Красные амбиции - Джеан Рейб - mar4uk	140
Обыкновенная грамотность - Кейт Новак и Джефф Грабб - Elstan	150
Убийца Тени - Джесс Лебоу - AlexMustaeff	157
Поднимается тёмный прилив - Кейт Фрэнсис Стром - Redrick	174
Пустая радость - Р.А.Сальваторе - crazyfan	190

Редакторы: **Faer, Даризель, Эргонт, Bard, Mailer BiLL, Eledhwen, Sanzohoshi, Narrateur**

Русская обложка: **nikola26**

Вычитка, вёрстка и форматирование: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через форум «Долина Теней». Если Вам понравился перевод, просто зарегистрируйтесь и скажите «спасибо» — этого будет достаточно. ;-)

ВВЕДЕНИЕ

В январе 2003 года на сайте www.wizards.com был опубликован простой онлайн-опрос, в котором мы просили читателей проголосовать за ваши любимые истории из предыдущих восьми Антологий FORGOTTEN REALMS®. После поиска нового сеттинга, мы перестали удивляться бурному отклику на вещи, которые мы размещали в интернете. Это был захватывающий шанс для вас рассказать нам о том, что вы хотите видеть, и шанс для нас осуществить это.

Разумеется, этот опрос не возник сам по себе, и весь этот текст десятилетней давности не добрался до меня по волшебной почте, и я салютую великолепной шляпой Джарлаксла Ким Лундстрем, Джулии Мартин, Рамоне Арджона, Питеру Арчеру, Марти Дюраму, Марку Сеештедту; блестящим редакторам, которые первыми выбрали эти истории из множества: Джеймсу Лоудеру, Дж. Роберту Кингу, Брайану М. Томсену и Лизз Болдуин и, конечно же, самим авторам.

В этой книге четырнадцать историй, тринадцать из которых по вашему мнению, были достаточно хороши, чтобы называться «Лучшим в Королевствах», и я уверен, что сейчас вы с этим согласитесь. Чтение этой коллекции было словно экскурс в легендарную историю Фаэруна. Неужели прошло уже десять лет с тех пор, как первая из этих Антологий попала на полку книжного магазина? За эти десять лет Королевства прожили эпоху, и мы вместе с ними. Вот немного истории величайшего, - если спросите меня, по крайней мере, - фэнтезийного сеттинга и новый рассказ, от небезызвестного вам автора, который освещает яркое и, надеюсь, долгое будущее.

- Филип Этанс, июнь 2003 г.

РИТУАЛ КРОВИ

Элейн Каннингем

Впервые опубликован в Антологии "Королевства Подземья" под редакцией Дж. Роберта Кинга, в апреле 1996 г.

Подростковый возраст - путь неосознанный для большинства из нас, но для некоторых людей определенный момент или событие сигнализируют о безвозвратном конце детства. Как и многие другие культуры, тёмные эльфы отмечают этот переход ритуалом совершеннолетия. В этой истории, очень молодая Лириэль готовится к Кровавому обряду, который означает, что она дроу.

Элейн Каннингем, март 2003 г.

Глава 1. Путешествие во тьме

В землях Торила есть немало могущественных личностей, чьи имена редко можно услышать, и о чьих делах говорят приглушенным шепотом. К числу таких принадлежат и Сумрачные Торговцы, коалиция предпринимателей, ведущих торговлю с таинственными обитателями Подземья.

Как говорят, всего их шестеро, и все они отличаются умом и бесстрашием, и амбиции их куда больше их совести. Членство в этой тайной группе добыть нелегко, для этого надо пройти долгий и трудный путь, под наблюдением не только членов картеля, но и сил Нижнего Мира. Те, кто смог пережить инициацию, получали редкое окно в таинственные земли: право попасть в подземный торговый город, называющийся Мантол-Дерит.

Его гигантская пещера, примерно в трех милях под поверхностью, защищена магией сильнее чем крепость любого чародея. Секретность – первая линия обороны города: даже в Подземье немногие знали о существовании этого рынка. Точное местоположение было известно единицам. Даже те торговцы, кто вели там дела регулярно, затруднились бы указать местоположение пещеры на карте. Пути, ведущие в Мантол-Дерит столь запутаны, что даже дуэргары или глубинные гномы не могут использовать свое чувство направления. Между рынком и близлежащими поселениями лежит лабиринт тоннелей, в которых обитает множество различных живых и неживых опасностей – монстры, секретные двери, телепорты и магические ловушки.

Никто не мог “наткнуться” на Мантол-Дерит: либо торговец досконально знал маршрут, либо погибал по дороге.

Так же защищен был рынок и от магического обнаружения. Странное излучение Подземья было очень сильно в толще камня, окружавшего пещеру. Никакой магический проб не смог бы пройти – он либо рассеивался, либо возвращался к пославшему его, иногда опасно измененным. Так что любые попытки магически исследовать тайны Мантол-Дерита были обречены закончиться либо разочарованием, либо трагедией.

Даже для дроу, неоспоримых владык Подземья, доступ к рынку был нелегким. В ближайшем поселении темных эльфов, знаменитом Мензоберранзане, не более восьми торговых компаний единовременно знали секретные тропы. Это знание было ключом к неимоверному богатству и власти, обладание им было отметкой высшего статуса для представителей торгового класса. Естественно, за него боролись яростно, сложнейшими интригами и кровавыми боями оружия и магии, что вероятно заслужило бы одобрительные кивки правящих матрон города – если бы жрицы Ллос обращали внимание на дела простолюдинов.

Очень немногие из женщин, правящих Мензоберранзаном – в основном, матроны-матери, поддерживавшие союз с той или иной торговой группой – сколь либо интересовались миром за границами пещеры их города. Дроу были склонны к самоизоляции: абсолютно убежденные в превосходстве своей расы, фанатично поклоняющиеся Ллос, полностью вовлеченные в борьбу и интриги, на которые толкала их Леди Хаоса.

Статус - это все, борьба за власть поглощала все силы. Только в исключительных случаях подземные эльфы могли ненадолго отвлечься от этого. Но Ксандру Шобалар, третью дочь благородного дома, сейчас вела самая могучая эмоция, известная дроу: ненависть и жажда мести.

Члены Дома Шобалар были отшельниками, даже по параноидальным стандартам Мензоберранзана, их редко видели вне родовой крепости. Однако сейчас Ксандра оказалась куда дальше от дома, чем когда-либо намеревалась быть. Путешествие в Мантол-Дерит было долгим – полуночный час Нарбондели наступит и пройдет возможно сотню раз с начала ее пути, прежде чем она вернется в стены Дома Шобалар.

Большинство женщин благородных семей не осмеливались покидать свои места на такой срок, из боязни что вернувшись они обнаружат, что их позицию занял кто-то другой. Ксандра об этом не беспокоилась. У нее было десять сестер, и пять из них, как и Ксандра, числились среди редких в Мензоберранзане женщин-магов. Но никто из них не хотел ее работы.

Ксандра была Госпожой Магии, и обязанностью ее было обучать волшебству юных представителей рода Шобалар, и некоторых других магически одаренных молодых дроу. Конечно, работа была очень ответственной, но славы куда больше можно получить накапливая собственную магическую силу, проводя эксперименты порождавшие новые чудеса магии. Если вдруг одна из волшебниц Шобалар попытается занять позицию инструктора, могущественная Ксандра ее само собой убьет – но только потому, что так полагается. Ни одна женщина дроу не отдаст другой свою собственность, даже если ей самой она не слишком нужна.

Ксандре Шобалар ее работа могла не особо нравиться, но она была мастером своего дела. Маги Шобалар считались среди самых изобретательных в Мензоберранзане, и все ее ученики получали достойное образование.

Среди таковых числились дети – как девочки так мальчики – Дома Шобалар, несколько вторых и третьих сыновей других домов, принятых Ксандрой на обучение, и группа мальчиков – сыновей простолюдинов, которых она купила, украдала, или приняла в семью – этот вариант обычно сопровождался своевременной смертью всей семьи, оставлявшей одаренного ребенка сиротой.

Как бы они не попадали в Дом Шобалар, студенты Ксандры постоянно занимали высшие места в ежегодных соревнованиях, поддерживавших дух соперничества в юных дроу. Такие победы открывали двери в Сорцере, школу магии Академии Тир Бреч. До сих пор каждый тренированный у Шобалар при желании получал допуск в Академию, и большинство становились мастерами Искусства. Даже те ученики, кто обучался лишь основам магии, а в дальнейшем становились жрицами или воинами считались опасными противниками в магическом поединке.

Поддерживать подобную высокую планку было делом гордости, а этого у Ксандры Шобалар хватало.

Однако именно эта превосходная репутация была причиной проблемы, отправившей Ксандру в далекий Мантол-Дерит.

Почти десять лет назад у Ксандры появилась новая ученица, девочка обещавшая стать волшебницей огромной мощи. Сперва Госпожа Магии была счастлива, видя ее как возможность вознести свой престиж до невиданных ранее высот. Ведь ей доверили магическое образование Лириэль Бэнр, единственной дочери, и наследницы Громфа Бэнр, могущественного архимага Мензоберранзана! Если дитя окажется действительно одаренным – а это было почти определенно так, с чего бы еще могучему Громфу тратить свое время на ребенка, родившегося от такой безмозглой красотки как Сосдриэль Вэндри? – то, вполне возможно, юная Лириэль в свое время унаследует титул своего отца.

И какой же будет ее известность, предвкушала Ксандра, если она окажется учительницей следующего архимага Мензоберранзана! Первой женщины, занявшей эту высокую позицию!

Ее первоначальную радость слегка притушило настояние Громфа держать их договор в секрете. Это было реально, учитывая скрытность клана Шобалар, но так тяжело для Ксандры, не иметь возможности похвастаться новой ученицей, повысить статус своего Дома расположением самих Бэнр.

Все же, Госпожа Магии предугадывала время когда маленькая девочка вступит в соревнование начинающих магов – и выиграет его! – и довольная проводила время в раздумьях о грядущей славе.

С самого начала Лириэль превзошла все надежды Ксандры. По традициям, обучение магии начиналось когда дети входили в Десятилетие Ашарлекстен – период между детством и половой зрелостью. В эти годы, обычно начинавшиеся примерно в пятнадцать лет и заканчивавшиеся с наступлением зрелости или двадцать пятого года – что раньше – дети дроу наконец становились достаточно сильными физически чтобы использовать силы чародейской магии, и обучались читать и писать на сложном языке дроу.

Лириэль пришла к Ксандре в возрасте пяти лет, практически только выйдя из младенчества.

Хотя большинство темных эльфов получали возможность использовать присущие всем дроу магические способности куда позже, Лириэль уже отменно владела этой магией, и более того, могла читать руны дроу. Что еще важнее, она обладала огромным врожденным даром, позволявшим превратить владеющего простым волшебством дроу в настоящего мага. За исключительно короткое время маленькая девочка научилась читать простейшие заклинания, воспроизводить магические знаки, и даже впечатывать в память довольно сложные заклинания. Ксандра была в экстазе. Лириэль мгновенно стала ее гордостью, ее привилегированной – почти любимой – приемной дочерью.

И в этом статусе оставалась почти пять лет. В этом возрасте девочка начала обходить студентов Шобалар достигших возраста Ашарлекстен. Ксандра начала беспокоиться. Когда Лириэль превзошла куда более старшую Битнару, собственную дочь Ксандры, та почувствовала недовольство. Когда девчонка Бэнр овладела заклинаниями, способными поспорить с возможностями некоторых магов Шобалар, недовольство Ксандры превратилось в холодную ревнивую ненависть которую женщины дроу испытывали к своим соперницам. Когда юная Лириэль достигла своего полного роста, и начало подтверждаться детское обещание ее необыкновенной красоты, в Ксандре вскипела глубокая и очень личная зависть. А когда растущий интерес маленькой дряни к мужчинам – солдатам и слугам Дома Шобалар со всей очевидностью указал что она входит в Ашарлекстен, Ксандра нашла возможность для драматичного – и окончательного – завершения образования Лириэль.

Для взаимоотношений между дроу такая последовательность довольно типична, необычным здесь была лишь сила неприязни Ксандры, и то, скольким она готова была пожертвовать чтобы удовлетворить свою бешенную ненависть к слишком талантливой дочери Громфа Бэнр.

Вот эти-то события и привели Ксандру на улицы Мантол-Дерита.

Несмотря на неотложность своего дела, волшебница вынуждена была прервать свой путь, отдавая дань восхищения открывшемуся ей виду. Ксандра никогда раньше не покидала пещеры Мензоберранзана, а странный экзотический рынок был мало похож на ее родной город.

Мантол-Дерит расположился в гигантском природном гроте, промытом тысячелетия назад беспокойными водами, и поныне продолжавшими свою работу. Ксандре привычна была черная гладь озера Донигартен, и глубокие колодцы, тщательно охраняемые сокровища каждой крепости благородных Домов.

Здесь, в Мантол-Дерите вода была живой силой. Даже звуки пещеры в основном создавались бегом воды: водопады на стенах грота, фонтаны мягко игравшие в маленьких бассейнах, которые казалось были повсюду вокруг, ручейки текли по пещере.

Не считая плеска и бульканья, эхом отражавшихся от стен, город-рынок был необычно тих. Мантол-Дерит не был шумным базаром, это было место для тайных сделок, тонких переговоров.

Народу здесь было немного. На взгляд Ксандры, около двух сотен во всей пещере. Мягкий шорох голосов и случайное щелканье башмаков на обрамленных драгоценными камнями тротуарах не соответствовали даже такому небольшому числу обитателей.

Света было куда больше чем звука. Несколько тусклых ламп хватало чтобы заставить всю пещеру искриться, потому что стены ее были выложены разноцветными кристаллами и драгоценностями. Все строения тоже были яркими: стены вокруг фонтанов были чудесными мозаиками, выложенными из полудрагоценных камней, мостки пересекавшие поток были вырезаны – а может и выращены – из кристаллов, драгоценности украшали и тропинки. Сейчас например туфельки Ксандры шуршали по дорожке из бриллиантово-зеленого малахита. Даже дроу, привыкшая к роскоши Мензоберранзана, шла по такому богатству с некоторой нервозностью.

По крайней мере воздух здесь был привычен подземному эльфу. Влажный и тяжелый, наполненный ароматами грибов. Заросли гигантских грибов обрамляли центр рынка. Под гигантскими шляпками торговцы устанавливали небольшие прилавки, предлагая самые разные товары. Парфюмерия, ароматное дерево, специи, экзотические, ароматные фрукты – которые вошли в моду у богатых жителей Подземья – добавляли пикантные ароматы к сырому воздуху.

Для Ксандры самым странным на рынке был мир, царивший между представителями различных воюющих между собой рас, которые вели здесь свои дела. У прилавков и на улицах мимо друг друга спокойно проходили глубинные гномы – свирфнебли; другие обитатели глубин – раздражительные и опасные дуэргары; несколько очень подозрительно выглядящих торговцев с поверхности; и, конечно же, дроу. В четырех углах грота были выкопаны дополнительные пещеры, представлявшие хранилища и отдельное жилье для четырех основных групп: свирфнебли, дроу, дуэргаров и жителей поверхности. Ксандра направилась к пещере представителей Верхнего Мира.

Шум воды становился все сильнее по мере приближения Ксандры к цели, поскольку угол рынка, на котором продавались товары из Земель Света, находился около самого большого водопада. Воздух здесь был особенно сырым, прилавки и столы закрыты покрывалами, чтобы обезопасить их от вездесущего тумана.

Влага скапливалась на скалистом полу грота, заставляла сыреть одежду и шерсть, носимую скопившимися здесь жителями поверхностями – пестрым сборищем орков, огров, людей, и всяческими комбинациями таковых.

С гримасой отвращения Ксандра подтянула плащ, чтобы он закрыл нижнюю половину лица, защитив ее от зловония. Она огляделась, ища в копошащейся пахучей толпе того, кто отвечал бы данному ей описанию.

Похоже, разыскать среди такой публики женщину дроу куда легче, чем выделить нужного человека; из глубины длинного тента раздался низкий, мелодичный голос, вежливо позвавший волшебницу, правильно назвав ее имя и титул. Ксандра обернулась на звук, удивленная, что в таком грязном окружении можно услышать голос дроу.

Но маленькая сутулая фигура, ковылявшая к ней, принадлежала человеку.

Мужчина был стар по меркам людей, с белыми волосами, темным морщинистым лицом и медленной, заплетающейся походкой. Годы оставили на нем следы – шагал он опираясь на палку, левый глаз закрывала повязка. Однако все это не убавило его гордости, и не мешало его успеху; он демонстрировал достаточно свидетельств и того и другого.

Палка была сделана из дорогого дерева, и украшена драгоценными камнями и позолотой. На серебристой тунике тонкого шелка он носил плащ, покрытый золотой вышивкой и скрепленный на шее бриллиантовой заколкой. Камни размером с яйца ручных ящериц сверкали на его пальцах и горле. Улыбка его была вежливой и уверенной – мужчины, добившегося многого, и довольного собой.

- Хадрог Прол? - уточнила Ксандра.

Торговец поклонился.

- К вашим услугам, госпожа Шобалар, - сказал он на беглом языке дроу, но с сильным акцентом.

- Ты знаешь кто я. Значит, должен знать что мне нужно.

- Конечно, госпожа, и я буду счастлив помочь вам во всем. Присутствие столь благородной леди делает честь этому заведению. Прошу вас, пройдите внутрь, - сказал он, отодвигаясь, чтобы она могла войти в павильон.

Слова Хадрога были правильны, манера вежлива почти до заискивания – что, естественно, было самым верным подходом когда ведешь дело с высокородными дроу. И все таки что-то в нем показалось Ксандре странным. По виду он казался спокоен – дружелюбен, расслаблен почти до невнимательности. Другими словами, наивный дурак. Как мог такой человек выжить так долго в тоннелях Подземья, для волшебницы было загадкой. В дополнение ко всему, она заметила что Хадрог, в отличии от большинства людей, не нуждается в жгучем свете факелов и ламп.

В его тенте царила приятная темнота, но похоже трудностей ему это не доставляло, несмотря на лабиринт ящиков и столов, содержавших его товары.

Любопытствуя, Ксандра прошептала слова простейшего заклинания, которое могло бы прояснить природу торговца и магии которую он мог использовать. Она была не слишком удивлена, когда ищущая магия отразилась от торговца; либо он использовал какой-то способ защититься от подобных заклинаний, либо обладал врожденной способностью сопротивляться магии, почти не уступая в этом ей самой.

У Ксандры были подозрения о происхождении торговца, подозрения слишком необыкновенные, чтобы высказывать их вслух, но она не сомневалась что этот “человек” вполне привычен к Подземью, и более чем способен постоять за себя, несмотря на кажущуюся хрупкость и старость.

Торговец полу-дроу – подозрения Ксандры действительно соответствовали истине, – казалось, не заметил действий женщины. Он провел ее вглубь павильона, где стоял ряд больших клеток, каждая с единственным обитателем. Хадрог махнул рукой в их сторону, и отошел, давая возможность Ксандре осмотреть товар.

Колдунья медленно пошла вдоль ряда клеток, разглядывая странных существ, предназначенных для продажи в рабство. Рабов в Подземье было более чем достаточно, но постоянно беспокоящиеся о своем статусе темные эльфы всегда с готовностью приобретали новых, чем более удивительных - тем лучше, а рабы из Земель Света ценились особо. Женщины халфлингов ценились как личная прислуга

за их умелые руки, и способность превратить прическу в сложное произведение искусства. Горные дварфы, обладавшие большим мастерством в работе с оружием и драгоценностями чем их родичи-дуэргары, считались трудноуправляемыми, но более чем оправдывающими трудности содержания. Люди были полезны для различных простых занятий, к тому же они могли обладать знанием заклинаний и зелий, неизвестных Внизу. Популярны были и экзотические звери. Дроу склонные к оригинальности держали их как ручных, или демонстрировали в маленьких частных коллекциях. Некоторые животные попадали на арену Многолюдного района Мензоберранзана. Там те дроу, кто предпочитал наблюдать за убийством чем убивать самим, собирались и делали ставки, а опасные животные дрались друг с другом, рабами разных рас, и даже дроу – солдатами, жаждущими доказать свое воинское мастерство, или наемниками, гонявшимися за монетами и мимолетной славой, которая была наградой выжившему.

Хадрог обладал рабами и животными почти на любой вкус. Ксандра удовлетворенно кивнула, оглядывая коллекцию; ей не зря указали на этого торговца полукровку.

- Мне не сообщили, госпожа, какой раб вам требуется. Если вы опишете ваши пожелания, возможно я смогу помочь в поисках, - предложил Хадрог.

Странный свет зажегся в алых глазах волшебницы.

- Не рабы, - поправила она. - Добыча.

- Ах, вот как, - торговец не был удивлен. - Ритуал Первой Крови, я правильно понял?

Ксандра рассеянно кивнула. В ритуале Первой Крови, ознаменовавшем взросление, юные дроу должны были охотиться и убить разумное или опасное существо, желательно из Земель Света. Рейды на поверхность были одним из способов выполнения ритуала, но вполне обычным было и проводить его в лабиринтах дикого Подземья, если удавалось заполучить подходящих пленников. Но сейчас выбор ритуальной добычи был особенно важен, и Ксандра со всей тщательностью приступила к рассмотрению предлагаемых вариантов.

Ее алые глаза надолго задержались на съезжившейся фигурке ребенка, бледнокожего, золотоволосого эльфа. В своей ненависти дроу уделяли особое место для родичей с поверхности. Фейеры, как еще звали эльфов Земель Света, были самыми частыми мишенями ритуалов Первой Крови, когда те проводились в форме рейдов, но редко на них охотились Внизу. Пленные фейеры могли пожелать умереть, и большинство так и поступало, прежде чем их могли доставить в темные пещеры.

Соответственно, раздобыть такую редкую жертву для ритуальной охоты было бы почетно.

Ксандра с сожалением покачала головой.

Хотя мальчик был достаточно взрослым, чтобы обеспечить спортивный интерес – пожалуй, одного возраста с дроу которая должна была охотиться на него – остекленевшие, застывшие от ужаса глаза говорили об обратном.

Юный эльф, казалось, не обращал никакого внимания на окружающее, взгляд его был сосредоточен в наполненном кошмарами мире его воображения. Да, мальчик дорого стоил, многие дроу заплатили бы немалую цену за удовольствие

уничтожить даже столь жалкого эльфа. Но Ксандре нужна была куда более опасная жертва.

В следующей клетке находился великолепный зверь, напоминавший кошку, с рыжеватой шерстью и крыльями как у летучей мыши. Существо мерило клетку шагами, хвост его – длинный, гибкий, усеянный прочными шипами – яростно метался, звеня о решетку. Уродливое лицо, напоминавшее человеческое, было искажено яростью, и глаза его буравили Ксандру взглядом полным голода и ненависти.

О, это уже неплохо! Не желая казаться слишком заинтересованной – что, конечно же, добавило бы немало золота к запрошенной цене – Ксандра повернулась к торговцу, подняв бровь в скептически вопрошающей дуге.

- Это мантикора. Опасный монстр, - угодливо объяснил Хадрог. - Обожает человеческое мясо – хотя, полагаю, с удовольствием отобедает и дроу, если таково ваше желание! То есть, - мгновенно добавил он, - я хотел сказать, что хищная природа зверя добавит интереса охоте. Мантикора сама охотник, и достойный противник!

Ксандра внимательно оглядела тварь, с одобрением отметив клыки и когти. - Разумна?

- Хитра и коварна, во всяком случае.

- Но способна ли она к рассчитанным действиям, и противодействию замыслам противника? - настаивала колдунья. - Молодая волшебница, которая должна пройти ритуал, очень сильна; мне нужна добыча, которая заставит ее полностью продемонстрировать свои возможности.

Торговец развел руками.

- Сила и голод тоже могучее оружие. А этого у мантикоры достаточно.

- Раз ты промолчал об этом, я так полагаю собственной магии у нее нет, - заметила дроу. - Есть ли у нее по крайней мере способность сопротивляться вражеской магии?

- Увы, нет. Такая власть, великая леди, по праву принадлежит дроу. Трудно найти подобные возможности у низших существ, - тон торговца был точно рассчитан, чтобы польстить и успокоить собеседницу.

Ксандра фыркнула и повернулась к следующей клетке, где огромное животное в белой шерсти обгрызало ляжку рота.

Эта тварь походила на куаггота – медведеподобного существа, живущего в Подземье – отличаясь заостренной головой и сильным мускусным запахом.

- Нет, боюсь йети для ваших целей тоже не подойдет, - задумчиво заметил Хадрог. - Эта юная волшебница выследит зверя даже по запаху.

Неожиданно незакрытый глаз торговца вспыхнул, он щелкнул пальцами. - Подождите секундочку! Думаю у меня есть как раз то, что вам надо!

Он заторопился прочь, и вскоре вернулся, ведя за собой человеческого мужчину.

Первой реакцией Ксандры было отвращение. Торговец казался достаточно хитрым и понимающим пути дроу, чтобы не предлагать такой некачественный товар. Она презрительно оглядела человека – отметив его грубую, как у дварфа, фигуру, бледную кожу бородатого лица, странные татуировки заметные сквозь

тонкие волосы головы, пыльную робу ярко красного цвета, которую посчитали бы безвкусной даже дешевые мужчины по найму, работавшие в Восточном районе.

Но когда Ксандра встретила взглядом с его глазами – зелеными и твердыми как лучший малахит – презрительная ухмылка исчезла с ее губ. Увиденное поразило ее: разум куда выше ее ожиданий, гордость, хитрость, ярость и невыразимая ненависть.

Едва позволяя себе надеяться, Ксандра отыскала взглядом его руки. Да, локти туго связаны вместе, ладони окутаны толстым коконом шелковых нитей. Наверняка и несколько пальцев переломано – такие осторожности вполне разумны, когда имеешь дело с владеющими магией в качестве пленников. Не имеет значения. Жрицы Дома Шобалар вылечат такие травмы без проблем.

- Маг, - сказала она, удерживая голос спокойно-небрежным.

- Могущественный маг, - подчеркнул торговец.

- Увидим, - прошептала Ксандра. - Развяжи его – я проверю его мастерство.

Хадрог, к его чести, не пытался отговорить женщину. Торговец быстро развязал руки магу, даже зажег пару маленьких свечей, позволяя тому видеть.

Одетый в красное человек болезненно разминал пальцы. Ксандра заметила, что ладони его хотя и помяты, но невредимы. Она вопросительно покосилась на торговца.

- Амулет запрета, - объяснил Хадрог, указывая на золотой ошейник, тесно сжимавший шею человека. - Это магический щит, не позволяющий магу использовать изученные и запечатленные в его памяти заклинания. Однако он может изучать и задействовать новые. Разум его невредим, как и заклинания. Как и ладони, кстати. Признаю, это дорогой метод транспортировки магически-одаренных рабов, но моя репутация требует, чтобы товар доставлялся неповрежденным.

Редкая улыбка показалась на лице Ксандры. Она никогда не слышала о подобном, но к ее плану это подходило идеально.

Хитрость, быстрый ум, и мастерство в магии – вот что ей было нужно. Если человек пройдет эти тесты, она научит его всему, что ему понадобится. То, что позднее можно будет покопаться в его разуме, и заполучить весь запас его знаний для себя было дополнительным плюсом.

Дроу быстро достала из сумочки на поясе три маленьких вещицы, и показала их внимательно наблюдавшему человеку. Медленно, она сотворила нужные жесты и произнесла слова простого заклинания. Маленький шар темноты опустился на одну из свечей, полностью закрыв ее свет.

Ксандра протянула такой же набор компонентов для заклинания человеку. - Теперь ты, - приказала она.

Красноробый маг понял, что от него хотят. Гордость и гнев отразились на его лице, но лишь на мгновение – соблазн неизученной магии был слишком силен. Медленно, болезненно осторожно, он повторял жесты и слова Ксандры. Вторая свеча мигнула и потемнела, пламя ее с трудом виднелась сквозь слой серого тумана, окружившего ее.

- Человек неплох, - признала волшебница Шобалар. Для любого мага было необычным достижением воспроизвести заклинание, даже не совсем удачно, без изучения магических символов. - Но произношение у него жуткое, и это сильно

усложнит дело. У тебя не найдется случайно мага владеющего дроу? Или хотя-бы Общим Подземья? Такого легче было бы обучить.

Хадрог глубоко поклонился, и поспешил прочь. Вернулся он один, но одна ладонь его была раскрыта и протянута вперед, демонстрируя Ксандре, что у него есть другое решение проблемы. Слабый свет окруженной туманом свечи сверкнул на двух маленьких серебряных серьгах, каждая в форме полукруга.

- Для перевода речи, - объяснил торговец. - Одной прокалывают ухо, чтобы понимать, другой губу, чтобы быть понятыми. Могу я показать?

Дождавшись кивка Ксандры, торговец поднял другую руку, и дважды щелкнул пальцами. Два охранника-полуорка заторопились к нему, схватили мага и удерживали его, пока Хадрог прокалывал крошечными металлическими иглами ухо человека и левую сторону его верхней губы. Маг немедленно выдал длинный ряд проклятий на дроу, столь сочных и изощренных, что ошеломленный Хадрог попятился.

Ксандра весело расхохоталась.

- Сколько? - потребовала она.

Торговец назвал бешенную цену, быстро заверив Ксандру, что в нее входят магический ошейник и серьги. Дроу быстро прикинула их стоимость, добавив вероятную ценность заклинаний, которые она возьмет у этого человека, и в довершение ко всему – смерть Лириэль Бэнр.

- Согласна, - с мрачным удовлетворением ответила Ксандра.

Глава 2. Тени в Багровом

Треск Муландер мерил шагами свою камеру, алое одеяние шуршало за его спиной. Нелегко было уговорить Госпожу что ему необходим яркий шелк, но он Красный Маг, и останется им, как бы далеко он не находился от Тэя.

Прошло около двух лет с момента, когда Муландер впервые встретился с Ксандрой Шобалар, и началось его странное обучение. Хотя ему не было позволено покидать комнату – большое помещение вырезанное в глухой скале, с узкими вентиляционными отверстиями высоко в потолке – обращались с ним неплохо. У него было в достатке пищи и вина, все удобства, и главное, напряженное и углубленное изучение магии Подземья. За такую возможность многие его знакомые ухватились бы обеими руками, и, по правде сказать, Треск не слишком сожалел о своей судьбе.

Красный Маг был некромантом, и могущественным представителем фракции Исследователей – группы чародеев, предпочитавших оставить границы Тэя как они есть, и жаждавших все более могущественной магии. Яростный приверженец принципов Исследователей, Муландер все же выделялся из рядов Красных Магов, поскольку он был одним из очень небольшого числа волшебников, не принадлежавших полностью по крови правящей расе Мулан.

Отец его отца был Рашеми, и его наследством было мускулистое тело и густые волосы на лице. От матери-волшебницы достался талант и амбиции, а так же рост и желтоватый цвет кожи, считавшиеся признаками аристократии Тэя.

Холодные глаза Муландера, напоминавшие драгоценные камни, и узкий нос изогнутый как скимитар, придавали его лицу жутковатое выражение, и хотя, подчиняясь обычаю, он выбривал череп, но густой длинной бородой, отличавшей его от почти безволосых Мулан он гордился чрезвычайно. В общем, он был впечатляющим мужчиной, легко несшим вес шестидесяти лет на гордых плечах. Тело его было сильным, разум острым, магия могуча; прошедшие годы лишь проредили его седеющие волосы, о чем он не сожалел, поскольку это упрощало бритье головы.

Госпожа Шобалар тоже облегчила ему это, предложив ему исключительно острую бритву, и слугу халфлинга для этих целей. Более того, женщина, казалось, восхищалась покрывавшими голову Муландера татуировками. Очень мудро с ее стороны: каждый рисунок был магической руной, которая, будучи активизирована нужным заклинанием, превратит кусочки мертвой материи в страшных магических слуг. Дайте ему труп, и он создаст армию. Или точнее, сумел бы создать, если бы только мог задействовать свою некромантию!

Муландер раздраженно просунул палец под золотой ошейник, который держал в заключении его Искусство.

- В свое время, тебе будет позволено снять его, - сказал холодный голос за его спиной.

Красный Маг вздрогнул, и повернулся, оказавшись лицом к лицу с Ксандрой Шобалар. Даже после двух лет ее неожиданное появление нервировало его – как это, наверняка и задумывалось.

Но сегодня обещание в словах дроу затмило его обычную злобу.

- Когда?

- В свое время, - повторила Ксандра. Она прошла к креслу, и удобно устроилась в нем. Два года мелочь для дроу, но она была отлично осведомлена о человеческой нетерпеливости, и намеревалась наслаждаться ею.

Столь же веселила ее и с трудом сдерживаемая ярость в глазах Красного Мага.

Ксандра развлекалась, представляя эту ярость выплескиваемую на ее ученицу Бэнр.

Столь долгожданный день приближался.

- Ты хорошо учился, - начала Госпожа. - Скоро, у тебя будет шанс проверить обретенное мастерство. В случае успеха, награда будет щедрой.

Дроу выудила из выреза платья маленький позолоченный ключ, и высоко подняла его. Наклонив голову на бок, она послала Красному Магу холодную, дразнящую улыбку. Глаза Муландера расширились в понимании, затем сверкнули эмоцией куда сильнее жадности. Его голодный взгляд был прикован к ключу, который Ксандра медленно опустила, и вернула обратно в его потаенное хранилище.

- Вижу, ты понял что это. Хочешь ли ты узнать, что ты должен сделать чтобы заслужить его?

Дрожь отвращения прошла по спине Красного Мага. Он отчаянно надеялся, что просторное одеяние скрыло его инстинктивный – возможно, фатальный – ответ. Однако он тут же понял, что ошибся; улыбка Ксандры стала шире, и еще более издевательской.

- О, не в этот раз, дорогой Муландер, - промурлыкала она. - У меня есть для тебя в запасе приключение другого рода.

Госпожа быстро описала обряд Первой Крови, ритуальную охоту, которую должен был пройти каждый молодой эльф, прежде чем он сможет считаться настоящим дроу. Муландер слушал с нараставшей тревогой.

- Значит, я буду добычей, - сказал он ошеломленно.

Глаза Ксандры багровым пламенем отразили ее гнев. - Не будь идиотом! Ты должен победить! Я не для того пошла на такие затраты, чтобы ждать другого исхода!

- Битва магов, - пробормотал он, начиная понимать. - Ты готовила меня к магическому поединку! И заклинания, которым ты меня обучила?

- Представляют собой все атакующие заклинания, известные твоей юной противнице, а так же подходящую защиту от них. - Ксандра с неожиданно суровым лицом наклонилась вперед. - Ты меня больше не увидишь. У тебя будет новый учитель, еще примерно тридцать циклов Нарбондели. Боевой маг. Он будет работать с тобой ежедневно, и обучит тебя всему о тактике дроу. Возьми у него все что возможно.

- Поскольку он уже никогда никому не даст уроков, - предположил Муландер.

Ксандра улыбнулась.

- Правильно. Для человека, у тебя многообещающие способности к двойной игре! Но ты среди дроу, и тебе придется многое узнать о тонкости и предательстве.

Маг ощетинился.

- Мы в Тэе знакомы с искусством предательства! Ни один маг не дожил бы до моего возраста, тем более не достиг бы моего положения, без подобного умения!

- Правда? - Голос дроу сочился сарказмом. - В таком случае, как же ты сюда угодил?

Муландер смог ответить лишь гневным взглядом, но Госпожа Магии и не нуждалась в ответе. - У тебя могущественная и любопытная магия, - заметила она отдавая ему должное. - Сильнее чем я считала возможным для человека, и судя по твоей гордости, сильнее чем у большинства твоих сородичей. Как бы еще тебя смогли одолеть и продать в рабство, если не через измену?

Не дожидаясь ответа, Ксандра поднялась с кресла. - Я предлагаю тебе следующие условия, - сказала она в неожиданно деловой манере. - Когда настанет время, тебя уведут в тоннели возле города – как часть твоей подготовки, у тебя будет карта для запомнания. Там ты встретишься с начинающей волшебницей, ты узнаешь ее по золотистым глазам. У нее будет ключ, который освободит тебя от ошейника. Тебе придется победить ее в магическом поединке – используй любые средства, но она не должна выжить!

- Затем ты заберешь с ее тела ключ, а дальше делай что хочешь. Девчонка будет одна, и преследовать тебя не станут. Возможно, ты найдешь собственный путь в Земли Света – если для тебя там есть еще место. Если нет, с заклинаниями, которым

я тебя научила, и со своей собственной магией смерти, ты прекрасно приживешься Внизу.

Муландер слушал, не выказывая эмоций, тщательно пряча неожиданную надежду, которую оживили в его сердце слова дроу. Все это могло быть и хитроумной ловушкой, он не собирался демонстрировать радость, чтобы повеселить эту проклятую женщину.

А может, она ожидала, что он испугается?

В этом случае, она также будет разочарована. Он не боялся. Красный Маг ни на мгновение не подвергал сомнению исход схватки, он знал полную меру своих сил, даже если Ксандра Шобалар этого не знала.

О, он более чем способен одолеть эльфийскую девчонку в магическом поединке – он убьет маленькую дрянь, и найдет себе какую-нибудь потаенную пещеру в этом подземном мире, окружив ее защитными заклинаниями и иллюзиями такими, что даже могущественные дроу не смогут его найти.

Он сделает это, поскольку волшебница права в одном – для Муландера нет надежд на теплый прием в Тэе, а в любых других землях для Красного Мага места не может быть тем более. Нашел цель и другой укол Ксандры: он действительно был предан. Предан собственным молодым учеником, как когда-то он и сам изменил своему учителю. Неожиданно, ему стало интересно, какую подлость готовит юная воспитанница Ксандры для своей учительницы.

- Ты улыбаешься, - заметила дроу. - Мои условия тебе по нраву?

- Вполне, - ответил Муландер, решив что разумнее держать свои фантазии при себе.

- Тогда позволь мне дополнить твою радость, - мягко сказала Ксандра. Подойдя к мужчине, и подняв тонкую черную ладонь она дотронулась до его челюсти. Он инстинктивно дернулся, и попытка скрыть это только развеселила дроу. Она придвинулась ближе, едва касаясь стройным телом его просторных одежд. Багровые глаза прожигали его взгляд, и Муландер почувствовал как щупальце принуждающей магии вползло в его разум.

- Скажи мне правду, Муландер, - спросила она и слова ее были издевкой, поскольку оба они знали, что ее заклинание позволит ему говорить только правду. - Ты действительно так ненавидишь меня?

Муландер встретил ее взгляд. - Всей душой! - поклялся он, со страстью большей силы чем когда-либо прежде показывал – большей, чем сам в себе предполагал найти.

- Отлично, - выдохнула Ксандра. Высоко подняв руки, она сцепила ладони за его шеей, и взмыла вверх, пока ее глаза не оказались на одном уровне с его. - Тогда помни мое лицо когда будешь охотиться за девчонкой, и помни это.

Дроу прижала свои губы к губам Муландера в жутковатой пародии на поцелуй. Ее страсть была сродни его: только ненависть и гордость.

Ее поцелуй, как когда-то сам он поступал со своими девушками-ученицами, был печатью полного владения, знаком жестокости и абсолютного презрения, куда болезненнее для гордого мага чем удар кинжала. Тем не менее, он вздрогнул когда зубы дроу глубоко погрузились в его нижнюю губу.

Ксандра резко отпустила его, и отплыла прочь, как темный призрак, холодно улыбнувшись и стирая капельку его крови со своих губ.

- Помни, - повторила она, и исчезла так же неожиданно, как появилась.

Оставшись один в своей клетке, Треск Муландер хмуро кивнул. Он долго будет помнить Ксандру Шобалар, и всю свою оставшуюся жизнь будет молить всех темных богов, известных ему, чтобы смерть ее была медленной, болезненной и позорной.

А пока он выместит часть своей ненависти на другой дроу, которой полагается смотреть на него – на него, Красного Мага, мастера некромантии! – как на добычу.

- Пусть же охота начнется, - пробормотал Муландер, и окровавленные губы скривились в ухмылке, когда он вновь подумал о секрете, который смог утаить от Ксандры Шобалар, и который вскоре использует против ее юной ученицы.

Глава 3. Великое приключение

Дверь в спальню Битнары Шобалар с грохотом ударилась о стену, распахнутая с энергичностью, которая могла возвещать пришествие единственной персоны. Битнара, читавшая книгу, не оглянулась, даже не моргнула. К этому времени она уже слишком давно имела дело с неудержимой Бэнр, чтобы выказывать хоть какую-то реакцию.

Но игнорировать Лириэль долго невозможно. Девочка ворвалась в их обиталище, раскинув руки, и дикая грива белых волос летела вслед за ее радостным танцем.

Старшая девушка спокойно разглядывала ее.

- И кто наложил на тебя заклятие безумия? - спросила она угрюмо.

Лириэль резко остановилась и заключила свою соседку по комнате в объятия.

- О, Битнара! Я наконец-то пройду ритуал Первой Крови! Госпожа только что сказала мне об этом!

Шобалар высвободилась насколько могла незаметно, встала с кресла и оглянулась в поисках чего-либо, что могло бы объяснить ее нежелание оставаться рядом с младшей. У противоположной стены на полу валялась кipa одежды; Лириэль обычно обращалась со своей одеждой с таким же презрением, с каким змея относится к сброшенной шкуре. Битнаре все время приходилось прибираться за маленькой неряхой. Сейчас это, по крайней мере, позволило ей оказаться как можно дальше от нежеланных жестов симпатии, обрушиваемых на нее юной соперницей.

- И давно бы пора, - прямо заметила волшебница-ученица, разглаживая и укладывая брошенную одежду. - Тебе скоро восемнадцать, ты давно уже в своем Ашарлекстен. Я часто удивлялась, чего так долго ждет госпожа моя мать!

- Я тоже, - искренне ответила Лириэль. - Но Ксандра все мне объяснила. Она сказала, что не могла объявить церемонию пока не нашла подходящую добычу, которая позволит мне проявить все мое умение. Только подумай! Великая и героическая охота – приключение в диких пещерах Темных Владений! - она возбужденно плюхнулась на кровать с удовлетворенным вздохом.

- Госпожа Ксандра, - холодно поправила ее Битнара. Она, как и все в Доме Шобалар, знала, что с Лириэль Бэнр должны обращаться со всем возможным уважением, но даже дочь архимага обязана соблюдать определенные правила.

- Госпожа Ксандра, - послушно повторила девочка. Она перекатилась на живот, и подперла подбородок обеими руками. - Интересно, на что я буду охотиться, - мечтательно сказала она. - Так много удивительных и страшных монстров в Землях Света! Я читала о них, - призналась она с улыбкой. - Может, гигантская дикая кошка, с черно-золотой кожей, или огромный бурый медведь – вроде четырехногого куаггота. Или даже огнедышащий дракон! - заключила она, хихикнув над собственными словами.

- Можно только надеяться, - пробормотала Битнара.

Если Лириэль и услышала злое замечание соседки, она не подала виду. - Что бы там ни было, я встречу его как равная, - поклялась она. - Я буду использовать оружие соответствующее его природным способностям – кинжал против когтя, стрела против ядовитого плева. Без огненных шаров или облаков яда, без превращений в каменную статую!

- Ты знаешь это заклинание? - ошеломленно потребовала Шобалар. Подобная магия требовала значительной силы, необратимая трансформация и любимый способ наказания у жриц Бэнр, управлявших Академией. Вероятность что это импульсивное дитя может владеть таким заклинанием пугала, особенно если учесть, что Битнара дважды оскорбила юную Бэнр с тех пор, как она вошла в комнату. По стандартам Мензоберранзана, для подобного возмездия у той были все основания!

Но Лириэль только бросила своей соседке лукавую улыбку. Молодая волшебница фыркнула и отвернулась. Она знала Лириэль двенадцать лет, но так и не привыкла к добродушному поддразниванию девочки.

Лириэль любила смеяться, и любила, когда другие смеются вместе с ней. Поскольку немногие дроу разделяли ее подход к юмору, с некоторых пор она перешла к маленьким проделкам для развлечения других студентов.

Битнара никогда не была ее мишенью, но она и не находила их особо смешными. Жизнь – вещь суровая и серьезная, магия – Искусство, которым надо овладеть а не средство для детских проказ. Тот факт, что этот “ребенок” обладал мастерством магии куда выше ее, глубоко задевал гордую женщину.

Не только это подогревало зависть Битнары. Госпожа Ксандра, мать Битнары, всегда выказывала особое предпочтение к девочке Бэнр – граничащее иногда с симпатией. Этого Битнара не забудет никогда, и никогда не простит. Так же не радовало ее и то, что выбранные ей мужчины с трудом помнили свое место и долг, когда поблизости оказывалась золотоглазая дрянь.

Битнаре было двадцать восемь, расцвет молодости; Лириэль была во многом еще ребенком. И все же она уже сейчас притягивала мужские взгляды. По слухам, Лириэль тоже начинала обращать на это внимание, и относилась к подобным вещам с характерным для нее веселым добродушием. И это тоже раздражало Битнару, хотя почему собственно, она бы не смогла сказать.

- Ты придешь на празднование моего взросления? - спросила Лириэль с тенью печали в голосе. - После ритуала, я имею в виду.

- Конечно. Я обязана.

На сей раз, замечание Битнары получило ответ – Лириэль почти незаметно вздрогнула. Но она пришла в себя так быстро, что старшая женщина не успела обрадоваться победе. Лицо Бэнр стало непроницаемым, она небрежно пожала плечами.

- Да, верно, - сказала она спокойно. - Я смутно помню, что должна была посетить твое, несколько лет назад. Какая там была твоя добыча?

- Гоблин, - раздраженно сказала Битнара. Это было ее больное место, поскольку гоблинов не считали ни слишком разумными, ни особо опасными. Она разобралась с ним легко, одним заклинанием парализации и острым ножом. Ее собственная Первая Кровь оказалась простой формальностью, вовсе не приключением о котором мечтала Лириэль. Великое приключение, ха! Девчонка наивна до невозможности!

А так ли это? С неожиданным шоком Битнара поняла, что последний вопрос был едва ли невинным. Немногие словесные уколы могли достичь цели так точно. Глаза ее остановились на девочке, и опасно сузились.

И вновь Лириэль пожала плечами.

- Что сказала Матрона Хинкуте'нат в храме, цикл или два назад? 'Культура дроу постоянно изменяется, мы должны приспосабливаться, или умереть'.

Голос ее был ровным, и ничто на ее лице или в ее словах не давало Битнаре причины для возмущения.

Однако Лириэль ясно давала понять, что давно уже распознала словесные атаки Битнары, и теперь не будет спускать их как раньше, но отвечать ударом на удар.

Проделано было отлично, даже Битнара признала это. Если приспособляемость действительно ключ к выживанию, то эта, казалось бы витающая в облаках маленькая дрянь, пожалуй, доживет и до возраста старухи Матроны Бэнр!

А сама Битнара обнаружила, что не может найти слов в ответ.

Вежливый стук по открытой двери освободил ее от этой неприятной необходимости.

Повернувшись она увидела одного из слуг своей матери, разодетого молодого мужчину из какого-то низшего Дома. Небрежно поклонившись Шобалар, он перенес внимание на младшую девушку.

- Вас ждут, Принцесса, - сказал мужчина, обращаясь к Лириэль по принадлежавшему ей формальному титулу, молодой женщины из Первого Дома.

В дальнейшем, наверняка, ей будут принадлежать куда более звучные титулы: архимага, если Ксандра добьется своего, или волшебницы или жрицы, или даже – упаси нас Ллос! – матроны. Принцесса был врожденный титул, не добытый. Но даже и так, Битнара завидовала ему. Бесцеремонно вытолкнув высокородную мерзавку и симпатичного посланника из комнаты, она захлопнула за ними дверь.

Плечи Лириэль поднялись и опустились в протяжном вздохе. Слуга, примерно ее возраста, и знавший Битнару куда лучше, чем хотел бы, бросил на нее взгляд, граничащий с сочувственным.

- Что понадобилось Ксандре? - спросила она наконец, уже по пути к апартаментам Госпожи Магии.

Перед тем как ответить, слуга осторожно огляделся вокруг.

- За тобой послал архимаг. Его слуга ожидает в покоях Госпожи Ксандры.

Лириэль запнулась на полушаге. - Мой отец?

- Громф Бэнр, архимаг Мензоберранзана, - подтвердил мужчина.

Лириэль вновь прибегла к “маске” – как она называла выражение, которое долго практиковала перед зеркалом: безразличная слабая улыбка, глаза, не выражавшие ничего, только чуть-чуть циничного интереса. Но за этой маской, разум девушки жгли тысячи вопросов.

Жизнь дроу полна сложностей и противоречий, но для Лириэль не было ничего более запутанного, чем ее эмоции по отношению к отцу. Она почитала и презирала, восхищалась и боялась, ненавидела и тосковала – все сразу, и все на расстоянии. И насколько она могла судить, все эти чувства были совершенно безответны. Великий архимаг Мензоберранзана оставался для нее тайной.

Громф Бэнр был ее отцом, без сомнения, но родство дроу велось только по женской линии. Архимаг пошел против обычая, приняв свою дочь в клан Бэнр – страшной ценой для самой Лириэль – а затем оставил ее на попечение Шобалар.

Что теперь понадобилось от нее Громфу Бэнр? Годы прошли с тех пор, как она получала от него известия, хотя его слуги регулярно компенсировали Шобалар расходы по ее содержанию и обучению, и следили чтобы у нее были карманные деньги для ее редких визитов на Базар. Лириэль полагала, что нынешний вызов мог означать только какие-то неприятности. Но что она такого сделала? Или, скорее, какая из ее выходок была раскрыта и о ней было доложено отцу?

Затем она подумала о другой возможности, столь полной надежды и обещаний что “маска” испарилась как гаснущий магический огонь. Эльфийка разразилась радостным смехом, и обняла ошеломленного – и весьма обрадованного – молодого слугу.

После ритуала она будет считаться истинной дроу! Возможно тогда Громф сочтет ее достойной своего внимания, возможно даже будет сам обучать ее!

Ведь он наверняка слышал о ее достижениях, и знает, что она постигла почти все, чему можно научиться в Доме Шобалар.

Наверняка так оно и есть! решила Лириэль, ускользая из полных энтузиазма объятий юноши. Она торопливым шагом направилась к покоям Ксандры, подгоняемая редчайшей из всех эмоций дроу: надеждой.

Мужчины у темных эльфов не обращали особого внимания на собственных детей, но скоро уже Лириэль перестанет быть ребенком, и будет готова к следующему этапу магического обучения. Обычно речь шла об Академии, но для этого она слишком молода. Наверняка у Громфа есть план для ее будущего!

Радостное предвкушение Лириэль несколько поубавилось при виде посланца ее отца, каменного голема размером с эльфа, слишком хорошо он ей был знаком. Это магическое создание было частью ее самых ранних и самых жутких воспоминаний. Но даже этот смертоносный посланник не мог полностью изгнать радость из ее сердца, восхитительную возможность, певшую в нем: *быть может, она наконец нужна отцу!*

По настоянию Ксандры, полный патруль из восьми всадников на пауках сопровождал Лириэль и голема в богатый район Нарбонделлин, где был расположен дом Громфа Бэнр. Вот Лириэль миновала Темные Шпили не любуясь на изящные формы черной скалы. Вот она не обратила внимание на симпатичного капитана стражи, стоявшего в дозоре у ворот крепости Хорлбар. Она даже проехала мимо

элегантных маленьких магазинчиков, продававших парфюмерию, тончайшие шелковые одеяния, магические статуэтки и другие восхитительные товары, не удостоив их ни единого жаждущего взгляда.

Какое все это имело значение, по сравнению с мгновением времени ее отца?

Несмотря на это, Лириэль пришлось собраться с силами при первом взгляде на особняк Громфа Бэнр. Здесь она родилась, и провела первые пять лет жизни в роскошных покоях своей матери, Сосдриэль Вэндри, которая много лет была любовницей Громфа. Это был уютный мирок, только Лириэль, ее мать и несколько слуг заботящихся о них. С тех пор Лириэль осознала, что Сосдриэль – которая была редкой красавицей, но не обладала ни магическим даром, ни амбициями необходимыми для процветания в Мензоберранзане – души не чаяла в своей дочери, и сделала ее центром своей маленькой вселенной. Несмотря на это, а может быть именно благодаря этому, Лириэль не могла заставить себя вновь взглянуть на свой первый дом, с той поры как она оставила его двенадцать лет назад.

Вырезанный в сердце гигантского сталактита, особняк архимага считался лучше защищенным магией, чем два дома любых других городских магов вместе взятые. Скользнув с верхового паука – способ передвижения, предпочитавшийся Домом Шобалар – Лириэль последовала за молчаливым смертоносным големом к черному строению.

Каменный голем коснулся одной из рун, мелькавших и сменявших друг друга на темной стене; тут же появилась дверь. Жестом приказав Лириэль следовать за ним, голем исчез внутри.

Молодая дроу глубоко вдохнула и направилась вслед за слугой. Она примерно помнила дорогу к кабинету Громфа Бэнр. Здесь она впервые встретила своего отца, впервые обнаружила свой дар и любовь к магии. Казалось правильным, что здесь начнется и следующий этап ее жизни.

Громф Бэнр поднял на нее взгляд, когда она вошла в кабинет. Его янтарные глаза, такие же как у нее, холодно разглядывали дочь.

- Прощу, садись, - пригласил он, указывая элегантно ладонью с длинными пальцами на кресло. - Нам многое нужно обсудить.

Лириэль тихо подчинилась. Архимаг сделал паузу, и она долгое время просто разглядывала его. Он выглядел точно как в ее воспоминаниях: суровый, но красивый дроу, в расцвете сил. Это было не удивительно, учитывая как медленно стареют темные эльфы, но Громф по слухам был свидетелем рождения и смерти семи столетий.

Протокол требовал, чтобы Лириэль предоставила первые слова магу более высокого ранга, но через некоторое время она не могла больше вынести тишину.

- Скоро я пройду ритуал Первой Крови, - объявила она с гордостью.

Архимаг мрачно кивнул.

- Я слышал об этом. Ты останешься здесь, в моем доме, до ритуала, еще многому тебе надо научиться, а времени для подготовки мало.

Брови Лириэль озадаченно вздернулись. А разве не этим она занималась все двенадцать лет? Разве не изучила она базовые – но достаточно могущественные – боевые заклинания, и не тренировалась с оружием? Меч ее не интересовал, но ручным арбалетом или метательным оружием она владела не хуже любого, а то и

лучше! Уж конечно, она знает достаточно чтобы предстать в завершении ритуала победительницей, с окровавленными руками!

Слабая, жесткая улыбка коснулась губ архимага.

- Быть дроу это куда больше, чем умение прибегать к грубому насилию. Я, однако, не совсем уверен что об этом помнит Ксандра Шобалар!

Эти загадочные слова заставили Лириэль нервничать. - Сэр?

Громф не стал тратить силы на объяснения. Открыв ящичек в столе, он достал оттуда маленькую зеленую бутылочку.

- Это флакон-клетка. Он пленит любое существо, которое выставит против тебя Шобалар.

- Но как же охота! - запротестовала Лириэль.

Улыбка архимага осталась, но глаза заледенели.

- Не будь дурой, - сказал он спокойно. - Если охота обратится против тебя, и твоя добыча получит преимущество ты используешь этот флакон! Ты можешь затем легко пролить кровь как положено и выполнить требования ритуала. Смотри. - сказал он, отворачивая крышку и демонстрируя сверкающую митриловую иглу, торчавшую с ее нижней стороны.

- Закрути крышку, и твоя добыча мертва. Затем тебе нужно только разбить флакон, и мертвое существо окажется перед тобой, кинжал – трансформированная игла, естественно – пробьет его сердце или глаз. На предварительной церемонии у тебя будет точно такой же кинжал, чтобы избежать всяческих разбирательств насчет оружия. Кинжал магический, и исчезнет в тот момент, когда игла будет окровавлена, чтобы его не нашли случайно брошенным по дороге. Если тебя заботит гордость, никто не обязан знать как погибла твоя добыча.

Чувствуя себя странно преданной, Лириэль взяла бутылочку и прочно прикрутила крышку на место. На самом деле, она находила подобное неспортивное решение ужасающим. Но флакон был даром ее отца, и она попыталась высказать хоть что-либо одобрительное.

- Госпожа Ксандра будет восхищена этим, - сказала она тускло, хорошо зная, что волшебница Шобалар обожает всяческие магические устройства.

- Она не должна ничего знать о флаконе, или о любом заклинании которое ты здесь изучишь! Так же ей не стоит слышать и о других, более сомнительных твоих умениях. О, оставь этот невинный взгляд, можешь дурить им стражников, - сухо сказал он. - Я отлично знаю капитана наемников, хвастающегося как он научил принцессу метать ножи не хуже любого головореза из таверны! Хотя как ты умудрилась проскользнуть мимо этих пауков-стражей, которых Матрона Хинкуте'нат ставит на каждом шагу, да еще и пройдя через весь город найти эту таверну, даже я понять не могу.

Лириэль ухмыльнулась.

- Я наткнулась тогда на таверну случайно, а капитан Джарлакс узнал мой медальон Дома, и помог мне в изучении – множества различных предметов! Но я и впрямь обхитрила пауков. Рассказать как?

- Возможно, потом. Ты должна поклясться на крови, что этот флакон не попадется на глаза Ксандре.

- Но почему? - настаивала она, искренне озадаченная.

Громф долго и внимательно разглядывал свою дочь. - Как много молодых дроу погибает во время ритуала? - спросил он наконец.

- Такое бывает, - признала Лириэль. - Рейды на поверхность нередко встречаются трудности – люди или эльфы фейери иногда узнают об атаке и получают время подготовиться, или они дерутся лучше чем ожидалось, или их оказывается больше. И время от времени под ребра участникам рейда попадает кинжал дроу, - добавила она спокойно. - Если ритуал проводится Внизу, случается что дроу пропадают в диком Подземье, или сталкиваются с монстром который оказывается сильнее их.

- А иногда их убивает то, за чем они должны охотится, - сказал Громф.

Это было очевидно; девушка сделала недоуменный жест.

- Я не хочу, чтобы с тобой произошла беда. Ксандра Шобалар может не разделять моих добрых пожеланий, - сказал он прямо.

Лириэль неожиданно похолодела. Множество эмоций кипели и танцевали глубоко внутри ее, ожидая пока она вытянет любую – и все же она на самом деле не чувствовала ни одну из них. Все ответы оставались за пределами ее досягаемости, ибо она не могла понять, какой из них можно выбрать.

Как мог Громф предположить, что Ксандра Шобалар предаст ее? Госпожа Магии взрастила ее, уделяя ей больше внимания и благорасположения чем могли даже мечтать большинство детей дроу! Не считая матери – которая дала Лириэль не только жизнь, но и чудесный пятилетний кокон безопасности и даже любви – Лириэль считала, что именно Ксандра больше всего сделала для того, чтобы она стала такой, какой есть. А это было очень многое. Хотя Лириэль не помнила лица матери, она понимала, что от Сосдриэль Вэндри ей досталось что-то очень редкое для ее народа, нечто такое, что ничто и никто не сможет у нее отобрать. Ни даже Громфу Бэнр, который приказал убить ее любимую мать двенадцать лет назад!

Лириэль уставилась на отца, слишком ошарашенная, чтобы понять что раздиравшие ее на части мысли ясно отражаются в ее глазах.

- Ты мне не доверяешь, - заявил архимаг, голосом абсолютно лишенным эмоций.

- Это хорошо – я начинал отчаиваться насчет твоей ясности в суждениях. Может быть, ты все же переживешь ритуал. Теперь слушай внимательно, я объясню этапы активации магии флакона.

Глава 4.

Первая кровь

Ритуал Первой Крови начался на третьем цикле после встречи Лириэль с отцом. Она возвратилась в Дом Шобалар к концу дня, поскольку подобные церемонии всегда начинались в темный час Нарбондели.

Когда гигантские часы Мензоберранзана угасли, знаменуя приход полночи, Лириэль стояла перед Хинкуте'нат Алар Шобалар, матроной-матерью клана.

Молодая дроу раньше редко общалась с матриархом Шобалар, и чувствовала себя немного обеспокоенной стоя перед столь впечатляющей фигурой.

Хинкуте'нат была высшей жрицей Ллос, как подобает правящей матроне, и была типичной представительницей последовательниц Паучьей Королевы. Ее тронная комната напоминала Лириэль жуткое и опасное логово. Тени были повсюду, черепа множества жертв Шобалар были превращены в тусклые лампы, отбрасывающие маски смерти на любую поверхность, окутывавшие призрачным сиянием темные лица собравшихся перед тронном повелительницы.

Большая клетка стояла в центре зала, готовая принять ритуальную добычу. Со всех сторон ее окружали гигантские, выведенные с помощью магии пауки, составлявшие большую часть сил Шобалар. Собственно, пауки несли стражу повсюду – в каждом углу комнаты, на каждой ступени к тронному возвышению, даже свисали с потолков на длинных блестящих нитях.

В общем, тронный зал был вполне подходящим окружением для матриарха Шобалар. Холодная и коварная, матрона напоминала паука, повелевающего из центра собственной паутины.

На ней было черное одеяние, где серебряными нитями изображались паутины, и взгляд, который она бросила на Лириэль, своим спокойствием и безжалостностью подошел бы любому когда-либо жившему арахниду. Характером своим она также была сродни паукам: даже среди дроу Матрона Шобалар заслужила особую репутацию за коварное и запутанное ведение дел.

- Ты подготовила добычу? - спросила матрона у своей третьей по старшинству дочери.

- Да, - сказала Ксандра. - Юная дроу, стоящая перед тобой, демонстрирует большие способности, что можно было ожидать от дочери Дома Бэнр. Предложить ей нечто меньшее, чем истинное состязание было бы оскорблением Первой Семьи.

Матрона Хинкуте'нат подняла бровь. - Понятно, - сухо сказала она. - Ну что же, ты в своем праве, и это в пределах правил Первой Крови. Едва ли возникнет такой вопрос, но ты понимаешь, что несешь ответственность за все возможные осложнения? - Когда Ксандра хмуро кивнула, матрона вновь повернулась к Лириэль. - А ты, Принцесса, готова?

Бэнр низко поклонилась, отчаянно стараясь пригасить блеск в глазах, и придать лицу ничего не выражающее спокойствие.

Три дня в доме Громфа не смогли полностью уничтожить ее мечты о приключении.

- Это будет твоя добыча, - сказала Госпожа Ксандра. Она подняла руки и резко развела их в стороны. Тихий треск раздался в пропитанном влагой тяжелом воздухе, и прутья клетки вспыхнули магическим огнем. Все глаза в помещении повернулись, дабы лицезреть ритуальную жертву.

Сердце Лириэль стучало от волнения – так громко, что ей казалось, что все вокруг слышат это.

Затем свет окруживший клетку рассеялся, и она была столь же уверена, что все могут почувствовать жесткую, холодную руку, схватившую ее и заставившую сердце замереть.

В клетке стоял человек в ярко красном одеянии. Лириэль редко видела людей, и мало интересовалась ими, но неожиданно обнаружила, что у нее нет желания убивать этого. Он был слишком похож на эльфов, слишком похож на – личность!

- Это оскорбительно, - начала она низким сердитым голосом. - Мне внушали что мой ритуал Первой Крови будет проверкой мастерства и храбрости, охота на опасное существо с поверхности, вроде кабана или гидры!

- Если ты не поняла сути ритуала, я в этом не виновна! - бросила Ксандра. - Годами ты слышала истории о рейдах на поверхность. Кого, по твоему, мы убивали – животных? Жертва есть жертва, неважно на двух ногах или четырех. Ты присутствовала на церемониях; ты знаешь, что требовалось от тех, кто проходил до тебя.

- Я не стану этого делать. - сказала Лириэль, с королевской надменностью, сделавшей бы честь самой Матроне Бэнр.

- Не тебе выбирать, - указала Матрона Хинкуте'нат. - Право назвать добычу и правила принадлежит госпоже или матроне.

- Продолжай, - сказала она, поворачиваясь к дочери.

Госпожа Ксандра позволила себе улыбнуться.

- Этот человек-маг будет доставлен в пещеры Темных Владений на юго-западе Мензоберранзана. Ты, Лириэль Бэнр, будешь проведена к близлежащему тоннелю. Ты должна найти и уничтожить человека, используя любое оружие. Для этого у тебя есть десять циклов; мы не станем искать тебя до истечения срока.

- Но ты должна взять с собой этот ключ, - продолжила Ксандра, вручая девушке маленький золотой ключ. - Я подвесила его на цепочку. Держи его при себе постоянно. Мы не желаем, чтобы ты попала в беду: с этим ты сможешь в случае нужды немедленно вызвать помощь из Дома Шобалар. У тебя большой талант, ты отлично тренирована, - добавила Госпожа менее суровым тоном. - Мы полностью уверены в твоём успехе.

Столь явная забота старшей женщины дала Лириэль искорку надежды.

- Госпожа я не могу убить этого мага! - отчаянно прошептала она, позволив глазам ясно выразить собственное беспокойство. Наверняка ведь Ксандра, обучившая и вырастившая ее, поймет ее чувства, и снимет с нее этот груз!

- Ты убьешь, или ты умрешь, - объявила волшебница. - Таково требование ритуала Первой Крови, такова жизнь дроу!

Голос Ксандры был холодным и ровным, но Лириэль не пропустила вспышку в красных глазах волшебницы. Ошеломленная пониманием, Лириэль уставилась на свою учительницу, которой так доверяла.

Убей или умри. И нет сомнений, какой исход предпочтет Ксандра.

Лириэль оторвала взгляд от мстительного багрового пламени, и постаралась сосредоточиться на последовавшей церемонии. Безмолвно принимая ритуальные благословения матроны, девушка испытала странное и очень ясное видение: где-то глубоко в ее сердце крохотная искорка света задрожала и угасла – предвестник, возможно, опускавшейся тьмы. Необъяснимая печаль коснулась Лириэль, но исчезла прежде чем она смогла задуматься о столь странной эмоции. Для юной эльфийки подобное видение должно было быть вполне подходящим – добрым знаком, а не причиной для сожалений. Скоро, очень скоро она станет настоящей дроу!

Глава 5.

Убей или умри

Лириэль осторожно пробиралась по сумрачному коридору. Одним из подарков ее отца была волшебная обувь, сотканная из мягкой кожи и магии темных эльфов. Лириэль шла издавая не больше шума, чем ее собственная тень.

Так же на ней был новый плащ – не пивафви, поскольку эти уникальные плащи дроу обычно носили как раз те, кто прошел этот ритуал. Конечно, были и исключения, и у самой Лириэль был один из таких магических плащей маскировки – что немало помогало ей в тайных экскурсиях из Дома Шобалар – но молодым дроу запрещалось носить их во время Первой Крови. Преимущество невидимости делало его слишком легким, и считалось неподобающим для первого настоящего убийства.

Таким образом, Лириэль была хорошо видна для тепло-чувствительных глаз разнообразных смертоносных обитателей Подземья, и следовательно подвергалась постоянной опасности.

Молодая дроу была настороже. И все же, она не чувствовала себя готовой к охоте. Она вообще не была уверена, что еще может что-то чувствовать: горе и ярость покинули ее, оставив за собой странную пустоту.

Лириэль привыкла к предательствам, в большом и в малом, и все еще пыталась уверить себя, что должна просто не обращать внимания и идти дальше – с осторожностью. Так было с Битнаррой, чьи злобные выпады и зависть когда-то глубоко ранили ее. Так было и с ее отцом, кто двенадцать лет назад причинил ей такую боль, которую больше никто и никогда не мог повторить с тех пор.

Но Ксандра Шобалар так легко не отделается, угрюмо поклялась Лириэль. Предательство Ксандры было иным, и оно не пройдет незамеченным – или неотомщенным.

Мстительность была важнейшим чувством для темных эльфов, но для Лириэль эта эмоция была внове. Она наслаждалась ей, как недавней чашей зеленого вина с пряностями – горько, да, но обостряет ощущения, и усиливает решимость. Лириэль была еще очень молода, и готова была принять и не обращать внимания на многое в своих сородичах. Но сегодня она впервые отчетливо увидела желание ее смерти в чужих глазах. Инстинкт подсказывал ей, что подобное не должно остаться безнаказанным, если она хочет выжить.

Но еще глубже, в самом сердце, девушка чувствовала горькую обиду на Ксандру, заставлявшую ее пренебречь велениями души, действовать против своей воли.

Лириэль не желала подчиняться требованиям своей Госпожи, но что еще может она сделать, чтобы быть принятой как истинная дроу?

Что?

Улыбка медленно проявилась на ее лице, одновременно с тем, как в ее разуме появлялось решение дилеммы. *Быть дроу это куда больше, учил ее отец, чем умение прибегать к гробу насилью.*

Тяжесть, сжимавшая ее грудь, немного ослабела, позволив ей впервые осознать странную вещь: она совершенно не боялась опасного и дикого Подземья. Для нее

место это казалось прекрасным, интересным, полным неожиданных поворотов и путей. Опасность, приключение и восторг были в воздухе и камне. В отличии от Мензоберранзана, каждому камешку которого была придана форма, монумент гордости и могуществу дроу, здесь все было новым, таинственным и полным восхитительных возможностей. Здесь она сможет найти собственное место. Лириэль ощутила неожиданную и глубокую любовь к огромному, не прирученному миру.

- Великое приключение, - тихо сказала она, повторяя без следа иронии слова собственной отброшенной мечты. Неожиданная улыбка осветила ее лицо, и нежно погладив скалу она добавила, - Первое из многих!

Без предупреждения, яркая сфера резко вылетела из-за угла тоннеля, и направилась к ней.

Схватка началась.

Тренировки и инстинкт сработали мгновенно: Лириэль выбросила навстречу руки крест-накрест, выставив вперед ладони. Защита сформировалась за мгновение до взрыва. Девушка закрыла глаза и отвернулась, и тут же сверкающий шар расцвел вспышкой магического пламени.

Лириэль упала и откатилась в сторону, как ее учили поступать в случае подобных атак. Магический щит мог удержать лишь один-два удара такой мощи, и разумнее всего убраться с линии огня. К ее изумлению, второй удар пошел низом – и прямо к ней. Лириэль вскочила на ноги, и бросилась назад по тоннелю. Она успела укрыться от надвигавшегося огненного шара за большим сталагмитом.

Взрыв грохотом прокатился по тоннелю, дождь камней обрушился на дроу. Кашляя и отплевываясь от пыли, она тем не менее сплела ответное заклинание.

Отвечая ее магии, пыль и дым начали стекаться в центре коридора, вскоре собравшись в большой шар. Лириэль указала в направлении невидимого мага, и шар послушно поплыл за угол в направлении врага.

Затаив дыхание, она ждала следующей атаки. Когда ее не последовало, она медленно и осторожно крадучись направилась к повороту. Спереди не доносилось ни звука, только удаленный стук капель. Это обнадеживало: шар горячего удушающего дыма должен был отыскать и окружить источник его происхождения. Если все прошло как надо, человек уже задохнулся в ядовитых продуктах собственного заклинания. Лириэль пошла побыстрее. Если это так, времени найти и откатать его немного.

Вокруг становилось все ярче, по мере того как она спускалась все дальше по извилистому коридору. Неожиданно путь оборвался, и Лириэль увидела открывавшуюся перед ней пещеру, ничего подобного она раньше не видела и даже вообразить не могла.

Светящийся лишайник покрывал почти весь камень, наполняя пещеру слабым и таинственным голубоватым сиянием. Сталагмиты и сталактиты соединялись, образуя каменные столбы, и большие кристаллы в них отблескивали сверкающими гранями, впиваясь в ее глаза как крохотные кинжалы.

И новый сверкающий шар ожил в центре пещеры. Лириэль бросилась назад, схватившись за ослепленные глаза. Чуткие уши уловили шипение и свист приближающегося снаряда; все что она успела сделать, это бросится на камень.

Шар прошел мимо, но едва-едва. Обжигающая боль коснулась ее, когда он пролетал над ней, волосы начали тлеть и дымиться. Хрипя и кашляя, она вновь перекатилась в сторону. Одновременно она лихорадочно моргала, пытаясь отогнать искорки и вспышки, затмевавшие ее зрение.

Думай, думай! - приказала она себе. Пока она только реагировала: это был верный путь к поражению.

Пытаясь выиграть время, Лириэль призвала врожденную магию дроу, окутав шаром тьмы источник магического света перед ней. Это немного выровняло ситуацию, но преимущества человеческого мага не лишило: в пещере все еще вполне хватало света, чтобы он мог спокойно видеть.

Она же никак не могла обнаружить его.

Подозрение, укоренившееся в ее разуме еще с первой атакой мага, неожиданно превратилось в уверенность. Он предвидел ее действия. Он точно знал, как она будет реагировать. Возможно, он был тренирован для этого. Угрюмо сцепив зубы, Лириэль приступила к выяснению, насколько хорошо его подготовили.

Ее ладони мелькнули сплетая заклинание, которому научил ее Громф – редкое и сложное заклинание, известное лишь немногим дроу, и используемое еще реже. У нее ушла большая часть дня на его изучение, но теперь затраты окупались сторицей.

В центре пещеры, окруженный и частично защищенный кругом каменных колонн, стоял человек. С изумленным выражением на бородатом лице, он разглядывал свои вытянутые руки. Причина была очевидной: пивафви, накинутый поверх красного одеяния, который должен был обеспечить ему невидимость, неожиданно заблестел и заискрился. Он был не только натренирован, ему оказали и другую поддержку!

Маг быстро оправился от удивления. Глубоко вдохнув, он плюнул в сторону Лириэль. Из губ его вылетела темная полоса, затем другая. Глаза дроу расширились, когда она увидела двух живых гадюк, скользящих к ней с неестественной быстротой.

Выхватив с пояса два кинжала, Лириэль метнула их в ближайшую змею. Клинки вошли крест-накрест, почти отделив голову гадюки от туловища.

Обезглавленная змея несколько мгновений билась в агонии, преградив путь второй, и позволив Лириэль повторить бросок.

На сей раз она метнула только один нож. Он вошел змее в распахнутую пасть, и с вылетел с другой стороны головы, сопровождаемый хлынувшей кровью. Лириэль позволила себе короткую улыбку, и решила достойно отблагодарить наемника, научившего ее метанию.

Задержка была мгновенной, но этого хватило. Руки человека уже двигались в жестах заклинания – знакомого ей.

Лириэль достала маленький дротик с пояса и сплюнула на него. Повинуясь мысленному приказу, другой компонент заклинания – крошечный сосуд с кислотой – поднялся из ее раскрытой сумки. Схватив его, она подбросила оба предмета в воздух. Пальцы мелькнули, сплетая заклинание, и светящаяся полоса метнулась навстречу такой же, несшейся к ней. Кислотные стрелы столкнулись на полпути между сражающимися, распылив вокруг зеленоватые капли смертоносной жидкости.

Человек взмахнул рукой. Магия стекала с его пальцев, разворачиваясь в полете гигантской паутиной. Странное голубоватое освещение пещеры отблескивало в нитях, превращая липкие капли на них в драгоценности прекраснее жемчужин и лунных камней. Лириэль успела восхититься смертоносной красотой паутины, пока она летела к ней.

Единственным словом дроу призвала несколько гигантских пауков, размерами с детенышей ротов. Армия пауков взмыла ввысь к потолку пещеры, схватив паутину и утянув ее с собой.

Лириэль расставила ноги пошире и послала к упрямому человеку поток огненных снарядов. Как она и ожидала, он мгновенно сотворил вокруг себя защитный экран. Она узнавала жесты и слова силы – те же, что использовали дроу. Маг действительно был подготовлен для этого боя, и подготовлен хорошо!

К несчастью для Лириэль, маг был обучен даже слишком хорошо. Дроу надеялась, что бушевавший в пещере огненный шторм ослабит колонны, окружающие мага, так чтобы они обрушились на мага когда ослабнет его щит. Но вскоре стало ясно, что магический барьер он поместил перед каменным скоплением, обезвредив ее стратегию. Щит не слабел под ее ударами: напротив, он поглощал их энергию, сверкая все ярче и ярче. Лириэль распознала защитное заклинание дроу, но ее саму никогда ему не учили!

Наконец Лириэль устало опустила руки, истощенная той мощью, которую обрушила на магическую паутину Ксандры.

И только теперь девушка поняла всю степень предательства своей воспитательницы.

Человек был тренирован в магии и тактике боя в Подземье, более того, он знал достаточно о своей противнице чтобы предвидеть и отразить каждое ее заклинание. Он был избран и подготовлен со всей тщательностью – не чтобы проверить ее, но чтобы убить ее! Ксандра Шобалар не стала успокаиваться на одних пожеланиях гибели своей ученицы: она сделала для этого все от нее зависящее!

Лириэль поняла, в какое положение загнало ее это предательство. Ее единственной надеждой на победу в поединке с магом – и Ксандрой Шобалар – оставалась не ее боевая магия, но лишь ее собственная сообразительность.

Она отчаянно обдумывала варианты. Ей ничего не было известно о человеческой магии, но то, что маг использовал только заклинания дроу было очень подозрительно. У него должна была быть немалая подготовка чтобы освоить столь могущественные силы; наверняка у него были и собственные заклинания. Почему же он их не использует? Разглядывая человека, девушка неожиданно нашла очевидный ответ. Ее пальцы сомкнулись на ключе, которые ей дала Ксандра, и одним резким рывком она сорвала его с золотой цепочки, прикрепленной к поясу.

Гнев полыхал в золотых глазах Лириэль, когда она достала флакон, данный ей отцом. Поймать мага будет нелегко, но она найдет способ.

Лириэль открыла крышку, и кинула ключ внутрь. Но прежде чем вернуть крышку на место, она сорвала митриловую иглу, и отбросила ее прочь.

Убей или умри, сказала Госпожа Ксандра.

Так тому и быть.

Глава 6.

Вспоминая кошмары

Треск Муландер щурясь смотрел сквозь свечение собственного щита в сторону своей противницы. Пока что все шло, как он и ожидал. Девчонка была хороша, Госпожа Ксандра не преувеличивала. Она даже смогла преподнести несколько сюрпризов, вроде своей меткости с ножами.

Ничего страшного. У Муландера тоже было кое-что в запасе.

Ксандра Шобалар вырвала из его разума огромный запас заклинаний некромантии. Однако одного из них колдунья дроу коснуться не могла: оно хранилось не в разуме, но в плоти.

Муландер был Исследователь, всегда ищущий новую магию там, где обычные люди видят только смерть. Разлагающиеся трупы, даже падаль на скотобойне, могут быть использованы для создания чудесных и страшных существ, полностью ему подконтрольных. Но самое необычное и тайное его творение еще только ждало своего воплощения.

В кусочке неживой плоти – маленькой темной родинке, державшейся на его теле тончайшим покровом кожи, он хранил существо огромной силы. Чтобы призвать его, нужно лишь довершить отделение от тела.

Маг полез большим и указательным пальцем под золотой обруч.

Какая ирония, что зачарованная родинка была скрыта под его магическими кандалами!

Муландер оторвал этот кусочек, наслаждаясь острым уколом боли – ибо это была смерть в миниатюре, а смерть была источником его силы. Бросив крошечную родинку на пол он с голодным предвкушением наблюдал как созданный им монстр обретает форму.

Многие Красные Маги создавали тварей тьмы: страшных летающих существ, создаваемых кощунственным объединением тел обычных животных. Муландер пошел дальше. Поднимавшееся перед ним существо было создано из его собственной плоти и его собственных кошмаров.

Муландер начал с самой жуткой вещи, которая была ему известна – копии своей давно умершей матери-волшебницы, - увеличил её до гигантских размеров и добавил части каждой твари что когда либо наводила ужас на его сновидения. Крылья как у летучей мыши – или демона – висели у нее за плечами, когти росли на человеческих ладонях. Клыки вампира, ляжки и ноги лютоволка, отравленный хвост виверны. Женский торс прикрывала драконья броня – естественно, цвета Красных Магов. Только глаза, жесткие зеленые глаза, такие же как и его собственные, остались нетронутыми. Они остановились на девчонке дроу – охотнике, вдруг ставшем добычей – и наполнились памятной Муландеру жестокостью. Невольная дрожь прошла по спине могущественного мага, вызвавшего монстра, сотканного из отметин на его душе оставленных давно ушедшим хмурым детством.

Монстр пригнулся. Волчьи лапы опустились, мускулы на мощных ляжках напряглись готовясь к прыжку. Муландер не стал опускать магический щит. В

монстре сохранилось достаточно напоминавшего ему о матери, чтобы его вопль боли от столкновения с защитой доставил ему удовольствие.

Так же приятен был и шок на лице юной дроу. Однако она с завидной быстротой пришла в себя, и отправила в лицо твари пару кинжалов. На мгновение Муландер познал истинное счастье, когда клинки глубоко погрузились в проклятые зеленые глаза.

Монстр издал вой, полный ярости и тоски, раздирая лицо когтями в попытке вырвать кинжалы. Длинные кровавые борозды отпечатались на его лице, прежде чем клинки дроу наконец упали на пол пещеры. Ослепленное и разъяренное, существо надвигалось на девушку, лапы дико хлестали по воздуху.

Дроу выдернула с пояса боло, коротко размахнулась и бросила. Оружие туго обернулось вокруг шеи ослепленной твари, которая с бульканьем стала разрывать кожаные ремни. Резкий треск прокатился по пещере, и вслед за ним раздался грохочущий рев. Принюхиваясь в поисках жертвы, уродливое создание Муландера, выставив когти, метнулось к дроу.

Но та взмыла в воздух, быстрая и грациозная как птица, и тварь звучно шлепнулась на каменный пол. Быстро перекатившись, она вскочила на ноги. Громоподобные звуки наполнили пещеру, когда монстр взмахнул крыльями; медленно и неуклюже он поднялся в воздух, в погоне за добычей.

Молодая волшебница окутала тварь гигантской паутиной, но существо легко разорвало ее. Она осыпала его градом дротиков, но те лишь беспомощно отскакивали от бронированного тела.

Дроу сотворила заряд черной молнии, и метнула его как копье. К беспокойству Муландера, молния разорвала одно из кожистых крыльев.

Воя от ярости, монстр по нисходящей спирали рванулся вниз, и с грохотом ударился о камень.

Не важно: схватка брала свое с юной эльфийки. Она медленно опускалась к полу, к челюстям израненного, но поджидающего монстра.

Золотые глаза отчаянно повернулись к злорадствующему лицу Муландера.

- Хватит! - выкрикнула она. - Я знаю, что тебе нужно – убери тварь, и я отдам тебе это без боя. Клянусь в этом – всем, что есть темного и священного!

Улыбка жестокого удовлетворения посетила лицо Красного Мага. Он не верил никаким клятвам от любых дроу, но знал, что боевые заклинания этой почти исчерпаны. И не удивительно, что она боится продолжать бой. Девчонка еще совсем мала – по человеческим меркам, она выглядела лет на двенадцать-тринадцать. Несмотря на все наследие своего происхождения, и свои магические способности, она была просто соплячкой, и конечно же не ровня таким как он!

- Брось мне ключ, - приказал он.

- Убери эту тварь - молила она.

Муландер замешкался, потом решил. Даже без магического создания, он куда сильнее этого ребенка. Мановением руки он отослал монстра назад, в кошмары породившие его. Но другой он вызвал огненный шар, достаточной мощи, чтобы расплющить дроу о стену пещеры, оставив от нее только горстку пепла. По страху в ее глазах он видел, что она понимает свое положение.

- Здесь, он здесь. - лихорадочно бормотала девочка, рывшаяся в сумочке у пояса. Ей мешал ее собственный страх: дыхание прерывалось всхлипываниями, тонкие плечи дрожали от рыданий.

Наконец, она вытащила маленький шелковый мешочек и подняла его.

- Ключ здесь. Возьми его, и пожалуйста, позволь мне уйти!

Красный Маг легко поймал брошенный мешочек, и вытряхнул в ладонь маленькую светящуюся сферу. Это был защитный пузырек – элементарная магия, легко создаваемая и легко разрушаемая – в котором находился изящный флакон полупрозрачного зеленого стекла. А внутри него был крошечный золотой ключ, обещание свободы и могущества.

Оглянись он на молодую дроу, Муландер мог бы задуматься, почему глаза ее сухи несмотря на плач, почему она больше не испытывает никаких сложностей в левитации. Подними он взгляд от долгожданного ключа, он мог бы узнать холодный триумф в ее золотых глазах. Он видел прежде это выражение, очень недолго, на лице своего собственного ученика.

Но гордость сделала его слепым к предательству прежде, заставила его сделать ловушку, итогом которой был смертельный приговор; приговор, который был заменен на пожизненное рабство.

Когда к нему наконец пришло понимание, Муландер осознал, что эта ошибка будет последней.

Глава 7. Ритуал

Лириэль Бэнр вернулась в Мензоберранзан уже через два дня, со следами схватки на лице и в одежде, усталая, лишившаяся части своих прекрасных белых волос, но все же победительница. По крайней мере, так предполагалось. Только на церемонии она должна будет предъявить формальные доказательства совершенного убийства.

Все в Доме Шобалар собрались в тронном зале Матроны Хинкуте'нат, чтобы присутствовать на церемонии вхождения во взрослую жизнь. Так требовал закон, но большинство пришли бы все равно, ради удовольствия полюбоваться на кровавые свидетельства, ради воспоминаний и гордости своих собственных первых убийств. Такие моменты напоминали всем присутствующим, о том, что значит быть дроу.

В самый темный час Нарбондель, Лириэль шагнула вперед, чтобы занять подобающее место среди своего народа. Ксандре Шобалар, своей Госпоже и учительнице, должна она была предъявить ритуальные доказательства.

Лириэль долго смотрела в глаза старшей волшебнице, вглядываясь в алые глаза Ксандры взглядом ледяным и спокойным – полным молчаливой силы и смертельного обещания. Этому она также научилась у отца.

Когда наконец в глазах Ксандры мелькнула неуверенность, Лириэль глубоко поклонилась и потянулась в сумочку на поясе. Достав оттуда маленький

зеленоватый предмет, она высоко подняла его, демонстрируя всем вокруг. Раздался шепоток, некоторые маги Шобалар распознали назначение артефакта.

- Ты удивляешь меня, дитя, - холодно бросила Ксандра. - Ты, говорившая о 'честной охоте', пленила и убила свою добычу подобным образом!

- Больше не дитя, - поправила ее Лириэль. Со странной улыбкой она резко швырнула сосуд на пол.

Он разбился, с тонким печальным звуком, долго отражавшемся эхом в наступившей ошеломленной тишине – ибо перед Госпожой Магии стоял человек, и глаза его сверкали яростью. Он был вполне живым, и в одной руке его был золотой ошейник, заставлявший его подчиняться воле Ксандры.

Со скоростью, отрицавшей его возраст, человек сотворил алую светящуюся сферу и метнул ее, не в Ксандру, но в мужчину, стоявшего на страже у задней двери. Несчастный дроу разлетелся кровавыми клочьями. Прежде чем кто-либо успел вздохнуть, кусочки плоти взвились в воздух, начиная принимать иные, жуткие формы.

А затем на долгое время все в комнате были очень заняты. Маги и жрицы Шобалар творили заклинания, воины сражались с крылатыми тварями существование которых породила смерть их собрата.

Наконец остались только Ксандра и маг, стоявшие друг напротив друга, почти вплотную, и сверкавшие неестественным сиянием, когда заклинания их встречались со скоростью и тонкостью дуэли мастеров меча. Взгляды всех присутствующих в комнате, дроу и их рабов, скрестились на смертельной схватке, и зажглись от удовольствия, с которым они ждали ее исхода.

Наконец, одна из атак Красного Мага пробила защиту Ксандры: кровавый след как от удара кинжалом прорезал лицо дроу, от скулы до челюсти. Плоть разошлась, демонстрируя белеющую кость.

Ксандра издала вой, посрамивший всех банши, и с быстротой сделавшей бы честь любому великому воину нанесла ответный удар. Боль, отчаяние и гнев вместе вылились в магический разряд, громыхнувший на весь огромный зал.

Человеку досталась вся мощь удара. Как пущенная стрела, его дымящееся тело взмыло в воздух и назад. Он ударился в дальнюю стену почти под потолком, и сполз вниз, оставляя быстро остывавший след на камне. Дыра размером с обеденное блюдо была на месте его груди, а измятое одеяние стало слегка более яркого оттенка.

Ксандра тоже упала, полностью истощенная скоротечной схваткой, и еще более ослабленная потоком крови, щедро хлеставшей с ее разодранной щеки. Слуги дроу бросились к ней, ее сестры-жрицы собрались рядышком, шепча исцеляющие заклинания. Все это время Лириэль стояла рядом с тронном, лицо ее отражало только маску циничного удовольствия, а глаза источали холод.

Когда наконец Госпожа Магии оправилась достаточно, чтобы заговорить, она заставила себя сесть, и дрожащим пальцем указала на юную волшебницу.

- Как посмела ты сотворить такое! - выплюнула она. - Ритуал был осквернен!

- Вовсе нет, - спокойно ответила Лириэль. - Ты указала, что маг может быть сражен любым оружием, по моему выбору. В качестве оружия я избрала тебя.

И вновь абсолютная тишина окутала зал. Нарушил ее странный звук, никогда не слышанный раньше; никто и никогда не ожидал его услышать.

Матрона-мать Хинкуте'нат Алар Шобалар хохотала.

Да, конечно, звук был суховат, но в голосе матроны и в ее багровых глазах было искреннее удовольствие.

- Это против всех законов и обычаев, - злобно начала Ксандра.

Матрона оборвала ее коротким жестом.

- Требования Первой Крови исполнены, - объявила Хинкуте'нат, - ибо их предназначение – сделать из ребенка настоящую дроу. Свидетельство острого ума служит этому не хуже, чем окровавленные руки.

Игнорируя дочь, матрона повернулась к Лириэль.

- Отличная работа! Всей властью этого трона и этого дома, я объявляю тебя истинной дроу, достойной дочерью Ллос! Оставь позади свое детство, возрадуйся в темном могуществе, нашем наследии и наслаждении!

Лириэль приняла ритуальное приветствие – не с глубоким поклоном, на сей раз, но с коротким кивком головы. Она больше не ребенок, а как благородная женщина Дома Бэнр она никогда не склоняется перед дроу меньшего ранга. Громф обучил ее всем подобным вещам, заставляя ее повторять пока она не осознала каждый оттенок и нюанс сложнейшего протокола. Он объяснил ей, что церемония означает не только окончание детства, но и полное вхождение в клан Бэнр. Все, что стояло теперь между ней и этим почетом, были ритуальные слова, которые она должна была произнести.

Но Лириэль еще не закончила. Следуя импульсу, который она лишь смутно понимала, она пересекла возвышение к бессильно сидевшей Ксандре, хмуро предавшейся в руки жриц Дома.

Лириэль наклонилась, чтобы посмотреть глаза в глаза своей бывшей учительнице. Она медленно подняла руку, и мягко дотронулась до подбородка старшей дроу – редкий жест, который иногда использовали чтобы успокоить или погладить ребенка, а чаще чтобы привлечь его внимание, перед выдачей распоряжений. Едва ли Ксандра, чей разум затуманивала боль, поняла значение жеста своей недавней ученицы, но видимо бессознательно она почувствовала его. Вздвогнув, она отдернулась от прикосновения Лириэль, и глаза ее вновь наполнились бешенством.

Девушка только улыбнулась. Затем она неожиданно провела по изуродованной щеке Ксандры, собрав в ладони немного крови, покрывавшей лицо волшебницы.

Одним быстрым движением, Лириэль вскочила на ноги и развернулась к наблюдавшей матроне. Она тщательно размазала кровь Ксандры по обеим ладоням, а затем предъявила их Матроне Хинкуте'нат.

- Ритуал выполнен; я больше не ребенок – я дроу, - объявила Лириэль.

Тишина последовавшая за ее словами была долгой и беспокойной, ибо значение ее действий вышло далеко за пределы привычного и обыкновенного.

Наконец Матрона Хинкуте'нат склонила голову – но не в ожидавшемся знаке завершения. Матриарх Шобалар добавила тонкие различия, превращавшие жест повелительницы в приветствие равных. Это была редкая честь, но еще реже было одобрительное понимание – и искреннее уважение – в паучьих глазах женщины.

Все это для юной дроу было весьма ироничным. Хотя Хинкуте'нат очевидно пришлось по нраву заключительный жест Лириэль, сама она не понимала, почему сделала то, что сделала.

Вопрос этот мучил Лириэль в ходе празднования, традиционно сопровождавшего завершение церемонии взросления. Спектакль, который она обеспечила для своей Первой Крови доставил удовольствие дроу, и празднование было необыкновенно воодушевленным и долгим. Сама она, на сей раз, приступила к развлечениям без своего обычного энтузиазма, и совсем не была огорчена, когда колокольчик возвестил об окончании ночи.

Глава 8.

Дочь своего отца

Вызов из Нарбонделлина пришел в начале следующего дня. На сей раз, Громф Бэнр приказал упаковать все вещи Лириэль, и отослать вслед за ней.

Юная дроу восприняла эту новость спокойно. На самом деле, Лириэль не жалела о том, что покидает Дом Шобалар. Возможно, она не осознала до конца все значение собственной церемонии Первой Крови, но точно знала, что не может дольше оставаться поблизости от Ксандры Шобалар.

Прием в особняке архимага Лириэль встретила примерно такой, какой и ожидала. Слуги встретили ее, и провели в предназначенные ей покои – небольшие, но роскошно оформленные, а главное, с отличной библиотекой магических книг и свитков. Отец явно желал, чтобы она продолжила изучение магии. Однако самого Громфа она не встретила, и самое большое, что могли ей предложить слуги, это уверить Лириэль, что архимаг пошлет за ней когда пожелает ее видеть.

Так и получилось, что новоиспеченная дроу провела свой первый цикл в одиночестве, которое она предчувствовала для многих будущих дней и ночей. Лириэль обнаружила, что оставаться одной болезненно трудно, и безмолвные часы тянулись бесконечно.

Как ни странно, Лириэль меньше гордилась собой, чем могла бы. Она жива, прошла тест Первой Крови, отомстила Ксандре Шобалар за предательство публичным унижением... даже нашла способ уклониться от убийства человека.

Почему же она чувствует его кровь на своих руках, так же ясно как если бы она сама вырвала у него из груди сердце? И что за сожаление было глубоко в ее душе, что за странное смирение? Хотя она не могла подобрать название для этого чувства, Лириэль подозревала что оно всегда будет отбрасывать тень на ее жизнерадостный дух.

Часы шли, и вновь темный час опустился на Мензоберранзан. Именно тогда ее наконец потревожили: слуга попросил Лириэль одеться и ожидать архимага в его кабинете.

Неожиданно у Лириэль пропало желание увидеть отца. Что скажет Громф о ее неортодоксальном подходе к охоте и церемонии Первой Крови? За три дня приготовлений архимаг не раз высказывал обеспокоенность ее мудростью и

амбициями, говоря что она слишком беззаботна и доверчива, указывая на странные черты в ее характере. Она подозревала, что все происшедшее ему не понравится.

Лириэль как ей указали поторопилась в отцовские покои. Ждать ей пришлось недолго, вскоре появился Громф, все в том же великолепном лоснящемся пивафви, хранящем арсенал магического оружия, который свидетельствовал о его могуществе и высоком статусе. Архимаг отреагировал на ее присутствие коротким кивком, и уселся за стол.

- Я слышал, что произошло на твоей церемонии, - начал он.

- Ритуал был исполнен, - честно – и немного защищающимся тоном – ответила Лириэль. - Пусть я и не пролила крови, но Матрона Хинкуте'нат одобрила мои действия!

- Не просто одобрила, - сухо сказал архимаг. - Матрона Шобалар немало впечатлена ими и тобой. Что более важно, и я тоже.

Лириэль молча поглощала это. Неожиданно она выпалила, - Да, но я хотела бы понять, почему!

Громф задрал одну бровь.

- Ты должна бы научиться говорить с меньшей искренностью, - посоветовал он. - Но на сей раз ничего страшного. Собственно, твои слова только подтвердили мои подозрения: ты действовала частично по плану, но частично ведомая инстинктом. Это очень неплохо.

- Значит, ты не сердишься? - уточнила Лириэль. Встретившись с вопросительным взглядом архимага, она добавила: - Я думала, ты будешь в ярости, когда узнаешь что я не убила человека.

Громф замолчал надолго.

- Ты сделала нечто более важное: ты выполнила и букву и дух ритуала Первой Крови, на самых тонких уровнях, и это делает честь тебе и твоему дому. Маг-человек мертв – но это всего лишь необходимая формальность. Использовать Ксандру Шобалар как орудие было отличной находкой. Но обмыть руки в ее крови, это было поистине великолепно!

- Благодарю, - сказала Лириэль, столь мрачно, что это вызвало удивленное хмыканье архимага.

- Ты все еще не понимаешь. Ну что же, я объясню прямо. Человек-маг никогда не был твоим врагом; Ксандра Шобалар была твоим врагом! Ты поняла это, повернула ее же коварство против нее, и объявила победу по крови. И сделав это, ты доказала что понимаешь, что значит быть дроу.

- Но я не убила, - задумчиво сказала Лириэль. - Почему же тогда, хоть я и не убивала, я чувствую себя как если бы сделала это?

- Ты не пролила крови, но ритуал тем не менее закончился как и должен был, - заметил архимаг.

Лириэль обдумала это, и неожиданно осознала что слова отца верны. Ее невинность ушла, но гордость и власть, предательство, интриги, выживание, победа – все это она знала теперь очень хорошо.

- Истинная дроу, - повторила она, голосом на девять частей состоящем из триумфа а на одну из сожаления. Она глубоко вздохнула и посмотрела в глаза Громфа – как в зеркало.

На кратчайшее мгновение Лириэль заметила искорку острой печали в глазах архимага, как отблеск золота сверкнувший сквозь толстый слой льда. Она появилась и ушла столь быстро, что Лириэль сомневалась, ощутил ли ее сам Громф; в конце концов, семь столетий холодного и расчетливого зла лежали меж ним и его собственным ритуалом взросления. Даже если он еще помнил это чувство, он уже не мог дотянуться в свою душу, и испытать его. Лириэль поняла, и наконец смогла найти имя для этого последнего элемента, определявшего настоящую дроу.

Тоска.

- Поздравляю, - сказал архимаг голосом, оттененным подсознательной иронией.

- Благодарю тебя, - ответила ему дочь.

ЭЛЬМИНСТЕР НА ЯРМАРКЕ ВОЛШЕБСТВА

Эд Гринвуд

Впервые опубликован в Антологии "Королевства Доблести" под редакцией Джеймса Лоудера, в феврале 1993 г.

Эта история стала для меня прекрасной возможностью показать Эльминстера и Шторм, действующих вместе. Рассказ сократили, чтобы вместить в "Королевства Доблести", исключив куски разговоров, услышанные на волшебной ярмарке. Поэтому вот два фрагмента, которые можно вставить в любое место по вашему выбору:

"Ну разумеется это необычный дракон! Обычные драконы не собирают груды человеческих черепов, не обращая при этом внимания на прекрасные сокровища, которые можно забрать без всякого труда!"

И

"Так вот такие создания не поднимаются и не уходят просто так! Со всем этими когтями, да ещё и с короной - оно, наверное, что-то прячет в твоей уборной! Ни одна из твоих горничных ещё не начинала вопить?"

- Эд Гринвуд, март 2003

Эд Гринвуд - создатель Забытых Королевств, которого (благодаря его облику на фестивалях) часто принимают за волшебника Эльминстера. Добродушный бородатый канадец, который живёт в глубинке Онтарио в окружении примерно восьмидесяти тысяч книг, Эд начал строить эту общую песочницу в 1967 - и до сих пор ещё не закончил!

Что может быть опаснее, чем маг, желающий завладеть миром? Маг, задумавший шалость, разумеется...

- Симбул, Королева-Ведьма Агларонда

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ

Год Тёмного Дракона (1336 ЛД)

Розоватые проблески раннего утра едва успели смениться полноценным сиянием дня, но бард и её худой спутник ехали верхом уже какое-то время.

Шторм Среброрукая, бард Долины Теней, была известной и прославленной искательницей приключений. Кроме того, она была одним из старших и наиболее уважаемых арфистов, этой загадочной организации, совершающей добрые дела. Будучи ветераном многих опасных предприятий и всегда оставаясь настороже, она бдительно озиралась вокруг, не убирая ладонь с рукояти меча. Во время этого путешествия клинок Шторм уже не раз обагрялся кровью. Сейчас Шторм тихонько напевала себе под нос. Она рада была снова оказаться в седле — даже зная, что впереди ждёт опасность.

Уже двадцать дней она сопровождала беловолосого мужчину — высокого, как сама Шторм, но очень худого. Мужчина был стар и наездник из него оказался никудышный. Он носил простую мантию с множеством заплат, покрытую старыми пятнами от пищи. Его всюду преследовал сладкий запах табачного дыма.

И хотя так с виду и не скажешь, этот старик был искателем приключений ещё более знаменитым, чем Шторм; Старым Магом, Эльминстером из Долины Теней. Более пятисот прожитых лет окрасили его бороду белым. Его сверкающие синие глаза видели восход и падение империй, лицезрели миры за пределами Торила, большие и странные. Он знал больше тайн, чем способны были вообразить многие волшебники и простые честные люди. Годы обострили норов и язык Эльминстера и вознесли его магию до таких высот, что и не снились большинству магов.

И этот великий волшебник носил старые, расхлябанные сапоги и почти всё время был чем-то раздражён. Ночью по другую сторону костра он храпел, как истязаемый носорог — но знал об этом и использовал магию, чтобы приглушить звук ради своей подруги и спутницы. Несмотря на храп и на то, что обращался с ней как с маленькой девочкой, он был очень дорог Шторм.

И хотя они и были друзьями, Шторм было непривычно ехать бок о бок со Старым Магом. Обычно именно барду Эльминстер доверял защиту Долины Теней, когда надолго её покидал. Но на сей раз прямо перед отбытием мага агент арфистов передал Шторм просьбу одной из её сестёр; не займётся ли она охраной Эльминстера на ярмарке волшебства?

За все свои годы, проведённые в поисках приключений, Шторм никогда не слышала про ярмарку волшебства, но название уже само по себе звучало зловеще. Она удивилась тому, с каким добродушием Старый Маг воспринял заявление Шторм, что на этот раз она будет его сопровождать. Она даже подозревала, что вместо

магии, позволяющей в мгновение ока переместиться на другой конец Фаэруна, Эльминстер использует лошадей лишь для того, чтобы провести побольше времени вместе.

Каждую ночь Эльминстер усаживался с трубкой у костра, чтобы послушать её арфу и голос, поющий старые баллады. Взамен он тихо рассказывал ей истории о древнем Фаэруне, когда Шторм лежала под смотрящими с неба звёздами, пока её не забирал сон. После многих лет странствий с закалёнными суровыми воителями, Шторм поражалась тому, какое удовольствие доставляет ей эта поездка со старым чудаком.

Но сейчас, когда они, похоже, наконец достигли своего места назначения, всё оказалось совсем не так, как представляла себе бард.

- Почему именно здесь? – стоически бодро поинтересовалась Шторм, останавливаясь рядом с Эльминстером на гребне холма, расположенного очень далеко от Долины Теней. Деревья и кустарник вокруг отбрасывали длинные тени в свете яркого утреннего солнца. Насколько хватало глаз, здесь простиралась пустынная глушь, нетронутая руками человека. - Мы, должно быть, уже на полпути к Кара-Туру.

Старый Маг почесал нос.

- Ещё дальше, - ответил он с притворной невинностью, - а «здесь» мы потому, что тот, кого мы ищем, совсем рядом.

Пока он говорил, в воздухе возник человек и замер перед ними, не касаясь земли. Лошади зафыркали от неожиданности. Эльминстер нахмурился.

Сапоги человека находились высоко над землей. Он ни на чём не стоял. Полночные глаза смотрели с тонкого, жестокого и бледного лица. Он нависал над ними, облачённый в роскошную тёмную накидку, украшенную мистическими символами и увенчанную прямым высоким воротником. В одной из украшенных многочисленными кольцами рук блестел и пульсировал резной посох с драгоценными камнями.

- Вызов! - обратился он к ним с холодной, формальной вежливостью, подняв пустую руку в запрещающем проход жесте. - Назовитесь, иначе путь закрыт!

- Эльминстер из Долины Теней, - мягко ответил Старый Маг, - и гостя.

Человек сощурился и сказал ещё холоднее:

- Покажи себя.

- Ты не узнаёшь меня? - медленно спросил Эльминстер. - Что ж, Дэриус, я помню мою первую ярмарку!

Он кивнул, погрузившись в воспоминания, и сухо добавил:

- Ты наколдовал просто очаровательную жабу.

Дэриус покраснел.

- Ты знаешь правила, - резко сказал он, взмахнув посохом. По посоху побежали огни, озарив наверхие в виде хрустальной сферы. Медленным угрожающим жестом парящий в воздухе мужчина нацелил это сверкающее оголовье на Старого Мага.

- Знаю, - ответил Эльминстер. Затем он погрозил пальцем и легкомысленно провозгласил: - *Пре-красно!*

Угрожавший им посох дёрнулся вверх под действием силы чародейства Эльминстера. Сжимающий его страж потрясённо вытаращил на них испуганные

глаза, прежде чем мускулы на его лице задёргались и проиграли битву с новой порцией волшебства Старого Мага.

Магия заставила Дэривуса беспомощно хихикать на протяжении нескольких секунд, затем отпустила его. Его ухмылка мгновенно сменилась гримасой гнева.

Эльминстер не обратил внимания.

- Вот, пожалуйста, - весело сказал он взъерошенному часовому, пуская вперёд лошадь. - Счастливого волшебства!

Когда они взобрались на следующий гребень, Шторм обернулась и посмотрела на разъярённого мужчину. Посох сверкал и мерцал, как гроза на море, а страж рычал и гневно топал по воздуху. Шторм посмотрела на Эльминстера и заинтересованно спросила:

- Ты воспользовался мелкими чарами? Заставил его хихикать, чтобы «показать себя»?

Эльминстер кивнул.

- Волшебник должен доказать стражу волшебной ярмарки, что способен творить магию. Ну, чтобы не пускать всякое отребье.

Он закатил глаза, демонстрируя, что об этом думает, и спокойно направил лошадь вниз по высокой траве мимо груды булыжников.

- Гостям вроде тебя проходить испытание не нужно, но каждому магу дозволено привести с собой лишь одного спутника. Ни один маг не может уклониться от испытания и попасть на ярмарку. Молодые дуболомы обычно демонстрируют оглушительные взрывы или роскошные и, хм, сладострастные иллюзии, но моя демонстрация на сей раз, хм... предназначалась как оскорбление.

Шторм выгнула бровь.

- Понятно, - осторожно заметила она. - Я буду крайне осторожна на этой ярмарке.

Эльминстер взмахнул рукой.

- Ах, нет, нет, - ответил он. - Я просто должен получить некий магический ключ от человека, который кажется недостаточно безумным, чтобы принести ключ сюда — или вообще вмешиваться в это дело — а потом немного поразвлечься. Кое-кто из арфистов попросил появиться здесь и защитить этого друга, с которым мы должны встретиться. Наверняка тебя тоже попросили об этом путешествии — чтобы не позволить Старому Магу влипнуть в неприятности.

Он бросил на неё спокойный взгляд. Шторм улыбнулась и сочувственно кивнула.

Старый маг хмыкнул.

- Эти волшебные ярмарки — небольшие встречи для своих. Я уже много лет их не посещал, а кроме того, мы слишком далеко от дома, чтобы меня здесь хорошо знали. Существуют определённые правила для участников, которые призваны не допустить превращения ярмарки в волшебную потасовку, но тебе стоит помнить, что магией владеют почти все присутствующие. Будь настороже. Пей то, что тебе предлагают, только в моем присутствии и с моего одобрения. Доставай свой волшебный меч, только если придётся. Некоторые явились сюда за новыми заклинаниями, но большинство желают просто показать, на что способны — как проказничающие дети. Толпа жестоких, невероятно могущественных детей.

Он с задумчивым видом почесал бороду.

- Что касается наших противников, имена и лица их слуг, присутствующих на ярмарке, мне неизвестны.

Маг неожиданно ухмыльнулся.

- Подозревай каждого, как обычно, и с тобой всё будет хорошо.

- А что за ключ мы ищем? - спросила Шторм. - И почему он так ценен?

- Только из-за того, что он открывает, - пожал плечами Эльминстер. - Ты вскоре узнаешь, как он выглядит и какой цели служит — что, на самом деле, всего лишь способ сказать, что я едва помню, что это за ключ и даже понятия не имею, почему спустя столько лет он так резко и неожиданно снова оказался важен.

Он бросил на неё сухой взгляд и добавил:

- Достаточно таинственно для тебя?

Шторм ответила взглядом, повергавшим в ледяной ужас многих мужчин.

Старый маг невозмутимо улыбнулся ей, пока они спускались по очередному укрытому вереском склону.

- Прости, дорогая, но в последний раз мне прочитали целую лекцию — причём именно ты, если я правильно помню — о свободных разговорах про любые мелкие подробности, которые в подобных делах необходимо держать в тайне, поэтому я стараюсь как можно меньше трепать языком и вести себя так, как будто мне одному известен великий секрет, от которого зависит судьба целого мира... ох, ну вот опять. Видишь, я просто не могу сдержаться. Сложно заниматься всеми этими интригами и спасением мира с суровой и мрачной решимостью, если это длится на протяжении нескольких веков. Так на чём я остановился? Ах да...

Мысленно улыбнувшись, Шторм напомнила себе, что бывают вещи и похуже, чем путешествовать с Эльминстером через половину Фазруна. И чтобы поддержать настрой, она провела какое-то время, пытаясь припомнить некоторые из них.

В мрачной задумчивости они преодолели несколько поросших кустарником холмов и оказались у входа в глубокую долину в виде котла. Откуда-то справа опускалась в долину по-змеиному изгибающаяся узкая тропа, проходящая через рощу деревьев перед ними. Деревья скрывали от двух наездников остальную часть долины.

Тогда-то в поле зрения и показался человек в роскошной фиолетовой мантии. Скорее даже «вплыл», поскольку он спокойно восседал на ковре, пронзающем воздух, как голодная змея, следуя за узкой тропой далеко вниз. Человек на ковре влетел в рощу прямо на глазах у барда и волшебника. Листья деревьев торопливо сменили цвет с зелёного на яркий медный оттенок, раздалось несколько голосов, приветствующих новоприбывшего.

Очевидно, они попали на ярмарку волшебства.

Вдали, на возвышенности в противоположном конце по-прежнему незримой долины, Шторм заметила взлетающие в воздух огненные шары. Эльминстер проследил за направлением её взгляда и сказал:

- Ах да, соревнование по швырянию огненных шаров, видишь? Его так любят начинающие маги... вроде как пытаются произвести впечатление на товарищей. Мы наверняка окажемся там куда раньше, чем хотелось бы. Видишь ли, им позволено вызывать на соревнование нас, старших творцов двумеров, чтобы показать свой

мужской характер, одолев старых пердунов. Ну или женский характер, конечно, хотя многим девам хватает здравого смысла, чтобы избегать столь вульгарной демонстрации силы.

Шторм подняла бровь.

- И каким образом один огненный шар может произвести большее впечатление, чем другой? Говорят же, что если в тебя попал один, то уже без разницы.

Старый маг терпеливо покачал головой.

- Если изменить в магической формуле несколько слов, заклинание станет сложнее, а размер и сила взрыва будет соответствовать опыту создателя. Понимаешь, один волшебник может хвастаться, что у него больше, чем у другого. Огненная сфера архимага бывает весьма впечатляющая.

Он сделал многозначительную паузу, затем добавил:

- Я не собираюсь зря тратить время на ярмарке. Швыряться огнём — забава для молодых и глупых. Постарайся не угодить в неприятности, бросив кому-то вызов. Держись поближе ко мне и ни с кем не заговаривай. Так безопаснее.

С этим мелодраматическим напутствием Старый Маг ударил коня каблуками, послав его галопом вниз по крутой тропе и подняв тучу пыли. На дне долины конь Эльминстера нырнул в толпу смеющихся и болтающих магов. Не отстающая от старого волшебника Шторм успела бросить на них всего один взгляд, прежде чем оказалась посреди сборища заклинателей.

В долине было полно народу. Люди стояли плечом к плечу. Их мантии сливались в колышущееся море дикой расцветки, а болтовня была почти оглушительной. Здесь были мужчины и женщины любых рас, размеров и возраста — и несколько тех, в чьей половой принадлежности бард сомневалась. Хватало традиционных тёмных струящихся мантий с широкими рукавами, но большинство магов носили более странные и цветастые наряды. Те из обитателей Фаэруна, что не владели Искусством, зачастую считали, что все маги в той или иной степени безумны. Если судить по эксцентричности нарядов, поняла Шторм, то это несомненно была правда.

Вокруг неё торчали и сверкали, блестели и мерцали, а иногда — даже меняли форму текучими движениями самые странные головные уборы и телесные украшения. Одна дама-волшебница не носила ничего, кроме огромной пернатой змеи, кольца которой медленно кружились по её стройному телу. Мужчина неподалёку был облачён в одно лишь пляшущее пламя. Волшебник, с которым он говорил, носил колышущийся флуоресцентный мох, с которого росли мелкие папоротники и чертополох. Рядом с ними стояла дева из полуэльфов, одетая в текучее платье из сверкающих драгоценных камней, перевитых многочисленными шёлковыми нитями. Она спорила с длинноволосым дварфом в мехах и коже, по которой безуданно ползали двое ящеров, стреляя длинными языками. Обрывок их разговора достиг ушей Шторм:

- И что сделал тэянец?

- Взорвал весь замок, разумеется. Что ещё ему оставалось?

Другие голоса заглушили беседу.

- Что? *Фиолетовые* зомби? Почему фиолетовые?

- Наверное, ей стало скучно. Ты бы видел лицо принца на следующее утро. Она заставила дюжину крошечных красных рук возникнуть из воздуха и щипать его во всех местах, где он щипал её... перед всем двором, к тому же!

Эльминстер спокойно ехал сквозь толпу. Казалось, он знает, куда направляется. Шторм следовала за ним, мимо мужчины, который удерживал полную бутылку с чем-то тёмно-красным на своём крупном носу и приглушённым голосом возражал собравшимся вокруг, что не использует для этого никакой магии. Она отвела глаза за миг до того, как бутылка упала и расплескала на него всю жидкость, но не сумела удержаться от взгляда на мокрый результат через плечо. Шторм постаралась не улыбнуться.

- Сколько раз тебе говорить? *Сначала целуешь, потом читаешь заклинание* — иначе он навсегда останется лягушкой!

Шторм покачала головой, пытаясь сосредоточиться на Эльминстере и не обращать внимания на такие разговоры. Ужасающий гул бесед, необычной музыки, жужжания и странных хлопающих звуков царил над толпой. Волшебники жестикулировали, пытаясь произвести впечатление на тех, с кем разговаривали, и разноцветный дым и переливающиеся сферы света покорно лопались или струились в воздухе над их головами. Наколдованные птицы пели сложные мелодии, а некоторые — танцевали грациозный воздушный балет. Шторм смотрела по сторонам, пытаясь разглядеть всё сразу и высматривая опасность.

Посетители ярмарки повсюду разговаривали, спорили, смеялись и торговались, стоя на ногах или повиснув в воздухе на уровне коленей, сжимая в руках кубки и фляги различных размеров и с разным содержанием. Шторм догадалась, что какое-то правило не позволяет магам летать, парить или телепортироваться вокруг. По большей части они просто стояли группами и разговаривали. Шторм осторожно направляла своего скакуна между ними. Из-под капюшона мага, мимо которого она проезжала, выскользнули три щупальца оливкового цвета. Мелкие, поблескивающие глазки открылись на их концах, осмотрели её и моргнули. Она попыталась не выдать свою невольную дрожь, проезжая дальше, мимо мужчины с ярко-зелёными волосами и бородой, который жонглировал кольцом огненных шаров размером с руку. Волшебница, которую он пытался впечатлить, старательно пыталась подавить зевок.

Следующая группа состояла из сморщенных старух с холодными тёмными глазами в злобных чёрных одеяниях. Они хихикали и потягивали пиво из чистых стеклянных кружек, которые как будто бы не пустели.

- Первый младенец, которого я увидела, родился с крыльями, - с довольным видом вещала одна. - Летал по всем яслям и хихикал, маленький поганец. Король с досады едва корону не проглотил, говорю вам!

Шторм оставила женщин позади, пересекая небольшое открытое пространство, где кто-то совсем недавно пострадал от жаркого и скорее всего смертельного несчастного случая, судя по поднимающемуся дыму и золе. Дальше снова раздавалась болтовня.

- Пойми, подруга, что превращение в дракона — опыт, который меняет тебя навсегда. Навсегда, говорю тебе!

Маг в ярких розовых и фиолетовых цветах, с кружевами на запястьях и горле, подчеркнул своё утверждение, быстро-быстро болтая длинным раздвоенным языком в сторону чародейки, с которой говорил, женщины со спускающимися по рукам и запястьям длинными пушистыми волосами. Её кожа была фиолетового оттенка, темнее, чем наряд её собеседника. В ответ на его заявления о драконстве она красноречиво фыркнула.

Затем Шторм пришлось прокладывать себе путь мимо шестерых чарующе прекрасных волшебниц-полуэльфиек, склонивших друг к дружке головы в приглушённом тайном диалоге. Одна встревоженно подняла взгляд, расслабилась и облегчённо улыбнулась барду. Другие, продолжая свой разговор, так и не заметили Шторм.

- Так просто смени название и способ, которым ты его читаешь, и он никогда не узнает. В конце концов, кто угодно может выдумать такое заклинание. Если ты меня научишь, я не стану рассказывать, откуда про него узнала. Взамен я покажу тебе тот трюк Тлеруны, от которого мужчины в обморок падают, и...

Покачав головой, Шторм поспешила через магический бедлам, пытаясь догнать Старого Мага. Куда он делся? Она окинула взглядом людную долину сверху донизу — здесь были сотни магов! Но всё же благодаря своему острому зору, Шторм снова сумела найти Эльминстера. Старый Маг продолжал пробираться через собравшихся волшебников, не замедляя ход и не спешиваясь — пока не оказался в местечке под сенью деревьев на дальнем каменистом склоне. Там, в пятнистом сумраке, невысокая и сногшибательно красивая волшебница разговаривала с пятью-шестью мужчинами Искусства, заметно впечатлёнными её красотой.

Шторм заметила смеющиеся чёрные глаза, ниспадающие волнами чёрные волосы и скудное платье, как будто сотканное из мерцающих скользящих цветов. Затем со словами «Дуара! Милая моя! Сколько лет прошло, сколько лет!» Старый Маг соскочил, или скорее упал с лошади прямо в руки дамы.

Тёмные глаза встретили его взгляд, и несдержанные приветствия старого мага на время заглушил крепкий поцелуй. Стройные руки обхватили его за шею, погладили белые волосы, а затем двинулись вниз в крепком страстном объятии.

После радостных приветствий и долгого поцелуя Шторм услышала низкий, мурлыкающий голос, радостно отвечающий на многословные приветствия Эльминстера. На лицах мужчин вокруг потрясение сменилось гневом, смирением или отвращением, и наконец — потерей интереса. Ещё Шторм заметила, как пальцы Дуары проворно двигаются на поясе мага.

Чужие взгляды — а именно, взгляд высокого человека с крючковатым носом в тёмно-синем бархатном дублете с разрезанными пышными рукавами — тоже это заметили. Он пристально наблюдал за приветствием Старого Мага, а выражение его лица скрывал дым из длинной тонкой глиняной трубки.

Когда Эльминстер, наконец, шумно распрощался с улыбающейся красавицей, волшебник с крючковатым носом позволил трубке повиснуть в воздухе и шагнул вперёд, принявшись безмолвно жестикулировать. В ответ кошель Эльминстера взмыл вверх и раскрылся в воздухе. Маги вокруг неожиданно замолчали. Судя по их виду, было очевидно, что чары волшебника в зелёном стали серьёзным нарушением этикета.

Шторм наполовину вытащила меч из ножен, но костлявая рука Эльминстера решительно её остановила. Весёлым тоном он спросил:

- Потеряли свою магию, коллега? Хотите немного позаимствовать?

Волшебник в зелёном сощурился на него и на единственный лежавший в кошеле предмет: прутик.

- Где оно, старик?

- Могущественное волшебство, которое ты ищешь? Да прямо здесь, - ответил Эльминстер, постукав себя пальцем по голове. Шторм встревоженно посмотрела на него; его речь звучала не так отчётливо, как обычно, но глаза были всё такими же яркими. - Но его нельзя получить с помощью быстрой кражи, знаешь ли. Мне потребовались годы учёбы всего лишь на то, чтобы овладеть...

Зелёный волшебник сделал резкий жест. Прутик поплыл в его протянутую ладонь. Прежде чем он попал туда, Эльминстер щёлкнул пальцами и повёл бровями. В результате прутик устремился вверх, выгнулся гладкой дугой, и метнулся обратно к Старому Магу.

Волшебник в зелёном нахмурился и снова сделал жест. Прутик резко замедлился, но продолжил дрейфовать к улыбающемуся лицу Эльминстера. Руки мага снова задвигались, почти лихорадочно, но полёт прутика — и добродушная улыбка Эльминстера — не дрогнули ни на секунду, пока ветка не оказалась в руке Старого Мага.

Эльминстер поклонился побледневшему, дрожащему волшебнику. Он вежливо сказал:

- Но если ты желаешь забрать этот магический посох... - прутик мгновенно превратился в величественный, десятифутовый, гладкий чёрный посох с медным наконечником в виде змеиных колец. - Пожалуйста, бери.

И жезл плавно поплыл по воздуху в руки изумлённого мужчины.

- Но как же твой посох? - недоумённо спросила Шторм, наблюдая за вспотевшим, ничего не понимающим мужчиной в зелёном, схватившем посох в четырёх шагах от них. - Чем ты его заменишь?

- Вырежу себе новый, - спокойно ответил Старый Маг. - В конце концов, они растут прямо на деревьях.

Схватив посох и подозрительно покосившись на Эльминстера, маг в бархате взял свою трубку, что-то пробормотал и торопливо зажестикулировал. Неожиданно он исчез вместе с посохом, как будто его никогда здесь и не было.

Эльминстер неодобрительно покачал головой.

- Дурные манеры, - строго сказал он. - Очень. Телепортация на ярмарке волшебства! Позвольте заметить, что в мои дни такого просто не могло...

- И когда это было, старик? Бьюсь об заклад, что ещё до основания Глубоководья, - ухмыльнулся поблизости выделявшийся мрачной красотой юноша. Шторм повернулась в седле.

Этот маг был одет в роскошные шелка, подбитые мехом. Его острое лицо с тёмными бровями как будто всегда ухмылялось. Шторм узнала в нём одного из волшебников, беседовавших с Дуарой, когда появился Эльминстер. Голос и манеры молодого мужчины излучали холодную, презрительную силу. Его губы ещё немного сильнее изогнулись в улыбке, и юноша сказал:

- Кстати, седобород, можешь звать меня «Господином».

Схватив собственный двенадцатифутовый посох из блестящего красного металла, украшенный золотыми узорами, темнобровый маг потянулся к поводьям оставшейся без седока лошади Старого Мага.

Не вылезая из седла, Шторм ударила ногой по его руке. Носок её сапога попал по пальцам, отбрасывая руку прочь от скакуна Эльминстера. Красивый маг гневно повернулся к ней — и перед его носом оказался блестящий кончик меча.

- Хе-хе, - захихикал Эльминстер нечленораздельным низким голосом. - Ещё не научились не трогать женщин, юный господин?

Маг покраснел до корней волос и резко отвернулся от клинка Шторм, снова повернувшись к старику.

- Вовсе нет, дедуля, - саркастично отозвался он. - Хотя заметно, что у тебя женщины не было не один десяток лет!

У находившихся поблизости магов помоложе громкое оскорбление вызвало несколько смешков, смешавшихся с изумлённым оханьем и свистом старших заклинателей, которые, очевидно, были знакомы с Эльминстером. Шёпот усилился, когда несколько магов придвинулись поближе, чтобы понаблюдать за разворачивающимся конфликтом, пока остальные неожиданно вспомнили о важных делах где-то в другом месте и ускользнули на безопасное расстояние.

Эльминстер зевнул.

- Убери свой меч, - негромко сказал он Шторм. Затем, уже громче и почти весело:

- Похоже, хвастливые сопляки по-прежнему посещают волшебные ярмарки лишь для того, чтобы оскорблять старших.

Старый Маг театрально вздохнул и продолжил:

- Что ж, петушок, видимо ты нашёл повод для ссоры и собираешься бросить мне вызов, да? Нет, нет, это будет нечестно. В конце концов, на моей стороне — вековая мудрость, позволяющая принимать правильные решения, а у тебя — лишь горячность молодости... хм, красивая вышла фраза... так что я немного уравнию шансы; я вызываю *тебя*! Как насчёт метания огненных шаров? Что скажешь?

Поднялся одобрителный гомон. Краснолицый маг подождал, пока он стихнет, затем презрительно сказал:

- Это спорт для детей, и, похоже, для старых маразматиков.

Эльминстер улыбнулся, как кошка, злорадствующая над загнанной в угол жертвой, и сказал:

- Возможно. С другой стороны, ты что, боишься проиграть?

Лицо мага покраснело ещё сильнее. Он бросил взгляд на заинтересованные лица наблюдателей и рявкнул:

- Вызов принят.

Затем принял картинную позу и исчез.

В следующее мгновение он возник на краю долины в клубах алого дыма и издали показал Старому Магу оскорбительный жест. Эльминстер хмыкнул, лениво махнул рукой в ответ и неловко взобрался на свою многострадальную лошадь. Шторм заметила, как он подмигнул Дуаре. Затем она встретила с Дуарой взглядом и прочитала в глазах волшебницы безмолвную мольбу — так ясно, как будто Дуара прошептала ей на ухо: «Прошу вас, госпожа, позаботьтесь о нём.»

К тому времени, как они выехали из долины на лежащие за ней луга, понаблюдать за представлением собралось множество магов. Высокомерные юные чародеи целый день бросались огнём, но висящая вокруг нетерпеливая тишина указывала либо на то, что маг с красным посохом уже заслужил себе определённую репутацию на ярмарке, либо на то, что многие участники постарше помнили Эльминстера, а может быть — на оба этих факта.

Эльминстер спешил скорее поспешно, чем грациозно. Он достиг земли, бросился бежать, спотыкаясь, замер, отряхнул себя от пыли. Затем заметил своего ожидающего соперника и с заметным радостным удивлением сказал:

- Ну что ж... начинай, мальчик!

- Станем с одной стороны, старик, - мрачно сказал юный маг, махая посохом. - Или ты не боишься погибнуть в огне?

Эльминстер погладил бороду.

- Да, да, - нетерпеливо отозвался он, казалось, думая о чём-то своём. - Я прекрасно помню! Ох, что были за деньки... огромные вспышки пламени в небесах...

Молодой маг протиснулся мимо него.

- Куда же он запропастился? Охохох, да, кажется, припоминаю... - бубнил Эльминстер, устремив взгляд в никуда.

Молодой маг презрительно уложил посох на сгиб локтя, тихо, чтобы не расслышал Старый Маг, прошептал свою инкантацию, и плавно задвигал руками в ловких жестах заклинания. В следующий миг над травяным лугом из ничего зажглась красно-фиолетовая сфера пламени. Она кипело и трещало, перевернулось и взорвалось оранжевой вспышкой, посыпавшись на траву мелкими слезами огня. Лица наблюдателей обдало жаром, и земля на краткий миг содрогнулась.

Когда грохот затих, остался слышен голос Старого Мага, бормочущий о победах прошлого. Он прервал своё бормотание, чтобы мягко сказать:

- Мать честная, какой слабый. Это всё, на что ты способен?

Молодой маг ухмыльнулся.

- А ты, значит, способен на большее?

Эльминстер спокойно кивнул.

- О да.

- И когда можно будет узреть сей невероятный подвиг? - спросил с ядовитой вежливостью маг. Его насмешливый пафосный голос пародировал нечленораздельное бормотание Эльминстера.

Старый Маг моргнул.

- Юноша, - неодобрительно сказал он, - великое мастерство магии заключается в том, чтобы знать, когда *не следует* использовать силу, иначе все эти земли давным-давно превратились бы в дымящуюся пустыню.

Молодой маг снова ухмыльнулся.

- Так значит, ты не покажешь нам своё великое заклинание, о сильнейший из магов? Это ты хочешь сказать?

- Нет, нет, - со вздохом сказал Эльминстер. - Мы договорились, и ты уже продемонстрировал нам свои скромные умения, так что я... - он снова вздохнул, - покажу свои.

Он сделал неопределённый жест, затем замер и хмыкнул.

- Какие же там были слова? - сказал он. Раздалось несколько смешков из толпы наблюдателей, когда он почесал свою бороду и огляделся вокруг с озадаченным видом. Молодой маг ухмыльнулся ему в спину, а затем повернулся к Шторм, чтобы наградить её такой же презрительной гримасой. Стоявшая неподалёку бард встретила его глаза собственным ледяным взглядом, не убирая ладонь с рукояти меча.

Эльминстер неожиданно выпрямился и прокричал:

- Серы смрад, язык летучей мыши,

Мои слова повелевают так:

Взорвётся небо пламенем повисшим

И разразится настоящий ад!

В ответ с оглушительным рёвом содрогнулся воздух. Над лугом внезапно навис колоссальный шар пламени, обжигая лица наблюдателей своим жаром.

Как будто на них с небес опустилось солнце.

Маги закричали, прикрывая глаза. Огненный шар откатился от потрясённой толпы, затем взорвался ослепительно-белой вспышкой, разбрасывая свою могучую энергию длинными, протянувшимися до горизонта струями пламени. Земля задрожала и словно взметнулась вверх, швырнув на колени всех, кроме Старого Мага.

Когда дрожь прекратилась, Шторм обнаружила, что лежит на земле рядом с лошадьми. К тому моменту, как она сумела подняться на ноги и помотать головой, прочищая её, клубы дыма уже рассеялись, и все смогли увидеть, во что превратила луг магия Эльминстера. Там, где мгновением раньше протянулся широкий простор опалённой пламенем травы, теперь зиял дымящийся кратер, большой, глубокий и весьма впечатляющий.

- Эмм... мило, не так ли? - несколько неуверенно произнёс Эльминстер. - Я уже и забыл, как весело швыряться огненными шарами. Ещё раз, что там за заклинание...

На этот раз Старый Маг просто взмахнул пальцем.

Его молодой соперник, вцепившийся в побитый и погнувшийся в шести местах железный посох, только успел подняться на колени, когда над лугом проревел новый шар пламени, не меньше предыдущего. Этого хватило, чтобы маг снова рухнул — прямо на оглушённого и тучного калишитского чародея. Когда в его глазах прояснилось, молодой волшебник увидел вдалеке второй дымящийся кратер. Среди собравшихся заклинателей раздавался потрясённый шёпот.

- Ты хотел обсудить что-то ещё?, - беззлобно спросил Эльминстер, твёрдой рукой поднимая на ноги оглушённого молодого мага. - Магические послания или призматические сферы — правда, они прекрасны? Всегда их любил. Или, скажем, создание артефактов? Нет? Ах, ну что ж... желаю успехов в Искусстве, Юный Господин С Острым Языком, и немного мудрости, если тебе хватит на неё мозгов. До встречи.

Эльминстер добродушно потрепал юного волшебника по руке, щёлкнул пальцами и исчез. Через секунду он возник рядом со встревоженной Шторм.

- Забирайся на коня, - весело сказал он. - Сегодня ночью нам предстоит пересечь целые королевства.

- Королевства? - спросила Шторм. Она не стала оглядываться, когда они оставили ярмарку волшебства позади и поднялись на очередной холм. - Я думала, тебе нужно получить ключ... или то был прутик? Тот маг забрал у тебя ключ?

- Вовсе нет, - радостно ответил Эльминстер. Он подъехал поближе и коснулся её запястья.

Неожиданно ландшафт вокруг них пропал, сменившись скользкой, сумрачной серостью. У лошадей под копытами как будто ничего не было, но они шагали в этой пустоте, словно по твёрдой почве. Прежде чем Шторм успела охнуть, она почувствовала новый толчок, и они снова оказались где-то ещё — в пространстве темноты, где гроыхая и кувыряясь, бесконечно сталкивались друг с другом булыжники всех форм и размеров. Грохот ударов камня о камень не смолкал ни на секунду, и эту сцену освещали вспышки от каждого сильного столкновения.

Шторм бросила один взгляд на это место и схватила с задней луки седла скатку со своим тяжёлым плащом, набросив его на голову коня, чтобы тот не взбрыкнул и не сорвался с небольшого участка камня, на котором они появились. Лошадь Старого Мага стояла спокойно — наверняка под действием его магии.

Шторм окинула взором бесконечное разрушение вокруг. Ей пришлось низко пригнуться, когда в их сторону полетел большой зазубренный булыжник. Камень был величиной с четыре лошади и катился кувырком, приближаясь к ним.

Эльминстер беззаботно взмахнул рукой, и камень отклонился, врезавшись в другой, более крупный булыжник неподалёку. В воздухе раздался оглушительный грохот, на барда посыпался дождь каменных щепок. Шторм покачала головой. Они определённо находились уже не в Фаэруне.

- Болван в зелёном решил, что забрал наш приз, - легкомысленно продолжал Старый Маг. - Он подозревал, что ключ могла передать мне Дуара, но сейчас уже должен был обнаружить, что на самом деле тот могучий посох — просто прутик. Теперь он будет до конца ярмарки следить за Дуарой, пытаясь увидеть, не передаст ли она ключ кому-то другому. И насколько ему известно, я могу появиться на ярмарке в любом обличье. Дуара устроит ему весёленькие танцы. Она любит водить молоденьких мужчин за нос.

Он хмыкнул.

- Самые блистательные планы зачастую ни к чему не приводят, знаешь ли.

Прямо перед ними врезались друг в друга два булыжника. Шторм прикусила губу, чтобы подавить невольное восклицание, прикрыла глаза от летящей каменной крошки и спросила:

- Дуара? Ты получил от неё ключ, не так ли? Я видела её руки у тебя на поясе.

Эльминстер кивнул.

- Да, она передала мне ключ. Все три наших врага на ярмарке это заметили; два бросивших мне вызов, и один, не осмелившийся показать себя.

Он отклонил шесть небольших камней, летевших в их сторону.

- Третий маг наверняка был там лишь для того, чтобы увидеть, что произойдёт, и доложить о том, куда мы направимся. Я использовал магию, чтобы ослепить его — и молодого мастера огненных шаров — под прикрытием моего взрыва. Им повезло, что правила ярмарки запрещают туманящие рассудок заклятия, иначе обоим

пришлось бы долго-долго таращиться в никуда. Слепота скоро выветрится, но к тому времени мы окажемся уже далеко, и ключ — вместе с нами.

- Что это за ключ и где он? - терпеливо спросила Шторм, потянувшись в седельную суму за сыром. - Почему они не знают, где ты его спрятал?

- Они смотрели, но не увидели, - ответил Эльминстер, воспользовавшись магией, чтобы сыр сам поплыл ему в рот. - Они не знают, что мы с Дуарой давние друзья — и понятия не имеют, как быстро она соображает.

Он полез пальцами в рот и вытащил оттуда небольшой металлический цилиндр с крупным изумрудом.

- Ключ, - величественно провозгласил он, неожиданно снова вернувшись к своему ясному, отчётливому голосу. - Я держал его там с первого поцелуя Дуары.

Он задумчиво облизал губы и добавил:

- Она по-прежнему любит миндаль.

Дожидавшийся сыр скользнул ему в рот. Он пожевал, скорчил одобрительную гримасу и взял Шторм за руку. Мир вокруг снова изменился по его воле.

В мгновение ока тьма и бьющиеся камни пропали. Теперь их лошади стояли на ветхом каменном мосту посреди зловонного болота, окружённого заросшим лианами и лозами лесом. Из неподвижных тёмных вод выступали скользкие каменные статуи. Шторм видела, что статуи стоят на приподнятом бульваре, частице древнего города, погружившегося в окружающую трясину.

Когда Шторм посмотрела назад, из чернильных вод неторопливо поднялись несколько блестящих чёрных щупалец и обвились вокруг камня ленивыми кольцами. Покачавшись из стороны в сторону, как будто приюхиваясь, эти ленивые отростки снова медленно погрузились в болото.

Бард указала на след на воде, похоже, отмечающий путь чего-то крупного, движущегося к ним прямо под поверхностью. Эльминстер кивнул, улыбнулся и небрежно взмахнул рукой — и они снова оказались где-то ещё. На этот раз лошади стояли на древней, заброшенной дороге в сердце тёмного леса.

Шторм вздохнула.

- И арфисты хотели, чтобы я тебя защищала? - начала говорить она. Но когда бард заметила тусклый блеск многочисленных глаз, следящих за ними из окутанных сумраком и тенью мест под деревьями, она потянулась к мечу.

Закряхтев, Эльминстер тяжело слез с седла. Затем он нежно коснулся пальцами её запястья.

- Нет, - мягко сказал он. - Скорее всего, они хотели, чтобы ты защитила от меня других.

Шторм закатила глаза. Плавным движением она спешила.

- Меня не должно здесь быть, - сказала она. - Ключ там или не ключ. Эти прыжки с места на место, из мира в мир, опасны и неразумны.

Эльминстер ухмыльнулся.

- А отправляться со мной на волшебную ярмарку, значит, разумно? Я выбрал этот путь со столь частыми прыжками, чтобы стряхнуть с хвоста любых магов, которые могли последовать за нами. Немногим хватит широты ума, чтобы так же часто, как мы сейчас, смещаться с одного мира на другой.

Старый маг потрепал её по руке.

- Спасибо за твоё терпение. Уже скоро мы сможем расслабиться и поболтать со старым другом.

Эльминстер повёл их пешком по петляющей сквозь деревья неровной тропинке. Над незнакомым древним лесом разгоралось яркое утро. Похоже, розовый свет заставил Старого Мага о чём-то вспомнить. Он развернулся и показал какой-то жест. Шторм оглянулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как исчезают их лошади. Она посмотрела на Эльминстера. Единственным ответом на её безмолвный вопрос стала радостная улыбка, после чего волшебник снова зашагал по тропинке.

Прикусив язык, Шторм пошла следом. И достала свой меч, несмотря на слова Старого Мага; зная Эльминстера, этот «друг» мог оказаться синим драконом или того хуже.

Тропинка вела между двух древних, поросших мхом камней. Когда они приблизились, Эльминстер потянулся назад и взял Шторм за руку. Они прошли между камней вдвоём, и бард почувствовала странный, щиплющий холодок.

Они очутились где-то ещё. Где-то в знакомом месте. Шторм почти сразу же поняла, что они находятся в Долине Теней.

Эльминстер отпустил её руку и шагнул в сторону, сунув руку под мантию в поисках трубки. Шторм мгновение смотрела на него. Затем подошла двумя быстрыми шагами и, положив твёрдую руку на плечо Эльминстера, повернула его к себе.

- Ни шагу дальше, - предупредила она. - Пока не расскажешь мне, что здесь происходит. Где наши лошади? Зачем мы вообще ехали за ключом через половину Фаэруна? Дуара что, не могла телепортироваться? И чт...

Эльминстер прижал палец к её губам и сказал:

- Нужда в спешке пропала. Сомневаюсь, что кто-то мог проследить за нами через все те места, которыми я нас провёл. Наши лошади опередили нас и находятся в конюшнях Скрученной башни. Пойдём ко мне домой. Там тебя ждёт наш общий друг: Лхэо.

Старый Маг зажёг трубку и больше не сказал ни слова, пока они шагали по вымощенной камнями дороге к дверям этой ветхой каменной башни. Дверь открылась при их приближении, и тогда он обернулся и произнёс:

- Убери меч, Шторм, и будь как дома.

Когда они вошли, с кухни крикнул его писарь Лхэо:

- Чай скоро будет готов!

- И Шторм тоже приготовь, - негромко сказал Эльминстер. Благодаря какому-то магическому трюку Лхэо слышал господина и отозвался:

- Добро пожаловать, госпожа бард!

- Здравствуй, Лхэо, - ответила Шторм, удивлённо глядя на Старого Мага. Эльминстер спокойно сметал на пол груды бумаг, освобождая ей кресло. Поднялись густые клубы пыли. Что-то прошептав, он зажеликулировал, и пыль исчезла.

- Здесь слишком темно, чтобы разглядеть прекрасную гостью, - пробормотал Старый Маг, коснувшись медной жаровни. Он прицокнул языком, и в жаровне вспыхнуло пламя, бросив на кресло тёплые, пляшущие блики.

Вежливым жестом Эльминстер предложил Шторм присаживаться. Бард озадаченно уставилась на жаровню.

- Как она горит без всякого топлива?

- Магия. Разумеется.

Эльминстер отвернулся и поднял ещё одно облако пыли, когда снова начал рыться в грудях пергамента.

Шторм потянулась и похлопала его по плечу.

- Эльминстер, - холодно сказала она. - Говори.

В её голосе неожиданно зазвенела сталь.

Старый Маг спокойно уселся на пустой воздух, выпустил клуб дыма из своей трубки и сквозь эту пелену улыбнулся ей.

- Ты заслуживаешь знать, подруга. Ну что ж. Дуара когда-то была моей ученицей. Не очень долго. Сейчас она живёт в Тельфламме, и прошлым летом присоединилась к арфистам.

Он пыхнул трубкой, и в сумрак под потолком медленно поднялось сине-зелёное кольцо дыма.

- Она не может использовать заклинание телепортации, поскольку пока что недостаточно сильна. Как и все молодые, пылающие энтузиазмом маги, она пустилась на поиски приключений, чтобы быстро обзавестись различной магией — и в отличие от большинства, нашла драконьи сокровища.

Ещё одно кольцо дыма поднялось к потолку. Старый Маг проследил за его полётом, одобрительно кивнул и продолжил.

- К сокровищам, конечно же, прилагался дракон, но это отдельная история. Среди прочих безделушек она нашла мой ключ и отправила с вместе караваном письмо, что принесёт его мне на ярмарку, если я заинтересован.

- Тогда кто твои загадочные враги? Как ты потерял ключ? - спросила Шторм. - И почему Дуара была так неосторожна, что отправила тебе обычное послание?

Эльминстер пожал плечами.

- Она понятия не имела, что ключом вообще заинтересуется кто-то кроме меня — или хотя бы сможет понять, о чём вообще идёт речь в письме. Получив записку Дуары, я использовал магию, чтобы связаться с ней и сказать, что приду на ярмарку. Она сообщила мне, что после отправки письма на неё несколько раз напали, дважды разграбили её башню, а однажды в спальне ей даже угрожал загадочный голос, потребовавший ключ.

Шторм закатила глаза.

- Так что это за ключ?

- Ключ к этой кладовой, разумеется, - спокойно сказал Эльминстер, сунув длинную руку в пыльный мрак у себя за спиной. В его руке блеснул ключ, скользнув в хитро ухмыляющуюся драконью голову, вырезанную на стене. В камне возникли очертания двери, которая сама собой начала открываться.

Эльминстер вытащил ключ и помахал им в воздухе.

- Давным-давно его украл у меня один подлый человек, который тоже был — очень недолго, разумеется — моим учеником. Амбициозный калишит по имени Разерлин, насколько я помню. Подозреваю, он нашёл свой конец в пасти дракона Дуары.

- Так что же ты хранишь здесь такого, что маги так жаждут заполучить этот ключ? - спросила Шторм, глядя на пыльную дверь кладовки.

- Старые книги заклинаний, приобретённые за годы странствий, - ответил Эльминстер, когда дверь широко распахнулась. Шторм увидела неровную стопку толстых, покрытых плесенью томов.

У неё за спиной неожиданно вспыхнул жуткий бело-зелёный свет. Когда он осветил лицо Старого Мага, Шторм заметила его удивление и резко обернулась, перевернув своё кресло.

Жуткий свет исходил из мерцающего овала пламени. Овал висел вертикально в воздухе посередине крошечной тесной комнаты. Шторм знала, что его присутствие бросает вызов могущественной магии, охраняющей башню Эльминстера от архимагов злого Зентарима, красных волшебников Тэя и прочих. Никто не должен был суметь открыть врата в башню.

Но огненный овал, решила Шторм, определённо является вратами. Когда бард посмотрела в мерцающую волшебную дверь, она увидела протянувшийся во мрак длинный каменный зал. И в темном проходе что-то двигалось...

Нахмурившись, Эльминстер шагнул вперёд, сплетая заклятья из воздуха.

- Невозможно, - пробормотал он.

Из мрака призрачного зала за волшебными вратами к ним медленно приближалась сумрачная фигура. Существо было высоким и очень худым. Его глаза были двумя холодными блестящими точками света в тёмных безднах. Когда оно приблизилось, Шторм разглядела гнилые лохмотья, служившие ему вместо мантии.

У барда мурашки по коже побежали. Похоже, что это был лич, волшебник, магия которого оказалась настолько сильна, что он продолжил существовать даже после смерти. Даже среди великих магов Фаэруна немногие могли сразиться с личом и надеяться уцелеть.

Лич продолжал приближаться, и Шторм встретила губительный взгляд его холодных мерцающих глаз-огоньков. Пляшущие в пустых глазницах черепа огни какое-то время изучали её, а затем устремили презрительный взор на Эльминстера.

- Смерть наконец пришла за тобой, Старый Маг, - удивительно громко прошипел лич. Он по-прежнему находился в далёком зале.

- Ты даже не догадываешься, как часто мне приходилось слышать эти слова... Каждый кровожадный дурак в Фаэруне хотя бы раз мне их говорил, - вздёрнул бровь Эльминстер. - А в твоём случае, Раэрлин, уже два раза.

Одной рукой он начертил в воздухе сияющий знак.

Лич улыбнулся ему жуткой беззубой ухмылкой и продолжил наступать. Эльминстер поднял вторую бровь. Его руки торопливо задвигались в сложных жестах.

Поперёк портала вспыхнул барьер мерцающего сияния. Руки Раэрлина задвигались в ответ, и барьер разлетелся крошечными пятнами света, рассыпавшимися, как искры от костра, а затем угасшими.

Каким-то образом голый череп лича сумел злорадно оскалиться.

- Ты считаешь себя хитрецом, потому что обманул двух моих слуг на волшебной ярмарке, Эльминстер, - снова раздался свистящий шёпот, - но одурачить или победить меня не так-то просто.

Череп, казалось, улыбнулся.

- Я тоже был на ярмарке. Заклятье слепоты, конечно же, на меня не подействовало, а ты даже не сумел разглядеть мой истинный облик. Неужели тебе больше недоступно такое простое чародейство?

С кухни неожиданно раздался пронзительный и абсолютно сейчас неуместный свист закипевшего котла Лхэо.

Руки Эльминстера снова двигались. Шторм увидела возникшие у него между пальцами линии потрескивающей энергии, прежде чем маг швырнул в лича молнию. Сорвавшись с его ладоней, молния озарила бородатое лицо, обнажив морщины нарастающего беспокойства.

Лич глухо засмеялся, когда разряд Эльминстера затрещал на его усохшем теле. Крошечные искры плясали и шипели на нём, но как будто не причиняли никакого вреда. Лич поднял костяную руку и прочитал собственное заклинание.

Шторм встревоженно оглянулась на Эльминстера — и увидела, как одна из книг в открытой кладовой за спиной у Старого Мага неожиданно засветилась таким же бело-зелёным светом, как огни на вратах лича. И когда она посмотрела на лича, его глаза триумфально вспыхнули. Призрачные серые щупальца силы потекли к ним обоим от волшебника-нежити. Сейчас Раэрлин был очень близко, ему не хватало всего нескольких шагов, чтобы войти в комнату.

- Беги, Шторм! - крикнул Эльминстер. - Я не смогу защитить тебя от того, что произойдёт!

Его руки мелькали в новом заклинании.

Шторм замотала головой, но отступила с пути. Сверкающий свет выстрелил с пальцев Старого Мага, яростно поглощая и уничтожая каждое щупальце. Но лич лишь пожал плечами, и его костяные пальцы сплели новую бессловесную магию. Книга в открытой кладовке снова замерцала.

Шторм увидела капли пота на лбу Эльминстера, когда его рука нырнула под мантию и вытащила какой-то мелкий талисман. Затем талисман исчез прямо из пальцев Старого Мага. Как будто в ответ с плеч лича сорвалась красная полоса энергии, когда тот переступил через перевёрнутое кресло, входя в кабинет Эльминстера. Призрачная магическая рука угрожающе потянулась вперёд.

В воздухе перед Старым Магом неожиданно повис мерцающий, серебряно-синий силовой щит, заслоняя его. Красная рука легко, почти лениво обогнула щит и потянулась не к Эльминстеру, а в кладовую за его спиной.

Лич тянется к книге, догадалась Шторм, и сама бросилась к ней. Из портала раздался свистящий вопль ужаса, а вокруг барда вспыхнул красный свет.

Волшебная рука лича вцепилась в неё, пытаясь удержать на месте. С груди сорвали кожаный доспех, и Шторм почувствовала неожиданную жгучую боль. Мимо глаз потянулись тонкие тёмные полосы её собственной крови, рождённые силой схватившей её магической конечности.

Бард Долины Теней сжала зубы и наотмашь ударила своим волшебным клинком, пытаясь освободить себя от багровой силовой ленты. Сверкнула внезапная вспышка, раздался рёв, полетели искры. Перед глазами Шторм ярко блеснули осколки клинка, когда её спиной швырнуло на стопку пыльных книг. В глаза хлынула кровь, грудь как будто обожгло огнём.

Шторм смутно различила стон Эльминстера. Яростно заморгав, чтобы прояснилось в глазах, она с трудом заставила себя встать на ноги. Старый Маг распростёрся на полу, из его протянутой руки к ней тянулся тонкий лучик света. Позади него принял триумфальную позу озарённый пылающей багровой аурой лич. Уперев руки в бока, он глухо засмеялся.

Свет Эльминстера коснулся Шторм, и бард ощутила, как в неё течёт теплая, свежая сила. Защищало в кончиках пальцев, с глаз и со лба неожиданно пропала кровь.

Лич сделал резкий жест, и красное облако вокруг него превратилось в лес щупалец, преодолев блекнувший волшебный щит над Старым Магом. Тот слабо шевельнул рукой, затем рухнул ничком и больше не двигался.

Бело-синюю энергию последних чар Эльминстера засосало в красное облако. Мистическая аура лича разгорелась ярче, когда тот перешагнул через тело Старого Мага и двинулся к барду. Раэрлин высасывал магию Эльминстера, чтобы питать ею свои собственные тёмные заветы!

Из облака выстрелила ещё одна багровая рука, с небрежной, жестокой силой отшвырнув барда в сторону. Шторм упала на новую стопку книг. Она увидела, как красная рука лениво тянется к гримуару в потайной комнате.

Задышавшись, Шторм поднялась с разлетевшихся книг. В ноздри ударил запах её собственных горелых волос. По груди по-прежнему текла кровь, а в руке она всё ещё сжимала почерневшую и расплавленную рукоять меча. Сделав глубокий неровный вдох, бард швырнула в лича сломанный меч и бросилась к книге, ради которой это существо пошло на такой риск. Вокруг заплескала краснота, но книга оказалась в её крепко сжатых пальцах.

Голос Раэрлина превратился в глухой испуганный вопль, когда Шторм прижала книгу к окровавленной груди.

- Забери тебя Миркул, девка! - крикнул лич. - Ты её испортишь!

И Шторм наконец поняла, что делать.

Она вцепилась в страницы дрожащими пальцами, отрывая куски и бросая их в огонь волшебной жаровни Эльминстера. Жаровня полыхнула ярче, и бард поднесла книгу к взметнувшемуся пламени, не обращая внимания на боль в руках.

В неё ударила магия Раэрлина. Красные когти цеплялись и рвали. Шторм зарычала, пытаясь удержаться на месте. Пламя жадно лизало смятые страницы книги в её руках.

Шторм почувствовала, как натянулись волосы, вынуждая её запрокинуть голову. Слезы ослепили её, и что-то — её собственные пряди, оживлённые магией лича! — стянулось на горле. Бард Долины Теней стиснула зубы, сдерживая крик, вытянула книгу, сражаясь с тёмным чародейством лича изо всех оставшихся сил. И сунула том в жаровню.

Раздался голодный рёв, и Шторм бросило в сторону. Краем глаза она заметила кости и кувыркающуюся жаровню, отлетевшие от шара яркого кипящего пламени. Затем она приземлилась в кресло Эльминстера. На мгновение пряди волос упали ей на глаза, ослепив. Шторм торопливо отбросила их и уставилась на огненный шар.

Тот повис в нескольких футах над полом, бурлящий и плюющийся искрами. В центре шара была окутана разноцветными огнями чернеющая, все ещё светящаяся

книга. Том рассыпался пеплом и исчез прямо на глазах Шторм. Слева от неё раздался свистящий звук.

Она обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как череп лица рассыпается на куски. Вспыхнуло и угасло красное мерцание магии Раэглина. В мгновение ока от лица остался лишь прах.

В неожиданной тишине Шторм закрыла глаза, раздумывая, когда уймётся дрожь в её обожженных руках.

Где-то справа прозвучал громкий кашель. Бард подняла веки и попыталась встать. Эльминстер качал головой, медленно поднимаясь с пола и хлопая по дымящимся участкам на своей мантии.

- Нужно будет, как следует отблагодарить тебя, подруга, за очередное спасение моей жизни, - с достоинством сказал Старый Маг.

Несмотря на боль, Шторм прыснула от неожиданного веселья. В следующее мгновение они смеялись в объятиях друг друга. Их глаза сверкали. Когда они крепко обнялись, открылась дверь, и в разгромленный кабинет проникли звуки кухни. Вместе с неожиданным стуком посуды раздался весёлый голос Лхэо: «Чай готов! Вы тут неплохо пошумели...» Писарь резко замолчал и уставился на двух обожжённых и раненых друзей.

- Ч-что произошло?

Эльминстер отстранил Шторм и с неожиданной для своего возраста проворностью замахал руками. В следующее мгновение Шторм снова оказалась в кресле, облачённая в прекрасное платье. Боль в руках и груди пропала. Напротив неё за круглым столиком, сервированным для чаепития, сидел Эльминстер в роскошной серебряной мантии, расшитой драконами. Он мягко улыбался и держал в руке зажжённую трубку.

- Ничего, - весело отозвался Старый Маг, - всего лишь визит старого друга.

Когда поднос с чаем опустился на стол, Эльминстер подмигнул барду. Шторм покачала головой, не в силах сдержать улыбку.

ТЁМНЫЙ МЕЧ

Трой Деннинг

Впервые опубликован в Антологии «Королевства Тени», под редакцией Лизза Болдуина, в апреле 2002 г.

Когда вышел «Волшебник» (последняя книга цикла "Возвращение Архимагов"), читатели все время спрашивали, когда вернется Мелегонт Тантул. Я был этим немного удивлен, так как судьба, которая его постигла, это место, откуда не возвращаются. Итак, когда пришло время написать короткий рассказ для Антологии "Королевства Тени", я решил исследовать ключевые моменты в его прошлом... в Королевствах.

-Трой Деннинг, апрель 2003 г.

20-е Флеймула, год Рва (1269DR)

Где-то на дороге через Бездонные Болота

Недалеко впереди, из тумана, доносилось множество невнятных звуков: материнское пение, детский плач, отцовские крики... хриплое и усталое мычание волов. Мелегонт Тантул продолжал свой путь, как и прежде – очень осторожно – вдоль дороги из отдельных бревен, которые проваливались в вязкий торф с каждым его шагом. Видимость в лучшем случае была шагов двадцать, дорога зигзагами уходила в жемчужно белый туман. Не в первый раз он пожалел о том, что не выбрал другую дорогу на развилке у Прохода Мертвеца. Конечно, он всё ещё был в Ваасе, но было трудно сказать, направлялся ли он к сокровищу, которое искал, или удалялся от него.

Звуки становились всё громче и отчётливее, пока внезапно не растворились размытые очертания дороги. Узкой линией вдоль конца дороги были разбросаны похожие на головы сферы, некоторые из них стояли на плечах людей, разведя руки в стороны, для распределения веса. Гораздо дальше, две пары расплывчатых воловьих рогов выросли из болота, а за ними покрытая пеленой тумана груженная телега, завязшая на поверхности за ними.

Мелегонт снял свой тяжелый рюкзак и продолжил двигаться вперёд, одновременно доставая верёвку, с помощью которой, натягивал ночью свой дождевой брезент. По мере того как он подходил ближе, казалось, сферы, очень похожие на головы, начинали обрастать бородой и копной нечесаный волос. Он стал различать крючковатые носы и глубоко посаженные глаза, затем одна из голов закричала и с ужасным хлюпающим звуком погрузилась в болото. Крик отразился эхом испуганных воплей в глубине тумана, побуждая ближайших оставшихся голов озираться по сторонам и орать что-то на гортанном диалекте Ваасы. Голоса немедленно стихли, и голова повернулась в сторону Мелегонта.

- П-путник, тебе бы лучше остановиться здесь. - запинаясь, произнёс Ваасец, ледяная болотная грязь делала его речь невнятной - Эти брёвна насквозь прогнили.

- Спасибо за предупреждение. - ответил Мелегонт. Всё ещё в пятнадцати шагах от конца дороги, он остановился, держа в руках короткий моток верёвки, которую вытащил из рюкзака - Моя верёвка не достанет так далеко, боюсь, что вы сорвали собственное спасение.

- Я думаю у нас б-будет больше шансов с тобой там, нежели здесь с нами. - склонив голову, сказал Ваасец.

- Возможно. - согласился Мелегонт. Он посмотрел вдаль, безуспешно пытаясь разглядеть за кланом Ваасцев, место, где снова начиналась дорога. Как бы раздражающе не было то, что он не знал куда двигаться, мысль о том, что придётся повернуть обратно, окончательно раздосадовала его.

- Куда ведёт эта дорога? В Делхолз или в Муртаун?

- К-куда ведёт дорога? - Заикаясь, переспросил Ваасец, резким от разочарования и злости голосом. - А как же мои люди? После того, как я спас тебя, ты не собираешься нам помочь?

- Конечно я собираюсь помочь вам, я сделаю всё что смогу. - ответил Мелегонт.

Где-то среди тумана ещё один Ваасец вскрикнул и погрузился в болото с глухим хлюпаньем.

- Знаешь, ты можешь э..., исчезнуть до того как я вытащу тебя, и в этом случае, все-таки хотелось бы знать, куда ведёт эта дорога.

- Если это случится, то знание ничем тебе не поможет. - прорычал Ваасец - Твоя единственная надежда добраться т-туда куда тебе н-нужно, это спасти мой клан, а мы в свою очередь проводим тебя куда - бы ты не направлялся.

- Что-то затаскивает твоих людей по одному на дно, а ты тратишь время на детали? - сердито потребовал Мелегонт. Он достал чёрный кинжал и, опустившись на четвереньки начал прощупывать впереди лежащие брёвна на гниль - Нет времени на переговоры, я не брошу вас.

- Тогда твоё терпение будет вознаграждено. - жёстко сказал Ваасец.

Мелегонт поднял взгляд, задумчиво нахмутив брови.

- Я так понимаю, ты не веришь мне?

- Я верю в то, что тебе лучше п-постараться, если ты н-нуждаешься в нас.

- Ответ такой же скользкий, как и болото в котором вы увязли. - резко ответил Мелегонт. - Если я справлюсь, нужда *во мне* отпадёт, как верить в то, что вы проводите меня после этого.

- У тебя есть слово Бодвара, предводителя клана «Болотный Орёл». - ответил Ваасец. - Это всё что нужно для твоей уверенности.

- Я вижу, что доверие имеет несколько иное значение для заезжих, нежели для самих Ваасцев - проворчал Мелегонт - Но я предупреждаю, если ты отступишься от своего обещания...

- Тебе не стоит бояться этого, - сказал Бодвар. - Сдержи своё слово, а я сдержу своё.

- Я слышал это раньше. - пробормотал Мелегонт - Слишком много раз.

Несмотря на своё недовольство, Мелегонт продолжил пробираться по дороге, прощупывая гнилые брёвна.

По всем меркам, Ваасцы были грубыми, но честными людьми, до тех пор, пока легендарные шахты Делхола и Талагбара не были заново открыты, и внешний мир не вторгся к ним, чтобы обучить их ценности двуличия и обмана. С тех пор, за исключением таких поселений как Муртаун, где по слухам, слово человека ценилось выше его жизни, они стали такими же безнравственными и коварными, как и все остальные в мире торговли и обмана. В тот момент, когда Мелегонт уже начал сомневаться в правдивости истории Бодвара, его кинжал, наконец, наткнулся на мягкое дерево. Он надавил посильнее, и целое бревно на его глазах раскрошилось в красную пыль. Затем одно, под его руками стало рыхлеть, побуждая его откинуться назад. Очередное бревно размякло под его коленями, и грязный торфяной купол вознёсся перед ним, длинная вереница спинных шипов разрежала поверхность, когда нечто огромное, по форме похожее на угря перевернулось рядом. Мелегонт упал назад и начал отталкиваться, чтобы ползти в обратном направлении так быстро, как

это было возможно. К тому времени, как бревна перестали размягчаться, он был уже в пяти шагах от Бодвара, достаточно далеко, чтобы перестать различать даже смутные очертания головы Ваасца.

Закричал очередной член клана и погрузился в болото с глухим шлепком.

- Ты всё ещё там путник? - Спросил Бодвар.

- Пока - ответил Мелегонт. Он встал и отступил ещё на пару шагов - Что-то пришло за мной.

- Один из болотных людей. - сказал Бодвар. - Их привлекает вибрация.

- Вибрация? - откликнулся Мелегонт – Как разговор, например?

- Как разговор. - подтвердил Бодвар. - Но не беспокойся обо мне, моя броня приглушает звук – она сделана из драконьей чешуи.

- Всё как и прежде, пока тихо. - Мнение Мелегонта о Ваасце возрастало, и в большей мере из-за риска который тот брал на себя за свой клан, чем из-за того что он носил броню из чешуи дракона - Я вытащу вас, обещаю.

- Человек не должен обещать того, в чём он не уверен, Путник, - сказал Бодвар – Но я верю в то, что ты сделаешь всё что сможешь.

Мелегонт заверил Ваасца в этом, затем отступил ещё на несколько шагов по дороге и вытянул руку за край дороги. Не было и намёка на тень. Волшебство Мелегонта было бы ослабшим, и он уже видел силу своего врага, чтобы понять, что сражаться против него не в полную силу будет глупо, даже в мире смерти и возрождения, дерево не может разлагаться так быстро как те брёвна.

Стараясь не обращать внимания на изредка доносившиеся из тумана крики, Мелегонт достал несколько нитей теневого шёлка из кармана своей накидки и плотно скрутил их в единую прядь. За полтора века исследования Торила, ему ещё не приходилось использовать, по крайней мере там где кто либо мог увидеть, столь могущественное теневое волшебство рискуя быть раскрытым – но и никогда прежде не было повода думать что его длительное путешествие может приближаться к своему кульминационному моменту.

Бодвар был храбр, и это было первое качество. Он также был осторожен, не давал и не принимал клятв, это было второе качество. Оставалось увидеть обладает ли он третьим, что вскоре должно произойти, если всё пойдёт, как предполагалось. Как только Мелегонт скрутил теневой шёлк в единую прядь, он произнёс несколько слов на древне Нетерийском и почувствовал волну холодной энергии, поднимающуюся от ног во всё тело. В отличие от большинства магов Фазруна, черпавших свою магию из Всеобъемлющего Плетения богини Мистры, Мелегонт вытягивал свою магию из Таинственного Теневого Плетения. Будучи таким же универсальным, как и обычное Плетение, Теневое Плетение было менее известным и более могущественным, хотя бы, потому что Богиня в Мантии – та, имя которой, никогда не будет дано – держала его в абсолютной тайне, и сводила с ума каждого, кто обнаруживал его существование.

Когда он полностью насытился холодной магией Теневого Плетения, Мелегонт бросил прядь теневого шёлка над болотом и сделал быстрое движение пальцами. Связка начала распускаться, но потонула в торфе до того как размоталась полностью и продолжила вращаться затягивая длинные витки тумана за собой.

Быки тревожно замычали, а затем последовал ужасный булькающий звук, сопровождаемый треском ломающегося дерева и воплями испуганных женщин и детей.

- П-п-путник? - более слабым и промерзшим голосом спросил Бодвар – Ты покинул нас?

- Тише, Ваасец, или у меня не останется повода, чтобы оставаться здесь. - крикнул Мелегонт в ответ – Я работаю так быстро как могу.

Судя по последовавшим неугомонным голосам, его заверение мало что дало клану Болотного Орла. Мелегонт снова призвал их к терпению. Пока он ожидал, когда его первое заклинание закончит свою работу, он подготовил себя для боя, окружая волшебной бронёй и чарами отклонения заклинаний, заготавливая могущественные слова атаки и накладывая чары, что позволили бы ему двигаться и плавать в болоте с одинаковой лёгкостью. К тому времени как он закончил, его заклинание истончило туман настолько, что он смог разглядеть длинную вереницу завязших Ваасцев, и перегруженные телеги, петляющие в сторону отдалённой, серой, зубастой горной цепи. Конец колонны был, возможно, на расстоянии двухсот шагов, а за ней, ещё в пятидесяти шагах он разглядел коричневую ленту брёвен опять возобновлявшейся дороги.

Вместо того чтобы выглядеть удивлённо и благодарно, Бодвар и такие же как и он сам, бородатые воины всматривались в небо с выражением тревожного ожидания. Те, кто был с мечами, держали своё оружие наготове, в то время как женщины и старики на телегах натягивали луки и поднимали копья. Мелегонт осмотрел облака вокруг и не увидел ничего за исключением снежных туч – затем услышал два громких хлюпающих звука - когда ещё пару воинов затащило в жижу. Он подошёл к концу бревенчатой дороги и вытянул руку.

Убедившись, что там достаточно света чтобы вызвать тень, он повёл своей рукой в сторону, пока тёмная нить не остановилась на Бодваре. Хотя двадцать шагов всё ещё разделяло их, туман был настолько прозрачным, что Мелегонт смог разглядеть, что с сапфирно-голубыми глазами и волосами цвета кровавого камня, Бодвар был привлекательным по Ваасским стандартам.

- Ты вызвал это прояснение, Путник? - спросил Бодвар.

Мелегонт кивнул, затем соврал: - Я предпочитаю видеть то, с чем сражаюсь.

На самом деле ему было гораздо комфортнее сражаться во тьме, чем при свете, но если он не хотел давать Ваасцам повода, для раздумий над природой своей силы, была неплохая вероятность того, что они окажутся, недостаточно знакомы с нездешними заклинаниями, чтобы подумать, что он использует обычную магию. – Бой движется быстрее.

- В самом деле - ответил Бодвар. - Надеюсь что не слишком быстро. Есть причина, по которой болото Горной Тени проходимо только в лёгкий туман.

- Что за причина? - нахмурившись, спросил Мелегонт.

- Уже в пути.

Бодвар поднял руку – ту, что не была затянута в болото – и указал на запад. Ближайшие вершины стали достаточно различимы, чтобы напоминать ряд заснеженных клыков, и с их вершин, увидел Мелегонт, по кривой, летело несколько рядов бледных точек.

- Гриффы? - спросил он. - Или виверны?

- Увидишь.

- Ну, по крайней мере, это не драконы. - сказал Мелегонт – Со всем остальным я справлюсь.

- Ты высокого мнения о себе, Путник.

- Чего и тебе рекомендую. - ответил Мелегонт.

Вместе с этим он произнёс несколько магических слов, и тень, которую он проложил через болото, расширилась до размеров достаточных для прогулки по ней пешком. Мелегонт сошёл с брёвен и, продолжая держать вытянутую руку, двинулся по тени. Чтобы избежать исчезновения дороги в момент его продвижения вперёд, он произнёс заклинание стойкости – в это время мокрый торф за его спиной взорвался с булькающим звуком.

Мелегонт обернулся, чтобы увидеть пару перепончатых лап, цепляющихся за край его теневой дороги, а между ними скользкую голову рептилии, готовящуюся к атаке. Лицо рептилии было весьма широкое и походило на лягушачье, кроме того мёртвые, чёрные глаза застыли на ноге Мелегонта, а губы раскрылись, обнажая, рот полный острых, как иголки зубов. Он опустил руку и произнёс магическое слово силы, выпуская ледяной чёрный заряд, который проделал отверстие размером с кулак в голове существа. Лапы разжались, и бездыханное тело соскользнуло обратно в жидкое болото.

- Что это была за магия? - открыв рот от изумления, спросил Бодвар, наблюдая с расстояния в несколько шагов впереди.

- Южная магия.- соврал Мелегонт. Он остановился рядом с Ваасцем и наклонился, протягивая тому руку – Ты бы не понял этого.

Бодвар не торопился взяться за смуглую руку теневого мага.

- Кто бы понял? - потребовал он – Мы не настолько отстающие здесь в Ваасе, как ты мог подумать. Мы знаем о тёмной магии Тэя.

Это рассмешило Мелегонта.

- Вы и понятия не имеете.

Он произнёс быстрое заклинание, и щупальца тьмы выстрелили с кончиков его пальцев, опутав запястье Ваасца.

- А теперь выбирайся оттуда. - сказал Мелегонт - Ты заключил сделку.

Мелегонт выпрямился и призвал щупальца обратно, вытягивая Бодвара за руку. Где-то под слоем торфа раздался глухой хлопок и Ваасец закричал. Хотя Мелегонт и был абсолютно уверен в том, что только что вывернул плечо вожака, он продолжал тянуть – на самом деле тянуть ещё сильнее. Бодвар кричал так громко, что болотные люди гонялись бы за ним как собака за кошкой. Ваасец не сдвинулся с места, хотя Мелегонт и тащил с достаточной силой, чтобы оторвать руку, это не освободило бы Бодвара из тисков промёрзшего болота. Он прекратил тянуть. Бодвар продолжил стонать – хотя и тише, чем когда он кричал – и длинный гребень вздымающегося торфа начал ползти в сторону вожака. Мелегонт указал пальцем на верхушку хребта и произнёс магическое слово. Луч чёрной тени прошёл сквозь торф. Существо находилось слишком глубоко, чтобы он смог увидеть, достигла ли атака цели, но гребень перестал двигаться в сторону Бодвара.

- Тихо. - настойчиво посоветовал Мелегонт - Посмотри, сможешь ли ты освободиться от ботинок и штанов.

Бодвар перестал стонать, чтобы бросить на Мелегонта недоверчивый взгляд.

- Мои штаны? Мои штаны из драконьей чешуи?

- Ты должен избавиться от постоянного засасывания в болото. - объяснил Мелегонт – Твои штаны или твоя жизнь.

Бодвар вздохнул, но попытался засунуть под торф свою свободную руку.

- Можешь до них дотянуться? - спросил Мелегонт.

- Нет, не могу... - глаза Бодвара внезапно расширились, затем он закричал – Тяни! Тяни!

Мелегонт почувствовал, что Ваасца затягивает вниз и начал тащить в противоположную сторону. Ваасец взвыл от боли и гнева, его тело билось и извивалось, когда он пытался освободиться. Затем последовал треск похожий на ломающуюся кость, и, в конце концов, освободившись, Бодвар поднялся над болотом без ботинок и штанов, но с кинжалом в руке и поясом от меча, перекинутым через плечо.

Мелегонт бросил взгляд на покрытую илом фигуру, скользнувшую в образовавшееся отверстие в торфе, со штанами Ваасца торчащими из угла её улыбающейся пасти, затем болото затянулось и скрыло её из виду. Мелегонт швырнул теневой заряд вслед за ней, но было непонятно, попало ли его заклинание в цель или растворилось в бездонных, глубинах так никуда и не попав.

- Проклятая дышащая грязью тварь! - поклялся Бодвар – Посмотри, что она сделала с моим мечом!

Мелегонт опустил Ваасца на теневую дорогу и, осмотрев, увидел, что мужчина голый ниже пояса, с повисшей, вывернутой из плеча рукой, неуклюже держащий здоровой рукой ножны сильно поврежденного меча.

- И как мне с этим сражаться?

- Сражаться? В твоём-то состоянии?

Мелегонт посмотрел в сторону гор и увидел, что удалённые точки, сформировались в V образные линии, пикирующие на болото, где большая часть клана Болотного Орла была всё ещё в ловушке. Он открыл свою накидку и достал из ножен собственный меч, тонкое лезвие которого походило на чёрное стекло.

- Воспользуйся этим. - сказал Мелегонт – Но осторожнее. Он режет гораздо легче, чем тот кусок железа, к которому ты привык.

Бодвар только взглянул на оружие.

- Я воспользуюсь своим кинжалом. - сказал Ваасец – Эта штука разлетится, как только я...

- Вряд ли.

Мелегонт провёл своим мечом по кинжалу Бодвара и врезался в него так, словно тот был сделан не из калёной стали, а из дерева, затем вытащил обрубок из рук ошарашенного Ваасца и заменил его рукоятью своего оружия.

- Будь осторожен, не отруби себе ногу.

Бодвар закрыл отвисшую челюсть, одна рука всё ещё безвольно весела сбоку, шагнул за Мелегонта и срубил головы двум болотным людям, появившимся из торфа за ним.

- Подойдёт. - сказал он. Не смотря на явную боль в вывихнутом плече, Ваасец даже не стискивал зубы, когда говорил – Спасибо за одолжение.

- Считай что это подарок. - ответил Мелегонт, поворачиваясь к остальному клану. – Я редко им пользуюсь.

К разочарованию Мелегонта, болотные люди далеко не бездействовали, пока он спасал Бодвара. Половина воинов, застрявших к его приходу, уже исчезли под поверхностью, в то время как женщины и старики с трудом сдерживали дюжины болотных людей пытающихся взобраться на грузовые телеги с рыдающими детьми. Мелегонт вытащил пригоршню теневого шёлка из своей накидки и бросил в сторону тележек, затем растопырил пальцы и покачал ими, словно стуча по поверхности. Темная пелена накрыла шесть крытых повозок и все кого она коснулась – болотных людей и Ваасцев в том числе – немедленно уснули.

- Как ты это сделал? - потребовал Бодвар – Заклинание сна не действует на болотных людей!

- По-видимому, ты заблуждаешься. - Мелегонт вытянул руку в сторону ближайшей телеги, приближая теневую дорогу на расстояние трёх шагов от сиденья кучера – А ты думаешь...

Бодвар уже бежал по теневой дороге с позаимствованным мечом в руке. Добежав до конца, он в диком прыжке перелетел через рога завязших буйволов и, оттолкнувшись от их наполовину погруженных спин, приземлился между дремлющим кучером и стариком, завалившимся за ней. Несмотря на предостережение Мелегонта, обращаться с оружием аккуратнее, он начал расправляться со спящими болотными людьми с рвением, которое не оставляло сомнений в его примитивности владения оружием. Мелегонт увидел, как тот разрубил пополам на уровне пояса, двух врагов и расщепил три доски повозки, перед тем как не в силах больше смотреть переключил своё внимание на завязших воинов.

Ближайший из них исчез под поверхностью, как только Мелегонт приблизился, оставшиеся двое тревожно закричали. Видя, что ему не спасти и дюжины из оставшихся воинов, он бросил свою верёвку на поверхность и произнёс длинное заклинание. Дальний конец сам собой поднялся из торфа, и чёрная верёвка начала ползти вперёд. Он указал на ближайшего воина, и верёвка поползла в сторону мужчины.

- Как только верёвка пройдёт рядом...

Это было все, что требовалось сказать Мелегонту. Первый воин схватился за верёвку, выскальзывая из штанов, позволяя ей себя вытянуть. Он проскользил по поверхности около трёх шагов, затем перевернулся на спину и начал рубить что-то под поверхностью своим мечом. Видя, что, по крайней мере, у него есть возможность защищаться, Мелегонт направил верёвку к следующему воину, который также вылез без штанов и ботинок, и уже два Ваасца колотили своего невидимого преследователя. Казалось, что они уничтожат его через дюжину ярдов, к тому времени у Мелегонта на верёвке было на трое воинов больше, и двоих из них преследовала выросшая из болота фигура, просто перемещающаяся под поверхностью. Он направил верёвку к своей теневой дороге и использовал последний тёмный заряд, чтобы убить одного из их преследователей, а воины

позаботились о втором, прежде чем отцепиться от верёвки и ринуться на помощь Бодвару в обороне повозок.

Мелегонт взглянул в сторону гор. К его тревоге, летящие вдалеке создания были настолько близки, что он смог различить не только белые туловища под крыльями, но и их кривые ноги, и изогнутые мечи. Кем бы ни были эти создания – а подобных он не встречал за полтора века путешествий – они были столь же быстры как баатезу. Он только надеялся, что они не были столь же искушены в уничтожении теневой магии как демоны бездны.

Мелегонт ещё раз забросил спасательную верёвку, и ему удалось вытащить ещё шестерых воинов, прежде чем болотные люди затянули остальных. Тем не менее, его не радовало то, что он потерял так много – около двадцати – Ваасцы стойко переносили потери, останавливаясь только чтобы пробормотать неразборчивое слово благодарности, перед тем как присоединиться к Бодвару и своим товарищам в обороне женщин и детей.

Видя, что больше ничего нельзя сделать, он собрал свою верёвку и повернулся к завязшим повозкам. Вместе со спасёнными им, полуобнажёнными воинами, прибежавшими на помощь, женщины и старики сдерживали болотных людей, проявляя удивительное мастерство и отвагу. Тем не менее, как бы хорошо они ни сражались, было очевидно, что самым юным и самым старым членам клана, не хватало проворности, чтобы перепрыгивать от повозки к повозке – особенно через головы паникующих быков – как это делали воины.

Мелегонт устремился вдоль каравана, располагая свою теневую дорогу достаточно близко, чтобы Ваасцы могли спрыгнуть с повозок на дорогу за его спиной. Болотные люди удвоили свою атаку, выстраиваясь вдоль дороги практически сплошной стеной. Но все члены клана Бодвара были столь же хорошо обучены и дисциплинированы, как и его воины, и с лёгкостью отразили атаку. Хотя Мелегонт так и не понял, почему болотные люди не использовали свою магию гниения на самих повозках, он почувствовал от этого облегчение. Возможно, заклинатель исчерпал свой магический запас или чтение заклятья отняло бы слишком много времени.

Завязшие быки заревели, моля о помощи, которой не суждено было прийти, когда их хозяева проносились мимо. Если бы у него было время, Мелегонт конечно смог бы освободить животных и спасти груз в повозках, но дела обстояли так, что он должен был постараться больше не терять их хозяев. Приблизившись к концу каравана, он был шокирован тем, что болотные люди не утащили ни одного из животных в упряжке. Чтобы не послужило поводом для атаки Болотных Орлов, это больше походило на желание истребить клан, чем на простой голод.

Мелегонт был в двадцати шагах за последней завязшей повозкой, когда трое болотных людей всплыли перед ним, хватая его за ноги своими перепончатыми лапами. Он прострелил того что был по середине теневым зарядом, затем услышал как крючковатые когти скребут магическую броню, в то время как двое других попытались подсесть его ноги. Он опустил каблук своего ботинка на покатый лоб и услышал громкий хруст проломившегося черепа, затем он поймал другого атакующего за руку и рывком вытащил из торфа. За исключением того что болотный человек был покрыт склизкими коричневыми чешуйками и имел

плоский, как у лобстера, хвост вместо ног и ступней, он выглядел более или менее человекообразно, с мощными плечами и пупком, который свидетельствовал о том, что он скорее родился нежели вылутился.

Он несколько раз хлестнул Мелегонта свободной рукой. Когда после нескольких попыток его когти, всё также отскакивали от теневой брони мага, не причиняя вреда, он остановился и открыл рот, пуская в ход длинный усеянный шипами язык так быстро, что Мелегонт едва хватило времени на то, чтобы откинуть голову в сторону спасая свой глаз. Он поймал язык существа, когда тот устремился обратно в рот, затем крутанулся, чтобы обнаружить Бодвара и остальных членов клана уставившихся на него с одновременным выражением благоговения и ужаса.

- Не стойте просто так. - скомандовал Мелегонт – Убейте его!

Только Бодвару хватило обладания подчиниться, рубя создание поперёк пояса так сильно, что одолженный им меч прошёл на расстоянии толщины волоса от живота Мелегонта. Наблюдая за косым ударом жоака, Мелегонт оттолкнул безжизненное туловище, затем указал на длинную вереницу болотных людей поднимающихся из торфа позади стоящих с открытым ртом Ваасцев.

- Закройте ваши рты и посмотрите на врага!

Не дожидаясь пока кто-нибудь подчиниться, он протянул теневую дорогу на оставшееся до бревен расстояние и направился к этой, сравнительно устойчивой опоре на дороге.

У болотных людей не было иного выбора, как прекратить наступление, всё, что нужно было сделать Ваасцам, чтобы оказаться в безопасности, так это отступить на середину дороги, где они будут вне досягаемости.

Совсем другим делом были существа, летящие с гор. Расстояния в несколько сотен ярдов, хватило, чтобы Мелегонт смог различить чешуйчатые белые тела с остrokонечными хвостами, а также грубые, морщинистые морды ящеров, изогнутые рога и огромные жёлтые глаза. Одно из созданий, бросило что-то в их направлении и начало вырисовывать магические пасы.

Мелегонт размял кусочек теневого шёлка между своих ладоней, затем бросил его в сторону приближающихся драконо-людей и произнёс несколько слов на древне Нетерийском. Расплывчатый диск тьмы появился между двумя группами и закололся чёрными щупальцами тьмы, устремлёнными в небо, но Мелегонт не достаточно быстро установил свой щит. Он почувствовал знакомое размягчение под ногами, и, крича, Ваасцы в панике побежали по дороге. Это было как раз то, чего делать не следовало. Гниющие бревна быстро развалились, погружая всё племя по колено в зыбучий торф. В попытке распределить свой вес и замедлить погружение, они немедленно упали на животы и развели в стороны руки. Всё ещё стоя на поверхности болота под воздействием заклинаний, которые он наложил перед боем, Мелегонт выругался и снова проложил теневую дорогу, затем повернулся, чтобы встретиться с драконо-людьми.

Их нигде не было видно, по крайней мере, поблизости от его магического щита. Извлекая очередную прядь теневого шёлка из своего кармана, Мелегонт медленно поворачивался вокруг – как и предполагалось – обнаружив их, летящих со стороны солнца. Мелегонт позволил себе натянутую улыбку. Они были мудры, чтобы уважать его способности – гораздо мудрее, чем другие, более известные враги на

юге. Он бросил теневой шёлк в небо и произнёс одно из своих более мощных заклинаний. Целая четверть неба пролилась дождём теневых слёз. Вместо того чтобы скатываться, попадая на тело, эти капли, однако, цеплялись за всё, с чем соприкасались, вытягиваясь в длинные нити липкого чёрного волокна. В одно мгновение, целая стая людей-драконов была спутана в вязкие шары тьмы и стремительно направлялась в болото. Мелегонт наблюдал достаточно долго, чтобы убедиться, что ни одно из летучих созданий не выберется, потом обернулся посмотреть, как Болотные Орлы рвутся на бревенчатую дорогу позади него. Поглядывая через плечо, они проделывали охранные жесты, которые предназначались для того, чтобы остановить демона, но Мелегонта они только заставили почувствовать себя одиноким и непонятым. Сдерживая горький смех, он направился через болото к Бодвару, и ещё троим отважным воинам, ждавшим его на краю дороги.

- Я сожалею о твоих потерях, Бодвар. - сказал он – Я бы смог спасти больше, но ты многого мне не сказал.

- И многого не сказал нам ты. - ответил Бодвар. Он повернул тёмный меч Мелегонта рукоятью вперёд и протянул его магу – Моя благодарность.

Мелегонт отмахнулся от него.

- Оставь его. Я уже сказал, что редко им пользуюсь.

- Я помню, что ты сказал. - ответил Бодвар – Но только глупец принимает подарки от дьявола.

- Дьявола? - рявкнул Мелегонт – Значит, вот как ты оплачиваешь мне за доброжелательность - оскорблениями?

- Правда не является оскорблением. - сказал Бодвар – Мы видели то, что ты сделал.

- Это была просто магия. - запротестовал Мелегонт – Южная магия, и если ты не видел ничего подобного...

- А теперь ты оскорбляешь нас. - сказал Бодвар, продолжая протягивать меч – Возможно, мы и отстали здесь в Ваасе от многих вещей, но мудрость таковой не является.

Мелегонт было возобновил свой протест, но осознал, что дальнейшая ложь только ещё сильнее разозлит Бодвара, а о раскрытии правды о Теневом Плетении, конечно, не могло быть и речи. Если ему и удалось бы избежать мгновенной смерти, то он навсегда лишился бы тёмной силы, которая так поразила Ваасцев.

Когда Мелегонт больше не предпринял попыток спорить, Бодвар продолжил – Мы выполним нашу часть сделки. - Он кивком указал на трёх воинов стоявших с ним.

- Это проводники, которых я обещал. Они проводят тебя в любое место Ваасы, куда ты пожелаешь.

Мелегонт было начал говорить, что больше в них не нуждается, затем задумался над этими словами и улыбнулся. – Куда угодно?

Бодвар выглядел не уверенно, но кивнул и сказал – Такова была наша сделка.

- Хорошо. В таком случае я хочу, чтобы они сопровождали меня туда, куда бы ни направлялся клан Болотного Орла.

Мелегонт забрал свой меч и добавил – И никаких фокусов, Бодвар. Я уверен, мы оба знаем, что, бывает с теми, кто нечестно играет с дьяволами - не так ли?

*Хайервестайд, год Рва
В тени вершин Драконо-Людей*

Бодвар вернулся на остров, как и предполагал Мелегонт, в конце дня, когда солнце уже медленно тонуло за вершинами Пиков Драконо-Людей, а горные тени легли вдоль холодного болота. То, чего маг не знал, так это того, что вожак приведёт с собой жену, красавицу с волосами цвета тёмной ночи и глазами такими же голубыми как чистое небо. Она казалась немного худее в талии, чем в прошлый раз, когда Мелегонт видел её, хотя об этом было довольно трудно судить, глядя на женщин Ваасы – чья фигура, обычно растворялась под всеми теми мехами, что они носили.

Мелегонт наблюдал, как они прокладывали свой путь по зигзагообразной, каменистой дороге, пока шипение металла за его спиной не потребовало внимания. Он осмотрел небо, чтобы убедиться, что никакие летающие создания не пикируют вниз, создавая им проблемы, затем надел огромную кожаную перчатку и вытащил длинную, узкую форму из печи, огонь в которой он поддерживал в течение трёх дней. В форме, на прослойке из жидкого олова, плавал меч, очень похожий на тот, который он одолжил Бодвару, десять дней назад – за исключением того что этот всё ещё был расплавлен и сверкал от накала.

Мелегонт поместил меч на подставку из льда – заморозки рано приходили в эту часть мира – и дождался, пока форма охладится. Убедившись, что холод опустит раскалённые элементы в нижнюю часть, он начал укладывать волокна теневого шёлка на расплавленное стекло, стараясь расположить их сначала вдоль, затем диагонально во всех направлениях и снова диагонально, чтобы оружие было прочным и гибким во всех направлениях. Наконец он воспользовался своим кинжалом, чтобы в очередной раз порезать ладонь, капая тёплой кровью на смесь и тихо нащёптывая древние слова, придавая мечу его магическую жажду.

К тому времени как с этим было покончено, меч достаточно затвердел, чтобы он смог поднять его с формы, и погрузить в бочку с мутной водой, расположенную рядом с печью. Как только жар расплавил всю грязь, Мелегонт вытащил свой меч, положил его на подставку с раскалённым оловом другой стороной вниз и отправил форму обратно в печь. Таково было искусство тёмного клинка, нагревание и охлаждение по тысячи раз, покрытие тeneвым шёлком до тех пор, пока стекло не перестанет его принимать, и не начнёт сбрасывать как нечесаная собака.

Мягкий ботинок шаркнул о камень рядом с рабочей площадкой Мелегонты, затем Бодвар подал голос: – Я вижу ты всё ещё здесь, Тёмный Дьявол.

- Ты можешь судить об этом по дыму из моих печей. - ответил Мелегонт. Он опустил рукав своей накидки, чтобы спрятать порезы на руке, затем обернувшись, сердито посмотрел на вожака.

- Пришёл за мечом, да?

- Вряд ли. - сказал Бодвар. Он бросил беспокойный взгляд на девятнадцать мечей, выложенных на краю мастерской. Хотя, все они были уже закончены и

заточены, как бритва, они были бледнее, чем меч Мелегонта, с всё ещё просвечивающимися теньвыми волокнами в стекле. - Ты зря тратишь своё время.

- Разве? - Мелегонт деланно ухмыльнулся и добавил – Ну в таком случае, они будут здесь, когда понадобятся вам.

- Наша нужда никогда не будет столь велика.

Мелегонт не стал спорить, просто махнул рукой в сторону печи у себя за спиной и сказал – Это будет двадцатый. У тебя ведь осталось всего двадцать воинов, не так ли?

Вместо ответа, Бодвар, оглядел бардак, царивший на площадке, и покачал головой.

- Только дьявол может здесь жить в одиночестве. Это место продувается всеми ветрами.

- Это безопасное место для работы.

Мелегонт взглянул на молодую жену Бодвара и улыбнулся. Идона улыбнулась в ответ, но ничего не сказала. Хотя женщины Ваасы вряд ли были скромницами, он заметил, что большинство из них предпочитало хранить молчание в присутствии него.

Он снова посмотрел на Бодвара и сказал: – Болотные люди охраняют все подходы кроме одного, а драконо-людей легко обнаружить отсюда.

- Драконо-люди могут следить за тобой. - запротестовал Бодвар – А болотные люди, окружили тебя.

- Возможно, для Ваасцев это выглядит именно так. - Мелегонт опустил на колени и принялся подкладывать уголь в печь, из кучи, рядом за ней. – Лучший путь уничтожить врага, это вынудить его сражаться на своей территории.

Мелегонт потянулся рукой в перчатке к раскалённой, добела, кочерге, и Бодвар не думая попытался её схватить – потом вскрикнул от удивления, когда Мелегонт использовал волшебство, чтобы призвать инструмент к себе, уберегая того от ожога.

Идона захихикала, под смущенным, хотя и спокойным, взглядом, своего нахмурившегося мужа. Мелегонт покачал головой с наигранным раздражением от неуклюжести Бодвара, и она расхохоталась в полную силу.

- Вот видишь? - несерьёзно пожаловался Бодвар. – Вот что бывает, когда связываешься с дьяволами.

- Конечно мой муж, – сказала Идона – Этот бородатый, дышащий грязью жулик, постоянно спасает тебя от чего-нибудь.

- Как раз это, меня и беспокоит. - более серьёзным тоном сказал Бодвар.

Пытаясь не позволить подозрительной натуре Бодвара подорвать неожиданную открытость, выигранную у Идоны его юмором, Мелегонт поправил кочергой угли, а затем сменил тему.

- Кстати о дышащих грязью и спасении тебя, Бодвар, ты никогда не рассказывал, почему болотные люди и драконо-люди так яростно пытались истребить твоё племя.

- Пытались? - откликнулась Идона. – Они до сих пор пытаются. Ты думаешь, почему мы остаёмся в лагере по другую сторону той дороги? Если бы не ты...

- Идона! - резко сказал Бодвар.

Скрывая удовлетворение за сдержанной улыбкой, Мелегонт оттолкнул кочергу в сторону – она так и осталась парить в воздухе – и стал подбрасывать больше угля в огонь.

- Я просто рад быть полезен, - Мелегонт остановил свой взгляд на Бодваре и добавил – Но это всё ещё не ответ на мой вопрос.

Бодвар покраснел и ничего не сказал.

- Ты собираешься ответить ему, дорогой Муж, - ухмыляясь, спросила Идона. – Или это стоит сделать мне?

Чем больше Идона говорила, тем больше она нравилась Мелегонту.

- Как бы то не было, Идона. - сказал Мелегонт. – Я бы предпочёл услышать это от твоего...

- У меня была идея, - начал Бодвар – Я хотел построить форт.

- Форт? - спросил Мелегонт.

Он перестал подбрасывать уголь и встал.

- Для караванов с сокровищами. - сказала Идона, закатывая глаза. – На самом деле он предполагал, что иноземцы хорошо заплатят нам за возможность переночевать под крышей над головой.

- И чтобы получить охрану. - защищаясь, добавил Бодвар. – Когда мы на охоте, они всегда просят нас поделиться лагерем и огнём.

- Так они платят? - потребовала Идона.

- Конечно нет, кто будет платить за то, чтобы испачкать собственную палатку? - нахмурившись ответил Бодвар.

- Понятно. - Мелегонт заметил, что ему сложно скрывать удовольствие в своём голосе. По крайней мере, он нашёл что-то, что способно побудить Бодвара, принять помощь от «тёмного дьявола». – Но Болотные люди и драконо-люди охотятся на караваны, и, наверное, занимаются чем-то ещё?

Бодвар кивнул и сказал: – Драконо-люди разграбили наш первый форт, когда он был на половину завершён, а во время нашей попытки уйти на юг, в более защищённое место... ну ты сам видел что из этого вышло.

Идона взяла его за руку.

- Мы всё равно достаточно состоятельны. - сказала она. – Кто захочет жить на одном месте целый год? А что будет, когда двинется стадо?.

- В самом деле, что? - отстранённо спросил Мелегонт.

Он смотрел через его плечо, в сторону гранитной вершины, своего острова.

В ясный день, через всё болото, было возможно увидеть место, где заканчивалась бревенчатая дорога – или начиналась, если караван с сокровищами двигался со стороны гор. Если он мог видеть дорогу, то любой, кто находился на ней, мог видеть вершину острова.

- Мелегонт? - обратился к нему Бодвар.

Осознавая, что он не обращал внимания, Мелегонт оторвал свой взгляд от вершины и повернулся обратно к Бодвару.

- Извини, - сказал он. – О чём ты говорил?.

- Он приглашал тебя, присоединиться к нашему торжеству. - сказала Идона. – Сейчас Хайервестайд, на случай если ты потерял счёт времени.

- Это идея Идоны. - добавил Бодвар, хотя, его дружелюбный тон говорил о том, что он серьёзно не возражал. - Она предложила это, только из соображений вежливости.

- Это не больше того чем мы обязаны тебе. - добавила Идона хмурясь на Бодвара. – Принимая во внимание всё, что ты сделал для нас.

- Всё что я сделал для вас? - Мелегонт отмахнулся. – Это пустяки, но я действительно не могу к вам присоединиться. Возможно в следующий Хайервестайд.

- В *следующий* Хайервестайд?

Бодвар угрюмо посмотрел на печь, где лежал последний меч на подставке с шипящим оловом.

- Если ты собираешься присматривать за этим мечом, то ты можешь спокойно идти, потому, что...

- Это не меч. - сказал Мелегонт. – Меч будет готов к сумеркам. Я должен отдохнуть сегодня ночью. Завтра мне предстоит тяжёлый день.

- А потом ты уйдёшь? Если да, то прихвати свои мечи с собой, потому, что они будут только...

- Я не собираюсь уходить. - Мелегонту пришлось повернуться к гранитной вершине острова изо всех сил пытаясь сдержать улыбку. – Завтра я начну работу над своей башней.

- Башней? - повторила Идона.

- Да, - наконец взяв под контроль свои эмоции, Мелегонт обернулся. – Для наблюдения за караванами с сокровищами.

Но Мелегонт знал, что этой ночью ему будет не до отдыха. Он прочитал в тенях заката, что это будет тот вечер, когда клан Болотного Орла двинется на остров вместе с ним. Предсказания подтвердились вскоре после сумерек, когда одобренное медовухой празднество было прервано звоном сторожевого колокола. Мелегонт зажёл сигнальный маяк, который он приготовил для этого случая, затем направился к передней стороне рабочей площадки, чтобы оценить ситуацию. Облако белых фигур опускалось с вершин Драконо-Людей, их крылья отливали серебром в лунном свете, пока они пикировали по спирали к краю болота. Их маги уже бросали магические заряды и шары золотого пламени в Болотных Орлов, но оставшиеся воины заботились о предупреждении контратак, заслоняя магов от острова Мелегонта. Редкие очереди стрел начали взлетать в ночное небо со стороны лагеря Бодвара, падая вниз немного не долетая до своих целей.

Мелегонт распростёр свои руки и заколдовал над лагерем теневой туман, больше для того чтобы помешать Болотным Орлам напрасно тратить своё время и стрелы, чем остановить драконо-людей. Они до сих пор не забыли тот липкий дождь, который он наслал на них над бездонными болотами – половина из них завязла и потонула под слоем торфа – поэтому они предоставили туману простор, направляясь на предгорье, на дальней стороне лагеря.

Оставив Болотных Орлов отбиваться самостоятельно, он переключил своё внимание на то, что, по его мнению, должно было быть, второй частью плана драконо-людей и обнаружил группы болотных людей скользящих наверх, пытаясь перегородить каменистую дорогу, ведущую к нему. Женщины клана уже отважно рвались вперед, чтобы встретить их, Идона и несколько других женщин были

вооружены железными мечами и древесными топорами, но у большинства не было ничего смертоноснее заточенных копий и деревянных дубинок, настолько лёгких, что Мелегонт смог бы сломать их об колено.

- Остановитесь!

Ваасский язык Мелегонта достаточно вырос за прошедшие несколько месяцев, чтобы Идона правильно поняла его команду и призвала своих сестёр остановиться. Он указал на отверстие в центре теневой дороги и произнёс единственное магическое слово. Крутящееся колесо из чёрных щупалец вырвалось из дыры, и порубило болотных людей на тысячи кусочков скользкой плоти, а затем затянулось обратно в дыру.

- *Теперь* вы можете идти. - окрикнул их Мелегонт, используя магию, чтобы направить свой голос. – И приведите своих глупых мужей, или Хайервестайд будут праздновать только драконо-люди.

Идона в подтверждение подняла свой меч и отослала остальных женщин вперёд с детьми, затем ринулась обратно в укутанный тенью лагерь. Мелегонт с нетерпением ждал её возвращения. Казалось, это займёт целую вечность, и он боялся, что оставшиеся в живых болотные люди наберутся храбрости быстрее, чем ей удастся убедить своего мужа отступить на безопасный остров. Наконец по двое и по трое, воины, пошатываясь, стали выходить на каменистую дорогу, зачастую поддерживая, а иногда и неся друг друга. Поначалу Мелегонт подумал, что вечернее *веселье* просто проходило быстрее, чем он предполагал, но потом заметил, что у одного из мужчин нет руки, а у другого что-то болталось на уровне щеки, по-видимому, глаз.

Бодвар шёл последним рядом с Идоной, держащей охапку колчанов в одной руке и щит в другой, поочередно подавая стрелы своему мужу и загораживаясь от мерзких шипов, летящих в них, откуда – то из глубины лагеря. Мелегонт позволил им дойти, таким образом, до ближайшего крутого изгиба, затем произнося магические слова, указал на кривую расщелину в глыбе отделявшей дорогу от берега.

Стена слабо переплетающихся теней появились в разломе, перекрывая дорогу от лагеря Ваасцев. Бодвар и Идона повернулись и помчались в сторону острова, двигаясь столь быстро, что едва не пропустили следующий поворот. Только быстрые ноги Идоны – и ещё более быстрые руки – удержали Бодвара от падения с края и погружения в холодное болото. Следующий поворот они прошли осторожнее, затем достигли острова и присоединились к остальным.

К этому времени первая волна драконо-людей, низко летала вокруг да около теневой стены, по другую сторону каменистой дороги, оставаясь на небольшом расстоянии, пытаясь не стать мишенями. Это была большая ошибка. Как только они пролетели рядом, сплетающиеся тени бросились, словно змеи, оплетая всё, до чего дотягивались. Всё чего они касались, испарялось, и вскоре на берег и в болото пролился дождь из рук, ног, крыльев и даже голов.

Преследование драконо-людей резко остановилось, и женщины, и дети клана Болотного Орла хлынули на рабочую площадку. Мелегонт направил их в пустое убежище, которое он проделал за стеллажом с мечами. Когда он вернулся обратно к битве, щупальца из его невидимой стены бросились вперёд тремя отдельными

потоками, каждый из них, вращаясь, направлялся в сторону небольшого скопления драконо-людей парящих над деревней. Вращающиеся конусы расправились с завесой воинов также легко, как и с преследователями - мгновением раньше - затем погромсали заклинателей, которых те пытались заслонить.

- Попробуете рассеять *моё* волшебство, а? - Мелегонт крикнул на древне драконьем. – Идите сюда. У меня здесь есть больше подобных штучек!

Последние несколько драконо-людей утонули в тени и испарились. По началу, Мелегонт испугался, что он действительно отбил атаку настолько легко. Воины начали добираться до его мастерской и проверять свои семьи. Раздалось несколько истощных криков, полных боли, и тревожных окликов пропавших детей, но с помощью Мелегонта, Ваасцам удалось избежать больших потерь при своём отступлении. Трое воинов, чьи раны не позволяли сражаться дальше, были отданы лечащей колдунье клана, потом пришли Идона с Бодваром, оба тяжело дышащие, но целые и невредимые.

- Что же Дьявол, похоже, ты снова всех нас спас. - сказал Бодвар. – Нравится нам это или нет.

- Я живу, чтобы служить. - сказал Мелегонт, разведя руки в стороны.

Бодвар нахмурился и начал было резко отвечать, как кто-то завопил: - Чешуйчатые на востоке! И ещё и на западе! По меньшей мере, тридцать, летят низко над болотом!

Мелегонт метнулся к западному краю своей мастерской и увидел длинную линию драконо-людей приближающихся к острову, их белая чешуя сияла как слонобая кость, против тёмного торфа. Линия летящих обогнула остров сзади, судя по крикам за его спиной, и направилась к противоположной стороне. Клан Болотного Орла был окружён.

Стараясь сдерживать свою улыбку, Мелегонт обернулся к Бодвару и Идоне, стоящим позади него.

- Похоже, твоя вера в меня не оправдалась. - сказал Мелегонт. – Мои извинения, Бодвар.

- В этом нет необходимости. Я единственный кто наслал на нас это. - сказал Бодвар. Дрожащей рукой он указал в сторону приближающихся драконо-людей. – Просто сделай что можешь.

- Я сожалею, друг мой, но я не смогу сделать много. - Мелегонт говорил громко, чтобы убедиться, что ближайшим воинам уже собравшимся для подслушивания, их разговор будет отчётливо слышен. – Даже у меня есть предел.

- Предел? - прорычал Бодвар.

- Я не предполагал этого, моя магия практически исчерпана.

Тетивы затрещали по всему периметру мастерской, но их было немного, и наконечники стрел были слишком мягкими, чтобы развернуть драконо-людей.

Мелегонт вытащил свой чёрный меч, отошёл от края и сказал: - Но я всё ещё могу отлично себя проявить.

Как он и надеялся, вид меча поддержал вдохновение.

- Чёрные мечи! - закричала Идона, поворачиваясь в сторону стеллажа. – Они уравниют...

- Нет, - хотя это и было сказано спокойно, но голос Бодвара звучал на удивление властно и внушительно. – Из всех женщин племени, Идона, ты должна знать лучше. Подарок дьявола, не подарок вовсе.

Идона выглядела так, будто хотела заспорить, но её уважение к мужу – и к её предводителю – было слишком велико. Она прикусила язык и указала на скрытое убежище.

- В таком случае нам лучше отступить. - сказала она. – Пока у нас не осталось ничего, что можно защищать.

Бодвар отдал приказ, и драконо-люди были над ними, стремясь к мастерской со всех сторон. Они влетали прямо в центр, вонзая в своих ошеломлённых врагов копыта с железными наконечниками и полагаясь на свой размер и скорость в достижении цели.

Полдюжины человеческих голосов закричали от боли в первые несколько мгновений, затем вторая волна обрушилась с вершины острова, и становилось ясно, что у Ваасцев нет ни малейшего шанса. Когда им удавалось сдерживать удары, их хрупкие оружия отскакивали или ломались о толстую чешую драконо-людей.

Ваасцы всё ещё сражались довольно отважно, упорядоченно отскакивая назад в сторону убежища за стеллажом, защищали друг друга и атаковали в глаза, подмышки и другие уязвимые места противника, если предоставлялась такая возможность.

И Мелегонт быстро втянулся в сражение. Защищённый аурой непроницаемой тени и вооруженный мечом, способным разрубить любую броню, существующую в Фаэруне, он, вращаясь, пронёсся через ряды драконо-людей, отрубая то ноги, то рогатые головы, увертываясь от копий и когтей с ловкостью Мастера Меча дроу.

Одному из огромных ящеров удалось зажать его сзади в медвежьем объятии, оторвав от земли и блокируя руки так, что было невозможно воспользоваться мечом. Возможно, планируя отнести и сбросить его навстречу смерти в болото, существо расправило свои крылья и взмыло в воздух. Мелегонт ударил атакующего затылком в нос, сплющив его и вгоняя костные рога прямо в мозг существа. Когда он приземлился обратно, остальные драконо-люди, спотыкаясь друг о друга, отправились искать другую жертву.

Затем это произошло.

Тройка драконо-людей обнаружила скрытое убежище и, разбросав в стороны, своими мощными крыльями пару защитников, ринулись к детям. Первый воин поднялся на ноги и бросился вслед за ними, разбивая свой хрупкий меч о толстый череп рептилии.

Другой Ваасец схватил один из стеклянных мечей Мелегонта. Он выбил ноги из под первого драконо-человека, затем с развороту раскрошил позвоночник второго и сзади вогнал клинок в сердце третьего. Как только последний ящер упал на колени, воин открыл рот, мучительно пытаясь вздохнуть. Он попятился назад, хватаясь за сердце, а одна из женщин, находившихся в убежище, отчаянно закричала его имя. Но он не упал. Вместо этого его волосы и борода стали белыми как снег. Загар отлил от лица, и кожа стала такой же бледной как слоновая кость, глаза стали такими же чёрными и безжизненными как у болотных людей, а меч в его руке потерял свою

прозрачность. Он был таким же чёрным и блестящим как у Мелегонта, без единого намека на пряди теневого шёлка закованные внутри.

Драконо-человек отпрянул от дикого вращения, нанося удар в сердце воина деревянным копьём. Ваасец взмахнул своим мечом, блокируя удар, разрубая древко, будто это была простая ветка, затем холодно улыбнулся и, рубанув противника поперёк груди, отправился искать новых жертв.

Его успех вдохновил схватить один из мечей другого воина и женщину, защищавшую своих детей от драконо-людей. Они убили первых врагов и подверглись такой же трансформации, как и первый воин, схвативший меч, и тоже отправились прорубать дорогу среди рядов, атакующих ящеров. Дюжина драконо-людей взметнулась в воздух, направляясь к стеллажу со смертоносным оружием. Они были встречены равным количеством Ваасцев, выхвативших с подставок мечи и пустивших их в дело.

Бодвар подошёл к Мелегонту, и чуть было не лишился руки, по ошибке схватив без предупреждения плечо мага.

- Останови их!

- Как? - спросил Мелегонт. Он заметил трепещущееся крыло над своим плечом, затем отрубил его, нанеся противнику резкий удар. – Это их выбор. Им лучше остаться в живых, чем умереть.

- Но не жить в твоей власти! - возразил Бодвар. – Ты подстроил это!

- Не подстроил. - ответил Мелегонт. Он указал ладонью рядом с головой разъярённого Ваасца, и поразил потенциального противника тeneвым зарядом. – Ты очень щедро расплатился за свой долг.

- А ты нет. - сказал Бодвар. Ваасец подошёл ближе, и Мелегонт почувствовал, как кончик меча упёрся ему в спину. – Освободи мой клан.

Мелегонт сердито посмотрел на вожака и сказал: – В данный момент у тебя есть враги похуже меня.

Полагаясь на свой теневой доспех, он шагнул назад и свободной рукой ударил по железному мечу: – Если хочешь освободить их, сделай это сам. Всё что тебе нужно сделать, это убедить их оставить мечи.

Мелегонт оттолкнул вожака и вернулся обратно к битве. Казалось что Ваасцы, в большинстве, вооружённые стеклянными мечами, держали ситуацию под контролем. Драконо-люди вытеснялись из убежища, и даже когда они предпринимали попытку, используя крылья перелететь защитников, их встречал шквал мерцающей тени. Наконец они сдались и улетели – по крайней мере, кто смог. Но дюжины ящеров со сломанными или разрезанными крыльями, которые уже не могли поднять их в воздух, оставались вокруг, всё ещё в состоянии сражаться и достаточно разъяренные, чтобы делать это хорошо. Ваасцы быстро принялись разбираться с ними, сбивая их в плотный круг и тесня к обрыву на восточной стороне площадки. Видя, что остался лишь один меч, Мелегонт оставил их разбираться самостоятельно, тихо подошёл к стеллажу и засунул последний меч в пустые ножны – как раз в этот момент Бодвар снова решил выступить с призывом.

- Мои воины, посмотрите друг на друга! - призывал он. – Видите, что сделало с вами дьявольское оружие Мелегонта?

Мелегонт вздохнул и в смирении покачал головой. Если бы Бодвар не был таким упёртым и уверенным в себе, подумал маг, он вряд ли стоил бы всех этих трудностей. Он обернулся, чтобы видеть как вожак и его преданная жена стоят позади своих воинов, Идону держащую завёрнутую в накидку охапку железных мечей, которые Бодвар не слишком успешно пытался вложить в руки своих соплеменников.

- Закончите сражение своим собственным оружием! - сказал он.

Один из взявших меч, Мелегонт подумал, что первый, нахмурился.

- Зачем нам это делать? - он поднял свой тёмный меч и сказал. – Эти гораздо лучше.

- Лучше?

Бодвар бросился к мечу – и был опрокинут на землю мощным ударом локтя в лицо.

- Этот принадлежит мне. - сказал воин.

- В самом деле? - Идона швырнула охапку железных мечей на землю. – Или это ты принадлежишь ему?

Она посмотрела через плечо, и от её взгляда у Мелегонта по спине пробежал холодок, затем ухватила своего мужа под руки.

- Пойдём, Бодвар. - она подняла его на ноги и развернулась, собираясь уходить. – Мы больше не Болотные Орлы.

- Уходите? - выдохнул воин, который ударил Бодвара. Он на мгновение посмотрел на свой тёмный меч, а когда недовольный шёпот среди его товарищей стал расти, опустил оружие. – Подождите.

Мелегонт выругался на Идону за этот неблагодарный ход, и, собираясь с мыслями, чтобы как-то решить эту ситуацию, двинулся вперёд. Как обычно теми, кто спас его были драконо-люди. Все как один они ринулись на отвлечённых Ваасцев. В один миг пали первый взявший меч и другой воин, а площадка разразилась вихрем насилия ещё более беспорядочным и яростным чем первый. Мелегонт увидел, как пара ящеров метнулась в сторону Бодвара, и сразил первого тeneвым зарядом, но второй был слишком быстр. Он на ходу перекинул вожака через себя и набросился на Идону, затем полдюжины других схваток отделили молодую жену вожака от Мелегонта, и он потерял её из виду.

Мелегонт ринулся, вперёд размахивая мечом и сея тень, но бой оказался столь же безумен и беспорядочен, как и быстр. Перед тем, как он снова смог найти Бодвара, ему пришлось убить двоих драконо-людей и использовать заклинание теневой хватки, чтобы не разбиться о скалы у основания собственного утёса. Найдя вожака, он пожалел о том, что ему так ловко удалось спастись. Бодвар стоял посреди кровавой груды из Ваасцев и драконо-людей, держа в руках два сломанных железных меча и осматривая место побоища взглядом полным ужаса.

- Идона?

Бодвар увидел дёргающуюся, под мёртвым драконо-человеком, женскую ногу, и ботинком откатил труп в сторону, но оказалось, что нога принадлежала другой женщине.

Он, молча, отвернулся от неё и снова позвал. – Идона?

- Там. - прохрипел кто-то. – Они схватили её.

Мелегонт обернулся в сторону говорящего, и увидел бледного воина, указывающего взятым мечом через всю площадку на кучку улетающих драконо – людей. Они только начинали спускаться к каменистой дороге, каждый из них с безвольно висящим телом Ваасца, перекинутым через плечо. Последним, было тело молодой жены Бодвара, её горло было вспорото, и голова болталась только на позвоночнике, а взгляд её глаз каким-то образом застыл на лице Мелегонта.

- Нет! - выдохнул Мелегонт. Он положил руку на плечо Бодвара. – Мне очень жаль Бодвар, сильнее всяких слов.

- Почему? Ты получил то, зачем пришёл. - сказал Бодвар. Он потянулся к ножнам Мелегонта и достал последний меч, затем погнался за драконо-людьми, чтобы отбить тело, своей мёртвой жены. – Ты получил свои двадцать душ.

КРОВАВЫЙ СПОРТ

Кристи Голден

Впервые опубликован в Антологии "Королевства Злодеяний" под редакцией Джеймса Лоудера, в декабре 1994 г.

Ты просто не можешь быть хорошим вампиром.

Эльф вампир Джандер Санстар впервые появился в романе «Вампир Туманов», а позже в рассказах «Один хороший вкус», «Тихое место» и в «Кровавом спорте».

Даже несмотря на то, что «Вампир Туманов» уже много лет не печатается, я по крайней мере раз в неделю до сих пор получаю электронную почту о нем. Он, вероятно, самый известный персонаж, которого я когда-либо создавала, и очень дорог моему сердцу.

«Кровавый спорт» - это рассказ не столько о Джандере и его доброте, сколько о том, что сострадание может сделать кому-то, чья самооценка основана на силе, жестокости и ненависти.

Сцена финального противостояния на каменном монументе в снежную ночь, была сравнима с фильмами Тима Бёртона, и момент, когда Акула понимает, кто настоящий злодей, является одной из самых мощных сцен, которые я когда-либо писала.

Я горжусь тем, что одна из моих историй считается достойной включения в эту Антологию.

-Кристи Голден, март 2003 г.

— Как я понимаю, ты привыкла находиться по другую сторону этих железных прутьев, — сказала женщина, которую называли Акулой. Холодными черными глазами смотрела она через зарешеченное окно тюремной камеры Мистльдэйла. — Ведь ты была капитаном Наездников, да? Тебя называли Ринн «Законопослушной»,

верно? Ну да, это было до того, как ты предала тех людей, которых поклялась защищать.

Заключенная Ринн, лунный эльф с иссиня-черными волосами, не ответила. Только стиснутые руки, тонкие руки в железных наручниках, выдавали ее напряжение.

Акула открыла дверь ключом, который дал ей новый капитан Наездников. Высокая, мускулистая, небрежно прислонилась она к холодной каменной стене камеры. Взгляд эльфийской женщины стал враждебнее, хотя она отчаянно дрожала. На загорелом лице Акулы появилась злобная улыбка. Ее функциональная мужская одежда — шерстяная туника, брюки и плащ — хорошо согревала ее даже в середине месяца Молота. На Ринн Ориандис была только поношенная туника, которую до нее носили десятки арестантов. Ее кожа, бледная, как у тех, за кем приглашали охотиться Акулу, была покрыта мурашками.

Акула опустила на колени, ее лицо оказалось в дюйме от лица Ринн.

— Все выплыло наружу, Ринн. Я хочу этого вампира.

— Меня не волнует, какую ложь тебе наговорили. Он заслуживал, чтобы его отпустили.

— Ах, вы, эльфы, защищаете друг друга, так? — Губы Акулы изогнулись в усмешке. — Я еще никогда не слышала об эльфе-вампире. Мне не терпится с ним повстречаться.

— Раса тут не при чем...

— Раса тут при всем! — оборвала ее Акула. — Во всяком случае, в том, что касается твоего поведения. Ты забыла только одно: это существо больше *не* эльф и потому не заслуживает твоего дурацкого покровительства. Он — вампир. Они — твари чистого зла. Они не знают расы, и единственное, чего они «заслуживают» — кол в сердце. Дай мне информацию, которую я хочу, или же я просто заберу ее у тебя.

Глаза Ринн остались твердыми.

— Пробуй меня как хочешь. Я не сломаюсь.

— А я не была бы в этом так уверена. Меня называют Акулой, потому что я — охотница за хищниками. Я сражалась с двадцатью двумя вампирами и бесчисленным множеством людей, и я каждый раз убивала. — В ее словах прозвучала гордость. — А теперь — она быстрым движением вцепилась Ринн в волосы — помоги мне, и ты сохранишь свой разум и, возможно, получишь свободу. Сражайся со мной — она сжала руку, и Ринн слегка охнула — и у тебя не будет ни того, ни другого.

Акула прочитала заклинание, пальцы с твердыми ногтями впились Ринн в голову. Ринн выгнулась от боли, зазвенели наручники, но сопротивляться она не могла. Акула вскрыла разум эльфийской женщины.

Чувства этой женщины были, очевидно, смущены волшебным очарованием вампира, потому что она видела в нем существо доброе и прекрасное, а вовсе не чудовище, которым он был на самом деле. Акуле уже случалось подобным образом читать разумы других, и всегда в памяти жертвы кровопийца оказывался просто святым. Акула сосредоточилась на внешности эльфа, его имени, его цели, а Ринн изо всех сил пыталась скрыть эту информацию. В ослабленном своем состоянии Ринн не смогла вынести ментальное вторжение. Рот ее открылся в беззвучном крике, и она потеряла сознание.

Ей повезло больше, чем она думает, подумала Акула; если бы она сопротивлялась и дальше, попытка защитить вампира уничтожила бы ее разум.

Торжествующая Акула отпустила Ринн. Следуя минутной прихоти, она швырнула на пол рядом с эльфийской женщиной ключи. Может быть, Ринн придет в себя и освободится раньше, чем ее тюремщики это поймут. Может быть, она сумеет бежать. Может быть, ее убьют. Это не имеет значения. Акула накинула на голову капюшон и исчезла благодаря волшебству, заключенному в плаще. Спокойно вышла она из маленькой тюрьмы и прошла мимо двух стражников. Ее лошадь ждала за тюрьмой, там, где стражники ее не видели. Акула бесшумно села на лошадь и направилась к единственным воротам Мистльдэйла. Снег заглушил стук подков. Идиоты-стражники у ворот ничего не заметили.

В соответствии с тем, что удалось узнать у Ринн, чудовище хотело вернуться в Эвермит, на родину эльфов. Акула презрительно фыркнула. Этот кровосос что, действительно думал, что он сможет пересечь *воду*? Нет, ему придется остаться на Побережье Меча. Скорее всего, он в Глубоководье. Он уже опередил ее на три месяца. Чтобы догнать его, ей придется гнать изо всех сил.

Акула повернула лошадь на запад, в сторону города, известного как «Город роскоши», и яростно прищипорила животное.

Охота началась.

Из «Головы Орка» неслась веселая песня. Акула, в женской одежде выглядевшая обманчиво хрупкой, вошла в шумную таверну. Страхивая снег с плаща, она оглядела веселую, слегка пьяную толпу и спокойно прошла к столику в уголке. Кровососа здесь пока не было, но она наводила справки, и ее заверили, что сегодня вечером он непременно придет.

Как только Акула села за столик, хорошенькая молодая официантка поставила перед ней пенящуюся кружку эля. Девушка была невысокой, но с округлой фигуркой и чудесными золотыми волосами.

— За счет заведения, — объяснила официантка. — Шаллен Ласкул — девушка кивнула на необыкновенно красивого юношу, окруженного веселыми приятелями — женится завтра. Он угощает всех в память о своем потерянном холостячестве.

— Ну что ж, за Шаллена и его невесту. Он, похоже, популярный молодой человек, — заметила Акула, надеясь втянуть официантку в разговор. Возможно, этот Шаллен знаком с кровососом.

— О, да. Очень дружелюбный. И талантливый. Говорят, что он делает самые симпатичные безделушки по эту сторону от Эвермита.

— Но он ведь и сам симпатичная безделушка, правда? — пошутила Акула. Не успела девушка открыть рот, как распахнулась дверь, и глаза официантки вспыхнули радостью. Акула проследила за ее взглядом — и ее собственные глаза вспыхнули возбуждением.

Появился стройный эльф с большой корзиной в руках. Нажал на дверь, чтобы закрыть ее за собой. На нем поверх голубой туники был серый плащ, но волосы его были непокрыты — блестящие, присыпанные снегом пшенично-золотые волосы до

плеч. Откиннутый капюшон плаща не скрывал красивые черты и бронзовую кожу. Его глаза оглядели таверну с тонким вниманием, которое Акула узнала. Серебряный взгляд на секунду задержался на ней — и оставил ее.

Вот он, ее эльфийский вампир.

Она внимательно смотрела, как он изящной походкой подошел к свободному месту около двери и поставил свою корзину. И тут его заметил Шаллен.

— Ах, вот и вы! — счастливо вскричал молодой человек, высвобождаясь из толпы менее внимательных собеседников. — Кирра приказала мне уговорить вас непременно прийти завтра на свадьбу.

— Боюсь, не смогу, — ответил эльф. Жители Мистльдэйла не преувеличивали, когда описывали голос кровососа как нежный, подобный музыке. — Но вот это, возможно, сгладит горечь моего отказа.

Небольшим кинжалом он разрезал веревку на корзине и вытащил небольшую статую. Вырезанная из мягкой сосны, фигурка была не больше восьми дюймов высотой, но, как только эльф вытащил ее на свет, все глаза обернулись к нему и его работе.

На золотой его ладони стояла миниатюрная Ллийра, Наша Госпожа Радости. Она танцевала в откровенном веселье, ее длинные волосы развевались, сливаясь с кружащимся платьем. Одна рука была поднята и повернута ладонью вверх, а вторая обвивалась вокруг тела, следуя складкам одежды.

— Ее рука пуста, но вот здесь есть небольшая полость, — указал эльф. — Положи сюда какой-нибудь драгоценный камень, имеющий значение для вас с Киррой. Наша Госпожа Радости завтра будет присутствовать у вас на свадьбе вместо меня.

Голубые глаза Шаллена изумленно распахнулись, в них поблескивали слезы. Акула прищурилась. Как же легко было обмануть их всех — Ринн, Шаллена, и, возможно, эту маленькую официанточку, судя по тому, как рада была она приходу эльфа. Этот дар, как и вампир, который его сделал, был прекрасен, но, безусловно, очень опасен.

— Спасибо. Я... — У Шаллена перехватило горло, и он обернулся к стойке, смущенный своими чувствами.

— Слишком много выпил, — договорил за него приятель. Неловкое мгновение разрешилось смехом, и музыканты снова заиграли свою мелодию. Музыка была достаточно громкой, чтобы заглушить почти все разговоры в таверне, но Акула была готова подслушивать. Она опустила подбородок на ладонь, словно заслушавшись пения. При этом она поднесла к уху крохотный, великолепно выполненный рог — его легко было спрятать в ее черных пышных волосах. Она прошептала заклинание и отчетливо услышала голос официантки.

— Это, должно быть, заняло несколько месяцев! Что такого Шаллен сделал для вас, что вы дарите ему такую чудесную вещь?

Эльф оглянулся на ювелира.

— Он носит свою юность и счастье, словно красивое одеяние, не скрывает их и щедро делится со всеми. Это немало, Майя. А когда ты будешь выходить замуж, я подарю тебе и твоему мужу что-нибудь еще более красивое. Обещаю.

Майя ответила неуверенным смешком.

— Не знаю, будет ли у меня когда-нибудь муж.

Худенькими нервными руками девушка указала на свое тело, слишком зрелое для скромности, и на красивое лицо с выражением слишком жестким для невинности.

— Большинство мужчин предпочитают незанятую территорию, господин Джандер, а я больше похожа на их собственный задний двор.

Вампир накрыл рукой ее внезапно задрожавшие руки и ласково сказал:

— Ты уже говорила мне нечто подобное полгода назад, когда я нашел тебя в Городе Мертвых. Я тогда сказал тебе, что твое прошлое необязательно должно разрушать твое будущее. И я оказался прав — Курнин сразу же взял тебя на работу, верно?

На ее полных губах заиграла неуверенная улыбка.

— Да, — признала она. — Но, господин Джандер, никто из этих людей не знает, что я такое! — ее голос превратился в еле слышный шепот.

Дразнящее выражение лица эльфа сменилось суровым.

— Ты неправа, Майя. Они знают, что ты такое. Они не знают, чем ты *была*, а это больше не имеет никакого значения.

— Вы так думаете?

— Я знаю.

Как и Шаллен мгновение назад, Майя, казалось, вот-вот разрыдается. Она сморгнула слезы и позволила себе улыбнуться по-настоящему. Суровая маска исчезла, и на лице ее вспыхнула чистая, подлинная красота.

— Вы очаруете и птичек на ветках! — рассмеялась она, пытаясь разогнать мрачное настроение.

Как он, очевидно, очаровал тебя, подумала Акула с легким презрением. Очаровал, чтобы ты стала его следующим обедом.

Майя отправилась наполнять кружки празднующих, а эльф занялся своими делами. Он осторожно вытащил из корзины по меньшей мере дюжину небольших резных скульптур, перевернул корзину и расстелил на импровизированном столе свой плащ.

Сердце Акулы забилося сильнее в предвкушении. То, что она собиралась сделать, было рискованно, но это была часть смертоносной игры, которую она любила, игры, которая была ей необходима. Она встала и отправилась знакомиться со своей жертвой.

Вампир поднял голову, заметив, что на него упала тень. Акула заметила — словно бы ей нужны были дальнейшие доказательства — что неупокоенный в мигающем свете светильников сам не отбрасывал тени.

— Ваша работа впечатляет. — Она спокойно встретила взгляд серых глаз вампира. Пока что ни один кровосос не сумел ее зачаровать, но ей нравилась флиртовать с возможной опасностью. К ее разочарованию, этот золотой вампир даже не попытался. Он просто продолжал расставлять фигурки на корзине.

— Благодарю вас.

— У вас свой магазинчик в Глубоководье?

— Я предпочитаю работать днем, а вечерами торговать в тавернах.

Еще бы, заметила про себя Акула. Она провела пальцем вдоль палубы крохотного, с невероятными подробностями сделанного эльфийского кораблика.

— Промочив глотки, люди охотнее расстанутся со своими деньгами, как я понимаю?

Он вежливо улыбнулся.

— Возможно. Вам нравится эта фигурка?

— Да, но у меня сейчас с собой недостаточно денег, — ответила Акула, притворившись разочарованной. — Нельзя ли мне завтра прийти к вам домой и купить ее?

— Я предпочитаю одиночество, когда работаю, — ответил вампир чуть-чуть торопливо. — Я вернусь сюда завтра вечером. Мне оставить ее для вас?

— Завтра вечером я занята, но я пришлю за ней одну из моих служанок. Кого ей спрашивать?

— Джандер Санстар, — ответил эльф. — А вы?

— Шакира Казаар. Спасибо, что согласились оставить для меня фигурку.

— Обычная деловая практика. Я не хотел бы потерять выгодную сделку, — ответил Джандер.

В этих серебряных глазах было странное выражение, и Акула почувствовала легкую тревогу. Она что-то сделала не так. Где-то она была неосторожна. Эта мысль была для нее как пощечина. Она улыбнулась, надеясь усыпить его подозрения, и почувствовала облегчение, когда он в ответ безыскусно, очевидно искренне улыбнулся — так же, как он на ее глазах улыбался другим, своим «друзьям». И все же, уходя, она чувствовала спиной его взгляд.

Выйдя из таверны, Акула перешла улицу и скользнула в аллею. Удостоверившись, что за ней не следят, она натянула на голову капюшон своего плаща. Сотканный и зачарованный ее собственными руками много лет назад, этот плащ не только делал ее невидимой, но и скрывал ауру, создаваемую теплом тела — нечто, что могут видеть вампиры. Ветер, усыпанный снегом, был силен, но она шла так, чтобы он дул прямо ей в лицо. Хотя теперь она была невидима и для людей, и для вампиров, она не хотела рисковать быть обнаруженной по запаху.

Ждать ей пришлось недолго. Скоро гостиница закрылась, и появился вампир. С ним была официантка Майя. Осторожно, бесшумно Акула направилась следом за ними. Она заметила, что Джандер нарочно оставляет следы в снегу, поддерживая иллюзию, что он всего лишь обыкновенный эльф. Слишком много кровососов, привыкших ходить, не оставляя следов, забывали об этой мелкой детали.

Майя и вампир тихонько беседовали, пока он провожал девушку до дома — до небольшой комнатки в двухэтажном здании над магазином портного. Акула ждала неизбежного. Глупая девчонка, загипнотизированная этим существом, непременно пригласит его зайти к ней. Ну конечно, он согласится, а там уж напьется досыта. Так происходило всегда, и Акула никогда не вмешивалась. Она усвоила после одного особенно неприятного случая в Сюзейле, что не слишком мудро беспокоить питающегося вампира.

Ее ожидания оправдались. Майя пригласила вампира войти — привычно, словно часто так делала. Кровосос вежливо согласился. Акула ждала с привычным терпением, не обращая внимания на холод. В конце концов вампир вышел,

спустился по лестнице и пошел вдоль улицы — по-прежнему не забывая оставлять следы. Охотница отправилась следом, слегка озадаченная. Вместо того, чтобы принять облик летучей мыши или расплыться туманом, Джандер предпочел остаться в облике эльфа и просто пойти пешком. Но он казался напряженным и часто оглядывался через плечо.

Внезапно она поняла: он думает, что за ним кто-то следит. Откуда он знает?

Акула снова стала припоминать встречу в гостинице и наконец поняла, почему у кровососа возникли подозрения. Она не спросила о цене фигурки. Стыд и страх обрушились на нее, горячая кровь прилила к невидимому лицу. Идиотка! беззвучно закричал ее разум. Как она могла так глупо проколоться? Ее неосторожность могла бы стоить ей жизни — и все еще может. В этот момент Джандер остановился и мгновение смотрел прямо на нее. Сердце Акулы замерло... Но нет, он ее не увидел. Кровосос повернулся и отправился дальше.

Наконец он остановился у маленького каменного особняка на окраине города. И только когда Джандер вытащил ключ и отпер дверь, Акула с некоторым удивлением поняла, что это и есть дом вампира. Деревянная притолока и дверь были крепкими и в хорошем состоянии. Под заколоченными окнами стояли зимние скелеты розовых кустов, высаженные ровными рядами, тщательно подстриженные и укутанные. В последний раз встревоженно оглядев улицу, Джандер аккуратно стряхнул снег с ботинок и вошел внутрь.

Акула почувствовала вкус разочарования, словно пепел во рту. Какой интерес иметь дело с вампиром, который выращивает *розовые кусты*? Какой азарт в сражении против такого слабого врага? Она-то думала, что нечто столь экзотическое, как эльф-вампир, должно было потребовать весь ее опыт без остатка, весь ум и все способности! Она почти собралась прямо сейчас войти внутрь и разделаться с этим существом — у нее было ощущение, что у нее при этом даже испарины не появится — но недавняя неосторожность удержала ее от этого шага. Завтра она придет и убьет его. Конечно, это нетрудно, но все же необходимо разработать запасной план — просто на случай, если что-нибудь пойдет не так.

С последним разочарованно-презрительным взглядом на уютный особнячок, служивший домом вампиру, она отправилась обратно в центр города. Этой ночью ей предстояло сделать еще одно дело.

Защищенная ото всех взглядов своим волшебным плащом, Акула пришла к особняку вампира на следующий день. Дом вампира был частью небольшого ряда домов, в которых, похоже, никого в это время не было: свадьба Шаллена Ласкула на другом конце города действительно собрала кучу народу. Акула быстро и умело вскрыла замок и проскользнула внутрь. Закрыв за собой дверь, она постояла, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте, и огляделась.

На этом, нижнем этаже двухэтажного здания, она не увидела ничего зловещего, кроме наглухо заколоченных ставен да тщательно законопаченных щелей. Там был большой верстак, на котором были аккуратно разложены инструменты для резки по дереву. На полках терпеливо стояли незаконченные деревянные скульптуры. Там,

где не было полок, на стенах были красивые рисунки или гобелены. В одном углу хранились тщательно смазанные кольчуга, меч и щит. Без сомнения, реликвии тех времен, когда вампир был живым существом. Каменный пол был посыпан свежими опилками. Из-за занавеси у дальней стены доносился слабый писк. Акула осторожно подошла к занавеси и отодвинула ее.

В большой клетке по полу кружили десятки крыс. Несколько мгновений она внимательно смотрела на них, зная, что иногда вампиры контролируют таких простых животных, но крысы вели себя вполне обычно. Сморщив нос от запаха, она отпустила занавесь.

— Закуска, — негромко сказала она. Большинство вампиров держало у себя под рукой нечто подобное.

Она искала в деревянном полу спрятанные люки, но не нашла. Озадаченная Акула нахмурилась и взглянула на лестницу, которая вела на второй этаж. Большинство неупокоенных предпочитали прохладные, темные логова, подземные, если возможно. Акула пожала плечами. Наверху, внизу — для нее значения не имело. Она бесшумно поднялась на несколько ступенек, осторожно подняла голову и чуть не вскрикнула от удивления.

У этого вампира не было гроба. И он не лежал вытянувшись, с аккуратно сложенными на груди руками. Он спал, распростершись на полу, руки и ноги его были согнуты под неестественными углами. Прекрасные черты, улыбавшиеся прошлой ночью в свете светильников, были искажены чем-то вроде страха. На мгновение Акула заколебалась. Она еще никогда не видела, чтобы кровосос спал в таком положении. Может быть, она ошиблась?

Нет, решила она в следующее мгновение. Она никогда еще не ошибалась в том, что касалось кровососов. Она бесшумно поднялась по лестнице и осторожно подошла к Джандеру. Грудь его не шевелилась. Он, безусловно, был мертв — но почему такое положение? Потом до нее дошло. Кровососы спят в той же позе, в какой умерли, а большинство из них было положено в гроб и похоронено. Джандер Солнечная Звезда, очевидно, встретил свою вампирскую судьбу менее спокойным образом и не удостоился положенного погребального ритуала.

Она наклонилась вперед, чтобы получше разглядеть его, и капюшон упал ей на глаза. Она раздраженно сбросила капюшон на плечи, немедленно став видимой. Это не имело значения. Джандер, как и все кровососы, которых она убивала, был беззащитен, не только сражаться — двигаться-то не мог в дневное время. Он тоже умрет. Единственное, что ее сейчас занимало — как она его убьет. Ее сильные руки скользнули по широкому поясу, где она держала свои инструменты. Скорченное положение Джандера не давало ей возможности выстрелить наверняка из ее любимого оружия — маленького, специально сделанного арбалета, с которым можно было справиться одной рукой. Придется обойтись традиционными инструментами — колом и молотком.

Слегка повернув неупокоенное тело, она приставила конец заостренного кола к его груди. Она подняла молоток и произнесла слова, которые всегда произносила, прежде чем убить:

— Акула посылает тебя в Девять Преисподних.

Потом разочарованным тоном произнесла:

— Это было слишком легко.

Золотистая рука схватила ее за левое запястье. На нее взглянули серебряные глаза.

— Не так-то легко, — ответил вампир.

Акула оправилась от потрясения почти мгновенно. Быстрым движением запястья она высвободила из рукава маленький стеклянный шарик. Внутри аккуратно выдутый шарик плескалась жидкость — святая вода. Она швырнула шарик вампиру в лицо, но он был невероятно быстр. Отпустив ее руку, собственной рукой он моментально заслонил лицо. Стеклянный шарик разбился, но, вместо того, чтобы обжечь его глаза, освященная вода обожгла ему пальцы.

Пока чудовище не расплылось туманом и не сбежало, Акула отскочила, вытащила из мешка за спиной арбалет, прицелилась и выстрелила. Гладкая деревянная стрела глубоко вошла вампиру в грудь. Его тело немедленно начало усыхать; плоть ссохлась и из золотой стала темно-коричневой. Вздрагивая, он упал на колени на деревянный пол. Акула внимательно смотрела, наслаждаясь болью этого существа. Она не ожидала, что вампир сохранит столько от своей прежней расы, что сможет двигаться днем. Но она его достала, несмотря на...

Золотые руки сомкнулись на стреле, и Акула поняла, что, хотя деревянная стрела и ударила Джандера в грудь, а может быть, даже вонзилась в сердце, она не проткнула этот важнейший для вампира орган насквозь. Могучим рывком Джандер вырвал стрелу. Золотая окраска моментально вернулась к нему, и черты приняли свою обычную форму — но вот мягкости в его лице уже не было.

Акула рванулась к лестнице, Джандер в ярости бросился за ней. Она не смогла справиться с ним здесь, сейчас, и сосредоточилась на том, чтобы спасти собственную шкуру. За спиной она услышала жуткое рычание и поняла, что он принял облик волка. Она отпустила перила и скатилась по ступенькам на первый этаж, но острые зубы клацнули в нескольких дюймах от ее пальцев.

Она докатилась до пола, вскочила и побежала прочь от лестницы. Сунув левую руку в одну из сумочек на поясе, она достала липкую смесь экскрементов летучей мыши и серы.

— На двенадцать футов впереди, в трех футах от пола! — приказала она и указательным пальцем правой руки указала на дальнюю стену особнячка.

На кончике пальца у нее появился маленький огненный шарик и полетел к дальней стене, по пути разрастаясь. Врезавшись в стену, он взорвался и поджег множество прекрасных работ Джандера. В особнячок ворвался солнечный свет, и Акула головой вперед прыгнула в пролом.

Несмотря на толстый слой снега, упала она тяжело, и удар выбил воздух у нее из легких. На одно дикое мгновение она подумала, а может, этот вампир, вдобавок к способности двигаться днем, еще и не боится солнечного света. Но Джандер не последовал за ней.

Акула перекатилась на спину, задыхаясь. Наконец она поднялась на ноги и посмотрела на дыру в стене. Его, конечно, не было видно; он прятался от обжигающего света. Она порадовалась, что прошлой ночью не пожалела времени, чтобы подготовить план как раз на такой случай.

— Вампир! — позвала она. Молчание. — Вампир! Я знаю, что ты меня слышишь!

— Я слышу тебя. — Тот же голос, что и прошлой ночью, мелодичный, но на этот раз в нем звучали боль и гнев. Это ей понравилось. Там, на втором этаже своего дома, он оказался для нее сюрпризом. Теперь у нее есть сюрприз для него.

— Майя у меня.

Молчание, потом:

— Ты лжешь.

— Я проследила за вами обоими от гостиницы прошлой ночью, потом вернулась назад и взяла ее.

Наградой ей было низкое рычание, и это ей понравилось еще больше.

— Не причиняй ей вреда... Пожалуйста. Она невиновна. Она обо мне ничего не знает. Это меня ты хочешь! — Акула услышала его шаги. — Я... Я выйду.

В ее голове прозвучала тревога:

— Нет! — закричала она с большим чувством, нежели хотела бы. На эту удочку она уже однажды попала — позволила вампиру добровольно умереть на солнечном свету, а кровосос оказался к тому же еще и магом и наколдовал вокруг себя и вокруг нее шар темноты. Ее рука невольно метнулась к горлу, коснулась зажившего шрама. Ее покусали, но она победила — и получила урок, касающийся предательской натуры вампиров.

Но если этот кровосос играет, то он великий актер. Акула слышала в его голосе подлинную боль.

— Зачем тебе это? — спросила она. — Что такое Майя, что ты сдаешься ради нее?

Ей хотелось услышать его ответ, но она стояла наготове, ожидая любой возможной атаки.

В доме прозвучал негромкий голос Джандера:

— Она красивая, а я ценю красоту.

Акула ухмыльнулась.

— Стало быть, прошлой ночью у нее в комнате ты просто восхищался ее красотой.

Пауза, потом:

— Она нетронута. Я хожу к ней каждую ночь. Я учу ее читать.

— Словом «нетронута» я вряд ли стала бы описывать грошовую шлюшку, а что до чтения...

— Что она делала, чтобы заработать себе на хлеб, меня не волнует. — В прекрасном голосе зазвенел гнев. — Я забочусь о том, чем она является сейчас и чем может стать. Она хочет учиться. А я хочу помочь ей.

— Ты хочешь помочь, а не убить, правда?

— Некогда некто дал мне возможность искупить свое прошлое. Как же могу я не сделать того же для Майи?

Акула не выдержала и расхохоталась. Неужели он думает, что она поверит такой дурацкой выдумке?

— Вы очень здорово сочиняете, Господин Эльф. Но меня вы не убедили. Если ты действительно хочешь обеспечить Майе приятное будущее — сделай это. Мои условия просты: твоя нежизнь за ее истинную жизнь. Приходи сегодня вечером на

встречу со мной к памятнику в Городе Мертвых. Если ты не покажешься — что ж, эта шлюшка для меня ничего не значит.

Еще одна пауза.

— Большинство тех, кто охотится за *носферату* — святые люди, чистые душой и помыслами. Ты не такова, Шакира Казаар. Если бы ты была такой, я радовался бы тому, что ты меня нашла, я знал бы, почему за мной охотятся. Ты задавала мне вопросы, теперь я спрошу у тебя: почему ты смогла так использовать ни в чем не повинную Майю? Почему ты хочешь убить меня, когда я никому в этом городе не сделал ничего плохого?

Акула была озадачена неожиданным вопросом. Еще никогда никто не задавал ей подобных вопросов. Она убивала, потому что умела это делать и только это и делала всю жизнь — сначала для самозащиты, потом за деньги в качестве наемной убийцы. Когда удовольствие от отнятия человеческой жизни поблекло, она занялась охотой на неупокоенных. Кровососы были серьезными противниками, и все хотели, чтобы их уничтожали. Она больше не была воровкой Шакирой, испуганной и одинокой. И не была безымянным наемным убийцей, который всю жизнь проводит в тени. Она превратила себя в Акулу, которая всегда настигает свою жертву, чье владение тонким искусством убивать находило большой спрос и широко превозносилось. Но сейчас в ее словах прозвучало совсем другое. Она ядовито бросила:

— Потому что Капитан Ринн Ориандис хочет, чтобы тебя уничтожили, ты, богами проклятый кровопийца.

Тихий вскрик Джандера заставил почерневшее от ненависти сердце Акулы на мгновение замереть. Этот дурак мне верит! Ее лицо исказилось гримасой, которую она сочла улыбкой, и она ушла, оставив вампира одного — страдать до вечера.

Для места, посвященного смерти, Город Мертвых был очень популярен среди живых. Много поколений самых разных жителей Глубоководья обратилось в пыль бок о бок в простых могилах и великолепно отделанных мавзолеях: воины, морские капитаны, купцы, простолюдины. Их прижизненная борьба перестала что-либо значить, когда, объединенные своей смертностью, они уснули последним сном. Густая трава, тенистые деревья и прекрасные статуи придавали этому месту очарование покоя. Днем этот маленький «город» был тихой гаванью для посетителей. Ночь, однако, приводила на кладбище людей другого рода — тех, кто занимается делами, которые лучше делать в слабом свете луны и звезд, подальше от посторонних глаз.

Центром Города был гигантский монумент, возведенный всего несколько лет назад. Предназначенная для того, чтобы почтить основателей Глубоководья, статуя была великолепным произведением искусства. Монумент шестидесяти футов в высоту составляли десятки отдельных каменных скульптур, изображавших воинов в натуральную величину, сражающихся со всеми разновидностями противников-нелюдей. Широкий у основания, памятник с каждым уровнем становился все уже, и на самой вершине стоял одинокий герой. Замершие навеки в момент высочайшего

деяния своей жизни, орки насаживали своих противников на копья, меченосцы убивали медвежуков, и все — и герои, и чудовища — умирали в драматических позах.

Здесь несколько месяцев назад вампир повстречал Майю, занимавшуюся своей неаппетитной работой. Здесь он надеялся снова увидеть ее сегодня ночью.

Джандер пришел в облике эльфа, но следов не оставлял. Приблизившись к памятнику, он остановился. Огромную статую окружало бледно-белое кольцо, и холодный ночной воздух был полон резким запахом чеснока. Послышалось приглушенное рыдание, и он посмотрел вверх. С нарочитой иронией Акула привязала официантку к каменному герою, стоявшему на горе из воинов с поднятыми в жесте триумфа руками. Девушка была надежно связана веревкой по рукам и ногам. Кусок ткани, засунутый ей в рот, заглушал слова, но не страх.

Джандер медленно прошел вдоль чесночного круга, пока не подошел к двухфутовому разрыву в непреодолимом для него барьере. Он колебался всего мгновение, прежде чем вступить в круг. Это, очевидно, была ловушка. Но какой у него был выбор?

У основания памятника Джандер вскрикнул и упал. Его нога попала в умно замаскированный острый капкан, сделанный из дерева, а не стали. Второй капкан сомкнулся у него на руке. Зубы капканов были облиты освященной водой. На ранах вампира зашипели пар и кровь, поблескивая черным в лунном свете.

Здоровой рукой Джандер расщепил дерево, вцепившееся в его ногу и запястье. Сразу же вскочив на ноги, он огляделся, явно ожидая следующей атаки. Ее не последовало.

Дальше к статуе он шел осторожнее, глядя на снег перед собой, а не на сам памятник. Там были еще несколько спрятанных капканов, ждавших его. Он их осторожно обошел.

— Я здесь, Майя, — позвал он. — Больше тебе ничего не грозит.

Прямо перед ним была каменная фигура женщины-воительницы с длинными волосами, заплетенными в косу. Он потянулся к ней, чтобы забраться на памятник и освободить Майю. Но статуя улыбнулась и ожила. Иллюзия рассеялась, и Акула вытащила маленький арбалет и выстрелила деревянной стрелой прямо Джандеру в грудь. Она была всего в двух ярдах от него.

Джандер от удара охнул, но стрела отскочила от его тела и упала на траву.

Акула вскрикнула. Вампир улыбнулся и постучал себя по груди золотым пальцем. Звякнуло; слишком поздно Акула вспомнила кольчугу, которую видела у Джандера в особнячке. Натянув на голову капюшон, она стала невидимой и отскочила. Рука вампира схватила ее за плащ, но она вырвала плащ и бросилась бежать.

Джандер немедленно последовал за ней.

Акуле понадобилась секунда, чтобы сообразить, что кровосос видит ее следы на снегу. Она немедленно подпрыгнула, схватилась за могучую руку каменного орка и взобралась на него. Она отодвинулась влево, осторожно балансируя на каменном шлеме и плече, потом замерла, задержав дыхание.

Некоторое время золотой вампир стоял неподвижно, сам — словно статуя, оглядываясь вокруг, словно мог разглядеть Акулу сквозь скрывшее ее волшебство с

помощью одной только силы воли. Его взгляд скользнул по ней и за нее. Потом Джандер повернулся и начал взбираться вверх.

Когда он был на полпути к вершине памятника, Акула как можно тише спустилась вниз. Она поправила капюшон плаща, чтобы он не соскользнул случайно. Она надеялась, что сможет завершить свою задачу раньше, чем вампир заметит выдающие ее следы.

Она торопливо подкралась к чесночному кругу и перекрыла разрыв оставшимися у нее клубнями. Теперь у него не будет выхода — он даже не сможет перелететь через кольцо. Она вернулась к статуе и последовала за вампиром наверх.

Его движения были быстрыми и уверенными, но не до неестественности. Джандер прилагал огромные усилия, чтобы не открыть Майе своей истинной природы. Пока что этот обман был Акуле на руку. Она быстро следовала за ним, легко поднимаясь по сражающимся воинам, словно по ветвям очень узловатого и ветвистого дерева.

Вот он достиг вершины. Наступила тишина, и Акула знала, что кровосос усталился на священные символы, которые она разместила у Майи по всему телу. Осторожно, бесшумно охотница продолжала лезть наверх, все время прислушиваясь.

— Латандер, защити меня! — послышался полный ужаса голос Майи, когда Джандер вытащил кляп у нее изо рта. — Не убивайте меня! Пожалуйста! Она — она сказала мне, что вы такое. Я сделаю все, что вы хотите, только, пожалуйста, не убивайте меня!

Ошарашенное молчание. Акула подтянулась на умирающем лучнике, со злобной радостью ожидая ответа кровососа.

— Нет, Майя, — прозвучал голос Джандера, полный древней усталости, — я тебя не убью. Я просто... вот, дай-ка я тебя развяжу.

Теперь Акула его видела. По-прежнему невидимая, она напряженно смотрела, как Джандер подошел ко все еще перепуганной девушке и принялся развязывать ее. Он успешно развязал ей руки и опустился на колени, чтобы добраться до узлов у нее на ногах. Из маленького розового медальона, спрятанного в юбках Майи, вырвалась яркая вспышка света. Заклинание Акулы сработало прекрасно.

Вампир взмахнул руками, закрывая глаза, пошатнулся и упал с монумента. Акула поспешила вперед. Схватившись одной рукой за умирающего тролля, охотница наблюдала, как Джандер падает. Его тело замерцало, превращаясь в маленькую коричневую летучую мышь. Он полетел обратно к вершине монумента.

Акула услышала, как за спиной у нее всхлипывает Майя, развязывая узлы на ногах. Потом, хныча, официантка принялась слезать с памятника. Акула не обратила на нее внимания: Майя свое дело сделала.

Вместо этого охотница сосредоточилась на вампире. Осторожно наклонившись над поднятыми каменными мечами и копьями, торчавшими внизу, она прислонилась к статуе тролля и вытащила из кармана небольшой мешочек. Пшеничные зерна дождем осыпали летучую мышь. Это был любимый трюк Акулы, предназначенный для вампиров в облике летучей мыши. Пшеница должна была сбить грызуна с толку, заставить его дико заметаться. А это даст Акуле возможность подготовить другую, более смертоносную атаку.

Но Джандер не заметался. Маленькая летучая мышь на мгновение бешено завертелась, потом продолжала полет прямо в лицо Акуле. Никакой плащ невидимости не мог защитить ее от обостренных чувств вампира в облике летучей мыши. Вот он уже у самых ее глаз. Она видела, как открываются крохотные челюсти грызуна, усеянные острыми зубами.

Вздвогнув, Акула увернулась. Ее нога соскользнула с усыпанной снегом опоры, и она упала — а внизу были острые каменные копыя. Она не закричала, только охнула, когда смертельное падение внезапно прекратилось. Ее плащ зацепился за копые в руках одного из медвежюков. От внезапного рывка на горле у нее появился синяк, но она была жива.

Акула повисла, болтая руками и ногами, слегка раскачиваясь взад-вперед. Она призадумалась и выругала себя. На этот случай она не приготовила никаких заклинаний — ни парения, ни полета, ни превращения. Охая от напряжения, она потянулась вверх, пытаясь схватиться за каменное копые. Но дотянуться до него ей не удалось. Она потянулась направо, надеясь ухватить безобразное свиное рыло орка, убивающего несчастного каменного героя. Ее руки схватили только воздух.

Перепуганная больше, чем когда-либо за последние несколько десятилетий, Акула выгнула шею и посмотрела наверх.

Кровосос был эльфийским силуэтом на фоне звездного неба. Он наклонился и посмотрел на нее. Потом медленно двинулся вниз. Одна рука потянулась к ней.

Неосознанно плача, Акула увернулась. В плаще у нее появилась дыра, и она упала вниз на четыре дюйма. По крайней мере, вампир был слишком высоко, чтобы достать ее — но, о боги, он может ползти...

— Дай мне руку.

Секунду она не могла понять, что он говорит, так неожиданны были его слова. Джандер вытянул руку еще немного.

— Дай мне руку. Я не могу до тебя дотянуться!

Плащ разорвался еще чуть-чуть. Акула посмотрела на нижний ярус сражающихся воинов и их острое каменное оружие. Падать на них ей было по меньшей мере двадцать футов.

— Я сейчас, Шакира. Держись. — И действительно, золотой вампир пополз вниз, чтобы достать ее.

И вдруг она поняла, поняла с глубокой, внутренней уверенностью, что Джандер Санстар не собирается ее убивать. Он собирается спасти ей жизнь, выручить ее. Она, Акула, женщина, которая всю жизнь совершенствовала искусство убивать, в конце концов потерпела неудачу. И, потерпев неудачу, она будет обязана жизнью тому самому существу, которое хотела уничтожить. Если его прощающие руки сомкнутся на ней, она больше никогда не сможет поднять оружие. Она больше не будет Акулой.

Ей даже думать не пришлось. Подняв руки, она схватилась за плащ.

— Акула посылает тебя в Девять Преисподних, — вслух сказала она, но на этот раз эти слова предназначались для ее собственных ушей.

Когда пальцы вампира коснулись ее, Акула улынулась, как тот хищник, которым она была, плюнула в его прекрасное, отчаянное лицо, и разорвала плащ до конца.

ШЕСТЁРКА МЕЧЕЙ

Уильям Коннорс

Впервые опубликован в Антологии "Королевства Магии" под редакцией Брайана М. Томсена и Дж. Роберта Кинга, в декабре 1995 г.

Я часто удивлялся, что происходит с персонажами в игре D&D, когда их кампания закончилась. Я имею в виду, они не мертвы, но больше не участвуют в приключении. Вряд ли это справедливо. Думаю, они просто уйдут на покой, еще долгое время переживая острые ощущения из их прошлых жизней и проводя много времени в воспоминаниях. Этот рассказ основывался на этой предпосылке. Для тех, кто интересуется мелочами: когда я писал этот рассказ, каждого члена «Шестёрки мечей» я назвал в честь одного из моих любимых бейсболистов. Я сделаю эту партию.

-Уильям В. Коннорс, март 2003 г.

I

Лунный свет на серебряном лезвии был последним, что увидел Джейбел.

Пятнадцать лет назад, когда он и его ближайшие друзья путешествовали по Западному Сердцеземью, он мог предположить подобную кончину. В те дни он был экспертом по взлому замков, обезвреживанию ловушек и незаметному устранению врагов – профессии, славной краткостью жизни. Действительно, не раз только таинственная исцеляющая сила послушницы Гвинн вырывала его из темной бездны смерти.

Однако после нескольких лет Джейбел оставил воровскую жизнь. Следом за произошедшей в их последнем походе трагедией, когда им пришлось бросить дварфа Шандта на так называемую милость племени хобгоблинов, из такой жизни ушла и привлекательность. Это испытание и в самом деле оказалось настолько тяжелым, что все члены Шестёрки Мечей пересмотрели свое мнение об их профессии.

– Я сколотил состояние, – сказал Джейбел товарищам. – Теперь я собираюсь расслабиться и наслаждаться жизнью. – Вздыхнув, он попросил Гвинн выйти за него замуж, и она не промедлила с согласием. Компания разделилась, а Джейбел и Гвинн поселились в большом городе Глубоководье.

Благодаря сокровищам, собранным в бесчисленных заброшенных шахтах и героических походах, Джейбел и Гвинн выстроили себе скромный, но изящный дом. В здании была часовня, где она могла учить своей вере, и слесарная лавка, где он мог поддерживать ловкость рук и остроту зрения.

Почти полтора десятка лет он и Гвинн были счастливы. Они оставили трагедию позади и вместе начали новую жизнь. Когда Джейбел оглядывался на эти бурные дни, он всегда говорил:

– Я только чудом уцелел.

Теперь чудеса кончились.

II

Звон стали о сталь раздавался уже так долго, что упорно игнорировавшие его уши вполне могли перестать работать. С каждым ударом ночной воздух наполнялся искрами. Они прочерчивали вертикальные полосы как испуганные светляки, на короткое время становились красными звездами и затем заканчивали свою бысролетную жизнь метеоритным дождем, пролившимся на каменный пол. Это происходило на закате, и город Воронов Утес покрывала ночь. Снова и снова Орlando повторял ритуал своего ремесла. Молот падал, искры летели, и клин плуга постепенно принимал нужную форму. Когда орудие фермера было полностью готово, шум прекратился, и тлеющим углям кузнечного горна позволили остывать, темнокожий и мускулистый Орlando занялся возвращением инструментов на места, не заметив, как в дверях его мастерской появилась эбеновая фигура.

За долю секунды дверной проем заполнила тень, загородив висевшие за ним полумесяц и звезды. С изяществом охотящейся кошки она скользнула через проем в жар и духоту кузницы. Молот больше не звенел, и тень двигалась в сверхъестественной тишине.

Без всяких предисловий из тьмы раздался загробный голос. Хотя слова были произнесены шепотом, интонация и чистота голоса делали их такими же слышными, как речи глашатая.

Джейбел и Гвинн мертвы.

Орlando застыл; огромный молот в его руке прекратил стучать по наполовину готовому железному серпу. От этого голоса по его спине пробежал холодок, так же, как когда он слышал его в последний раз, несколько лет назад. Орlando медленно повернулся, не выпуская молот и пытаясь определить источник голоса. Как и всегда, когда она хотела этого, Леланда была едина с тьмой.

Расслабься, Орlando, – сказала ночь. Это сделала не я.

– Тогда покажись, – ответил кузнец, зная, что она этого не сделает.

Прошли годы с тех пор, как Орlando отложил меч ради пивной кружки. Но годы не помешали ему сохранить отточенные рефлексy, позволившие уцелеть в полной приключений прошлой жизни. Если ведьма что-нибудь предпримет, его смерть обойдется ей дорого. Тем не менее, он понимал, кто выйдет из битвы победителем. Он-то подозревал, что Леланда оставила магию... но сейчас она, вероятно, еще более могущественна. Так что рефлексy Орlando лишь ненадолго развлекут ее.

К удивлению Орlando, тьма перед ним рассеялась. Лицо Леланды, увенчанное волосами цвета тлеющих углей и украшенное изумрудными глазами, сильно напоминающими ему кошачьи, проявилось в ярде от его собственного. Как всегда, он был поражен ошеломляющим контрастом ее внешней красоты и злобной души.

Если он ударит сейчас, ведьма не сможет спастись. Мышцы на его руке напряглись, но он не смог заставить себя нанести первый удар. Он должен был выслушать ее.

– Доволен? – спросила она. Ее голос, больше не искажаемый магическим покровом теней, казался приятным и соблазнительным. Орландо знал, что ее голос, как и ее красота, был смертельно опасной иллюзией. Черные вдовы также прекрасны. Хотя, он знал правду, его пульс участился.

Бывший воин отбросил посторонние мысли и задал единственный волновавший его вопрос:

– Что с ними случилось?

– Это не был несчастный случай, – ответила она. Её глаза опустились на молот, который Орландо все еще сжимал в руке. Он нерешительно ухмыльнулся и отбросил его под ближайшую скамью. Она улыбнулась в ответ и продолжила: – Кто-то убил их.

– Уверена, что это была не ты? – спросил он.

– Вполне, – ответила она. – Я собираюсь в Глубоководье, чтобы найти того, кто сделал это. В былые дни мы нажили много врагов.

– Мы завели и немало друзей, – сказал кузнец.

– Но и потеряли немало, – произнесла ведьма.

В памяти Орландо всплыла картина: разъяренный Шандт своим зачарованным боевым топором пытается расчистить дорогу через напирющие ряды хобгоблинов... Он не хотел помнить улыбчивого дварфа таким.

– Если мы отправимся утром, то можем быть на месте через несколько дней, – сказала Леланда. – Я знаю, как... сократить путь.

– Если мы отправимся сейчас, будем раньше, – ответил Орландо. – Дай мне час на сборы.

III

Орландо шел по своему темному дому. Его путь не освещала даже трепещущая свеча. Снаружи Леланда сидела на вороной лошади, темней, чем ночное небо. Орландо знал, что ей не терпится отправиться в путь, поэтому шел так быстро, как только мог. Стены его дома украшали мечи, щиты и другие напоминания о жизни искателя приключений. Сейчас, как вор в собственном доме, он взял три фамильные ценности.

Первой был Коготь – кривой меч, найденный им в темном лабиринте под песками, которые люди называют Битва Костей. Этот загадочный клинок был почти абсолютным оружием против живых мертвецов. Снятый со своего обычного места над камином, зачарованный клинок лег в ножны, висящие на черном кожаном поясе Орландо.

Вторым предметом, изъятым из коллекции, стал бронзовый нагрудник. Бесчисленные враги, пытавшиеся пробить его, знали, что броня имеет сверхъестественную способность отклонять даже самые смертоносные снаряды. Стрелы и даже пули оказывались бессильными перед чарами этого бронзового доспеха. Орландо снял его с деревянного манекена, охранявшего пустой коридор на

первом этаже. Когда желто-оранжевая броня снова закрыла мускулистую грудь Орlando, он отметил, что сейчас она стала удобнее, чем в его прошедшей юности.

Благополучно забрав меч и броню, Орlando направился к последнему предмету, который он собирался взять: счастливому талисману. Остановившись рядом с часовней, примыкающей к его спальне, Орlando снял с крюка маленький серебряный амулет и надел его на шею. Его пальцы самопроизвольно пробежали по поверхности, отслеживая контуры скрещенных боевых топоров – символа дварфского бога Кланггедина Сребробородого. В этом простом кулоне не было магии, но это был подарок Шандта. С тех пор как Орlando получил эту вещь, меньше чем за пять часов до того, как благородный дварф встретил свою судьбу где-то в Подземье, он не мог смотреть на него, не вспоминая широкую кривую улыбку и сверкающие глаза, делавшие лицо его лучшего друга таким незабываемым... Воспоминания заставили Орlando улыбнуться и прослезиться.

Закрыв за собой дверь, Орlando покинул дом и отправился в конюшню, к Леланде. Ведьма уже оседлала Зефира – его серого пятнистого коня.

Воин молча вставил ногу в стремя, запрыгнул на лошадь и двинулся рысью. Бывалые путешественники проскакали много миль, прежде чем было произнесено хоть одно слово.

IV

Орlando натянул поводья Зефира. Хорошо выученное и полное желания угодить хозяину животное немедленно остановилось. Загадочный черный скакун, на котором ехала Леланда, сделал то же самое, хотя Орlando не заметил никаких признаков команды от наездницы. Казалось, лошадь всегда знала, чего хотела от нее волшебница.

– Мы собираемся свернуть с пути?

– Только слегка, – ответила ведьма. – Думаю, нам стоит завернуть в замок Джолинд и рассказать ей о случившемся. Разумеется, вряд ли она присоединится к нам, но она была одной из Шести. Она имеет право знать.

Орlando удивился, услышав такое от Леланды. Во время их путешествий она мало интересовалась другими членами Шестёрки Мечей. Для нее они были телохранителями, разведчиками и лекарями, позволявшими ей постигать тайны магии, находить редкие компоненты заклинаний и попутно тренироваться в своем загадочном искусстве. Возможно, время смягчило ее сердце, или она что-то недоговаривала об этом походе.

Благодаря магии Леланды дорога казалась мимолетной тенью, пролетающей мимо глаз. Но даже на такой скорости прошло несколько часов, прежде чем перед ними показали огни замка Джолинд. Достигнув окраины поляны, на которой он был построен, оба всадника остановили коней.

– Она хорошо поработала, – сказал Орlando; он вертел головой из стороны в сторону, осматривая раскинувшийся вокруг них густой лес. – Я помню, какой мы впервые нашли эту поляну. Почва была настолько отравлена, что здесь могли расти только сорняки.

– Я пойду первой, – сказала Леланда, проигнорировав попытку возразить. – Джолинд всегда ценила свое уединение, а мне не хочется сердить друида в сердце ее собственного леса.

Она накинула капюшон плаща, скрыв свои волосы цвета заката в плотной тьме. Взглянув на нее, Орlando понял, что больше не может сфокусировать на ней взгляд. Он мог только краем глаза увидеть ее мимолетный образ, хотя точно знал, где она стояла.

Я вернусь быстро, как только смогу, заверила тьма.

Прежде чем Орlando успел ответить, он осознал, что остался на обочине один, не считая лошадей. Он хотел усмехнуться, но холодок, пробежавший по спине из-за мрачного голоса, не позволил ему сделать этого.

В ожидании возвращения своей спутницы Орlando открыл седельный вьюк, одетый на Зефира, вынул яблоко, порылся там еще пяток секунд и достал ножик. Ловким движением он разрезал фрукт на две равные половины. Вытерев лезвие и положив его обратно в кожаную сумку, он предложил одну из половин своей лошади и мгновение раздумывал, что сделать со второй. Бессознательным движением он протянул руку к лошади Леланды. Эбеновое животное взглянуло на предложенную вкуснятину, фыркнуло и отвернулось. Так же, автоматически Орlando съел вторую половину сам. На горизонте сверкнули первые лучи рассвета, и у него появилось невеселое ощущение того, что снобизм животного был направлен на поддержание тонуса на грядущий день. Он был прав.

Джолинд мертва, – донесся хорошо знакомый голос тьмы. Тело еще не остыло. Убийца должен быть где-то поблизости.

V

Интерьер замка пробудил в памяти Орlando воспоминания о времени, когда Шесть Мечей впервые обнаружили его.

В те дни это место было осквернено черным драконом, устроившим здесь свое логово. Вся окрестность была отравлена этим существом – лужами кислоты, роями жалящих насекомых и сплетенными сорняками, господствовавшими над измученными остатками леса. С того момента, как они вступили на эту гибнущую землю, друид Джолинд стала мрачной и угрюмой. Она поклялась, что такое разрушение не останется безнаказанным.

Когда они достигли замка – разрушенного здания, построенного неведомой рукой за столетия до появления на свет кого-либо из Шестёрки – Джолинд повела их в атаку на дракона. Обернув каждый элемент природы против существа, она стала орудием его уничтожения.

Восемнадцать месяцев спустя, когда компания разошлась, она объявила о своем желании вернуться сюда и вернуть лесу его былую красоту. Она проделала прекрасную работу.

Однако Джолинд не восстановила замок. Вернее, она сделала это не так, как сделал бы Орlando. Внутренние полы и стены остались голыми, над башней был воздвигнут огромный стеклянный купол, а в его центре на земле журчал фонтан.

Сочетание пузыря застекленной крыши и танцующей воды фонтана делала климат внутри замка жарким и влажным.

При обычных обстоятельствах это сделало бы место невыносимым. Однако обустроившие его заботливые руки Джолинд создали здесь тропический рай. Огромные завитки лиан, усеянные сверкающими цветами, изящно взбирались вверх по стенам. Лучи утреннего света, преломленные гранями стеклянного купола, освещали дюжины деревьев и порхавших между ними ярких бабочек.

Ужасы прошлого были полностью изгнаны чуткими руками друида. К несчастью, их сменили ужасы настоящего – в сердце этого великолепия разлилась красная лужа, а в центре этого алого пятна лежало тело друида Джолинд. Ее голова была отсечена.

Орландо понадобилось собрать все свое мужество, чтобы осмелиться подойти к телу. Джолинд была большим, чем другом и компаньоном. Какое-то время воин и друид были любовниками, пытаясь скрыться от реальности в объятьях друг друга. Их связь продлилась меньше года, но за это время каждый из них узнал многое о философии и профессии другого. Для Орландо это означало тонкое понимание природы, связей в окружающем мире и осознание своего места в нем. Джолинд не боялась смерти. По ее мнению, смерть была всего лишь концом жизни. Для Орландо смерть была врагом, держащим его в страхе. Он знал, что в конце концов смерть восторжествует, но хотел, чтобы этот последний враг держался подальше.

– Ужасная смерть, – тихо произнес он.

Джейбел и Гвинн убиты так же, отозвался голос из ниоткуда. Хотя этот звук все еще раздражал его, Орландо уже привык к мрачным обертонам, раздававшимся из пустого воздуха. Он был поражен тем, как быстро к нему вернулся былой образ мышления – как только эта мысль пронеслась в его мозгу, он обнаружил, что инстинктивно вынул Коготь из ножен. Без малейших раздумий он приготовился защищаться от напавшего на Джолинд.

– Здесь была ожесточенная схватка, – сказал Орландо, изучив землю вокруг лужи крови и под обезглавленным телом. – Но здесь что-то не так – все эти следы оставлены сандалиями Джолинд. Тот, с кем она сражалась, не оставляет при движении даже малейших следов.

Возможно, мы имеем дело с доппельгангером или другим существом, способным изменять свою форму. Если убийца принял обличие Джолинд, ты не сможешь различить их следы.

– Я не уверен в этом, – ответил воин. Он наклонил голову в одну сторону, затем в другую: – Нет, их расположение вполне четкое. Их оставило одно существо. А как насчет нежити? Помнишь вампира, которого мы поймали у Драконьего Копья? Он не отбрасывал тени, не оставлял следов и не производил звуков при движении.

Упомянув об этом путешествии, он пожалел, что сделал это. В древнем склепе, где был спрятан гроб вампира, Леланда нашла таинственный плащ теней.

Может быть, ответила загадочная тень из сада. *Но непохоже. Это место хорошо защищено от вторжения нежити и других неестественных существ. Если убийца – один из них, он должен быть чрезвычайно могущественным, чтобы войти в башню. Для нас лучше, чтобы это был не он.*

Орландо несколько минут помолчал. Не позволив темным мыслям захватить сознание, он вернул себе контроль над вниманием. Размеренным шагом он взад и вперед бродил по окрестностям, используя свой боевой опыт, чтобы собрать воедино осколки, разбросанные тьмой предыдущей ночи.

Вскоре что-то заметив, он сунул руку в кустарник – красивый, но колючий – и, с руганью продравшись через ветви, выдернул из шипастых зарослей тонкий деревянный стержень длиной около трех футов. Покрытый светящимся белым лаком, он был неприятно холодным на ощупь. Однако воин знал по опыту, что эта вещь теплее, чем кажется.

Что ты нашел? спросила неподвижная часть сада.

На каком-то уровне Орландо понял, что больше всего его раздражало не то, что он не мог видеть Леланду, а призрачная природа ее голоса, становившаяся таковой, когда она надевала плащ. В этом месте и так уже было слишком много смерти и тьмы.

Орландо больше не мог терпеть эту одностороннюю беседу.

– Сними этот проклятый плащ и я покажу тебе, – прошипел он.

Почти сразу же тень грушевого дерева посветлела, и за спиной человека появилась изящная волшебница. Она немедленно выполнила его требование, сделав ненужной враждебность его голоса.

– Прости, – тихо сказал Орландо. – но ты не знаешь, как быстро это надоедает.

Он ожидал, что ведьма заспорит с ним, как сделала бы это в прошлом. К его удивлению, последовал достаточно вежливый ответ.

– Нет, – ответила она. – Наверное, не знаю. Уже очень долгое время я путешествую одна. Думаю, что я уже привыкла носить его постоянно. Я постараюсь больше не использовать его без необходимости.

Возникла пауза – момент, полностью противоположный развернувшейся вокруг них жестокости. Орландо пытался подобрать нужные слова, но не смог.

Леланде, казалось, было ненамного легче найти потерянную нить разговора.

– Я спрашивала, что ты нашел, – напомнила она ему.

– На вид это часть посоха, который всегда носила Джолинд, и на ощупь: почти такое же холодное, как снежные бури, которые он может вызывать.

Леланда наклонила голову и посмотрела на сломанный посох. Она скривила губы, рассматривая сломанный конец и несколько мест, в которых что-то глубоко врезалось в него.

– В эту вещь вложена могущественная магия. Ее нелегко сломать. Оружие, сделавшее эти зарубки и сломавшее ее, должно быть столь же мощным. Это не сулит нам счастливого будущего.

В саду снова воцарилась тишина. Орландо вернулся к поискам в кустах и в конце концов нашел еще одну часть посоха Джолинд.

Леланда изучала голову, смотря в глаза так, как будто могла прочесть предсмертные мысли женщины. Затем она направилась к Орландо и позвала его. Он встретил колдунью между кустарниками и телом.

– Из изучения окрестности и тела мы узнали немного, но Джолинд может рассказать нам больше.

– Некромантия? – спросил Орландо; это слово прозвучало так же горько, как было у него во рту. Она кивнула. Он проворчал:

– Думаю, у нас нет выбора. Как-нибудь справлюсь.

– Я должна...

– Я знаю, – ответил он.

Два шага привели ведьму к краю кровавой лужи, третий – к месту, где лежала отрубленная голова Джолинд. Она оглянулась на Орландо, неловко улыbnулась ему и надела капюшон плаща. Воину тут же стало трудно фокусировать на ней свой взгляд. Даже зная, где она стояла всего несколько секунд назад, он мог разглядеть только смутные очертания закутанной в плащ фигуры.

Магическая энергия смерти и тьмы ответила на зов Леланды. Она произносила слова силы, звуки которых для нетренированных ушей Орландо были лишены смысла. Он ощущал странный рывок смерти к его душе и знал, что нечто стояло рядом, жаждая отведать его душу, сдерживаемое только силой воли Леланды. Если она потеряет контроль, последствия будут ужасными. Затем, с криком агонии невидимой волшебницы, заклинание было сотворено.

Нервы Орландо напряглись, когда отрубленная голова Джолинд открыла глаза. Открылся и ее тонкогубый рот, и свистящий, глухой вопль наполнил сад. Орландо, не в силах выдержать это зрелище, отвернулся. Он почувствовал тошноту, но вспомнив, что смертельно опасный враг может скрываться поблизости, удержал контроль над своим измученным телом.

Джолинд, сказал призрачный некромант. Ты слышишь меня?

– Дааа, – отозвался пустой, безжизненный голос. – Кто ты? Твой голос знаком..., но далек.

Джолинд, это Леланда. Я здесь вместе с Орландо. Мы пришли помочь тебе.

Лишенная тела голова издала мрачный дребезжащий смех.

– Ты немного опоздала с этим, старый друг.

Нервы Орландо напряглись, но не подвели его.

Я знаю. Мы сожалеем. Но мы хотим найти того, кто сделал это. Джейбел и Гвинн тоже убиты им. Ты можешь помочь нам? Ты знаешь, кто убил тебя?

– Да, я знаю, кто убил меня, – прошептала Джолинд.

Тогда скажи мне, Джолинд. Поспеши: заклинание быстро слабеет, поторопила Леланда.

Орландо не мог решить, что было ужаснее: живой, но невидимый дух волшебницы или мертвая, но телесная голова друида.

– Кесмарекс, – прошипела голова; ее глаза медленно закрылись, челюсть отвисла. Заклинание иссякло, и душа друида упокоилась вместе с душами предков.

Орландо надеялся, что здесь она обретет мир. В душе он сказал последнее “прощай” женщине, так много значившей для него давным-давно. Уйти от нее казалось преступлением. Он хотел бы узнать, какие тайны умерли с ней. Одинокa слеза скатилась по его бронзовой щеке.

– Кесмарекс, – произнесла ведьма, снимая капюшон плаща со своих волос и появляясь позади павшего друида. – Кто это?

– Это – не кто, – ответил Орландо. – Это – что. Так дварфы-кузнецы называли выкованный ими боевой топор Шандта. Оно означает что-то вроде «Месть Короля», но точно сказать это на нашем языке сложно.

– Но Шандт мертв, – сказала ведьма; и ее голос погрузился в надвигающуюся тишину.

– Я знаю, – выдохнул Орландо. – Он не мог выжить. – После секундного раздумья он продолжил: – Расскажи мне больше об охране этого места. Насколько ты уверена в том, что сюда не может пробраться нежить?..

Через час или около того Орландо так и не сделал выводов из предостережения Джолинд.

– Если это был Шандт, он вернется за нами, – сказал Орландо. – Он не тот, кто бросит работу недоделанной.

Прежде чем ответить, Леланда развела в сердце башни Джолинд костер.

В последние несколько часов ее красота потускнела и стерлась. Орландо изучал ее лицо, все еще утонченное и приятное, с простыми чертами, маскировавшими скрытое за ними коварное чудовище. Но через ее внешность все же проглядывало что-то человеческое.

– Как ты стала искателем приключений?

-- Я точно не знаю, – ответила ведьма. – Наверное, это просто случилось. Я училась в Глубоководье – обычное дело для ребенка богатого торговца, но оно не смогло удержать мое внимание. Один из учеников сказал, что обучается магии у старой женщины с окраины города. Однажды я проследила за ним и узнала, где живет его учительница. Когда он ушел, я вошла к ней и попросила обучить меня магии. Она внимательно посмотрела на меня и отказала.

Я была в ярости. Думаю, в те времена я была больше, чем немного избалована. Когда я попыталась купить ее науку, она не взяла мои деньги. До этого я не встречала никого, похожего на нее – того, кого нельзя купить за золото. Я надоедала ей несколько недель, прежде чем она все-таки согласилась. Мне кажется, она хотела испытать мое упорство.

Примерно через год, придя на урок, я нашла ее мертвой. Она была убита бандой воров – на самом деле наемников, служащих темному жрецу. Я поклялась отомстить за ее смерть. Это заняло у меня еще один год. После этого я уже привыкла к жизни в пути, и возвращение в Глубоководье казалось мне не слишком приятным. Я больше никогда не возвращалась в школу или повидать свою семью. Думаю, они решили, что я погибла во время попытки отомстить за свою наставницу. Почему-то это меня не волновало.

Порыв ветра, пронесшийся через башню, закрутил танцующее пламя костра и поднял в воздух облако горячей золы. Леланда пристально вглядывалась в него, как будто в полете был какой-то скрытый смысл.

– А как насчет тебя? – спросила она.

– Ты когда-нибудь была фермером? – ответил он вопросом на вопрос.

– Нет.

– Что ж, если бы была, ты бы отлично поняла.

Леланда рассмеялась; такого чистого и приятного звука Орландо никогда не ожидал услышать от нее. Там, в саду, где они когда-то убили черного дракона и

недавно похоронили старого друга, он увидел ее новую сторону, о существовании которой никогда не догадывался. Его рука сама собой вытянулась и взяла ее ладонь. Ее смех угас, а зеленые глаза встретились с его взглядом.

– Орландо, – сказала она, и волна шока пронеслась по ее телу. Все ее мышцы на секунду напряглись, а глаза почти вылезли из орбит. Спазм прошел так же внезапно, как и начался. Ее тело обмякло и упало вперед; из ее спины торчало лезвие огромного топора Кесмарекса.

Воин рефлекторно отскочил назад и вырвал из ножен зачарованный меч Коготь, выставив его между собой и хозяином древнего топора.

– Шандт, – воскликнул он. – это ты?

Ответа не последовало, и через секунду Орландо понял, что и не будет. Быстрым и резким движением Кесмарекс взмыл в воздух. С лезвия стекала кровь Леланды, но никакая живая рука не держала топорщице.

Наконец Орландо понял. Он всегда знал, что оружие Шандта было зачаровано, но никогда не осознавал всей полноты его мощи. Сейчас, годы спустя после смерти своего владельца, оружие выследило людей, которых винило в этом.

Описав в воздухе огромную дугу, Кесмарекс устремился к воину. Орландо отступал, не зная, как атаковать оружие без владельца. Он наносил слабые удары Когтем, но обнаружил, что топор был так же быстр, каким он был в руках Шандта.

– Ты не понимаешь, – прокричал Орландо. – У нас не было выбора!

Топор рубанул по его ногам, вынудив воина отскочить назад. Когда его ноги коснулись земли, он почувствовал, как мягкая земля подалась и припустилась – он угодил прямо на могилу Джолинд. Не в силах удержать равновесие, Орландо упал и сильно ударился спиной. Лезвие топора рассекло воздух в нескольких дюймах над его носом. Если бы он стоял, оружие наверняка перерубило бы ему ноги ниже колен.

– Шандт выигрывал для нас время, – закричал он. Топор, не обращая внимания, поднялся вверх, как будто его держал погибший владелец. На секунду он завис там, затем, как оружие палача, Кесмарекс ринулся вниз. Орландо попытался откатиться, но зачарованный топор почувствовал его намерение и повернулся, чтобы последовать за ним. С металлическим лязгом он столкнулся с бронзовым нагрудником воина, проломив янтарный металл и вонзившись в мягкую плоть под ним.

Боль обожгла тело Орландо, в его глазах закружились красные облака. Коготь выпал из его обессиленной руки, бесшумно приземлившись на недавно выкопанную могилу Джолинд. Мстящее оружие отступило для последнего удара, а руки Орландо сжимали жгучую рану. Его пальцы ощупывали искромсанный металл, развороченную плоть и теплую струящуюся кровь.

И что-то еще. Что-то гладкое, теплое и ободряющее: амулет Клангеддина Серебробородого. Пальцы соприкоснулись с медальоном и сорвали его с шеи. Серебряная цепь, на которой он висел, напряглась и треснула. Когда великое оружие начало опускаться, Орландо высоко поднял священный символ.

– Шандт был моим другом, – выкрикнул он. – Я умер бы, чтобы спасти его.

Лунный свет, просеявшийся через безоблачное небо, пронзил стеклянный купол и пролился в сад. Он упал на лежащее тело Леланды, свежую могилу друида и серебряный топор, пытавшийся отомстить за смерть своего владельца. В лучах

лунного света ярко вспыхнули две точки: одна – на краю лезвия, другая – на амулете.

VI

Орlando отошел от стены. Он вернул Коготь на место, покрутил головой, оценивая правильность подвеса, потом вытянул руку и поднял рукоять на сотую часть дюйма.

– Не беспокойся, – сказала Леланда с кушетки, на которой лежала. – Ты установил его правильно.

Орlando кивнул головой и повернулся к столу, стоявшему позади него. Его правая рука осторожно потянулась к великому боевому топору Кесмарексу, но что-то остановило пальцы рядом с топорищем. Другая рука скользнула к шее и прикоснулась к серебряному кулону, висевшему на недавно починенной цепи.

Его мысли медленно вернулись к бою в саду Джолинд. Он вспомнил огромное лезвие, падавшее ему на голову, глухой звук своего голоса, заполнивший безмолвный сад, и вспышку света, произошедшую при появлении священного амулета. Боевой топор как-то узнал талисман и вспомнил, что серебряный символ принадлежал воину, в чьих руках когда-то был и он сам. Поняв, что обладатель этого особого медальона со скрещенными боевыми топорами должен быть другом его владельца, он упал и замер. Миссия Кесмарекса была завершена...

Прикосновение нежной руки к плечу вернуло его к реальности. Он обернулся и обнаружил изумрудные глаза Леланды в нескольких дюймах от своих. В золотом кольце на ее пальце отражалось его сильно искаженное лицо.

– Тебе не следует вставать, – сказал он, мягко подталкивая ее к кушетке.

– Я поправлюсь, – произнесла она. – Рана почти зажила. Вешай топор и иди в постель.

Орlando кивнул, поднял магическое оружие, повернулся и поместил его на почетное место над камином. Рядом с ним он повесил амулет, спасший его жизнь.

– Покойся с миром, старый друг, – сказала красноволосая ведьма.

Орlando промолчал, но в глубине души он знал, что желание Леланды исполнилось.

ОКНО-РОЗА

Монте Кук

Впервые опубликован в Антологии "Королевства Загадок" под редакцией Филиппа Этанса, в июне 1998 г.

Одним из основных моментов в квантовой физике является то, что ты не можешь определить свойства субатомной частицы без – уже через само наблюдение – изменения этой частицы. Это породило во мне странное желание написать рассказ, где бы читатель, посредством самого чтения, действительно влиял на ход событий. Это история, которую рассказчик не хотел бы, чтобы ты прочел. И если, зная это, ты все же решишься взяться за «Окно-розу», то наверняка догадаешься о моем увлечении книгами Г.Ф. Лавкрафта, Кларка Эштона Смита и подобных авторов.

-Монте Кук, апрель 2003 г.

Монте Кук является выпускником Clarion West Science Fiction и Fantasy Writer's Workshop и написал два романа и несколько рассказов. Он также является профессиональным игровым дизайнером, одним из дизайнеров новой игры DUNGEONS & DRAGONS, а также множества других ролевых игр. Он владеет и управляет своей собственной небольшой игровой дизайн-студией на северо-западе Тихого океана, вместе с женой, Сью.

Вопреки всему, я надеюсь, что никто никогда не прочтет эти строки.

Правда открылась мне лишь позавчера, но подозреваю, все началось за несколько недель до этого. Как вы поймете позже, первым звеном в цепи событий стала моя поездка в аббатство Бифора. В тот день его сносили, поэтому я должен был приехать. Верховный Хранитель Мудрости Тессен был моим наставником, и, присутствуя там, я словно бы в последний раз выражал свое уважение старому другу.

Стояла поздняя осень. День выдался пасмурным и серым, буйствовал студеный северный ветер, остервенело терзая людей ледяными когтями. Все они наглухо закутались в свои плащи, словно облачась в броню, чтобы противостоять хищным атакам холода. Я удивился тому, как много людей пришло на распродажу аббатского имущества, которая тогда проводилась.

На самом деле старое аббатство уже много лет не действовало. Тем не менее, до недавних пор оно еще служило окружающим общинам местом богослужений раз в десятидневку и укрытием во время ненастной погоды. Однако теперь западная стена начала обваливаться, и крыша просела так сильно, что местные каменщики объявили – находиться в здании больше небезопасно. Несколько лет назад, после смерти епископа, аббатство перешло к человеку по имени Грил. Я так и не определил точно, какое положение он занимает в церковной иерархии, если оно у него все же есть. Грил заявил во всеуслышание, что, поскольку у него нет денег на проведение необходимых ремонтных работ, он распродает не только церковную утварь, но и камень аббатских стен. Также Грил высказал надежду, что вместе с вырученными за это деньгами он построит для местных жителей новую церковь, посвященную Огме.

Я стоял возле пришедшего в упадок здания и наблюдал, как молодые люди выносят скамьи, кафедру и даже каменное навершие алтаря на пустынный, покрытый листьями двор. Я смотрел, как люди приходят и уходят, покупая старую утварь, которая служила аббатству и его прихожанам на протяжении поколений. И

позже в тот же день (а пробыл я там долго) увидел, как те же работники берутся за молотки и другие инструменты. Вскоре я узнал, что камни аббатских зданий пойдут на постройку фермерских домов и стен пастбищ.

Что-то (возможно, судьба, хотя теперь я не так уверен в этом) заставило меня поднять взгляд к крыше аббатства. Там, высоко на фронтоне, находилось чудесное *окно-роза*. Оно крепко запало мне в память еще с тех пор, как я был здесь послушником: круглое окно, выложенное пластинами светлого, голубовато-зеленого стекла, которые образуют чрезвычайно сложный узор в виде розы. И хотя витраж выглядел тусклым в такие сумрачные дни, как этот, я знал, что даже малая толика солнечных лучей заставит его сверкать, словно это драгоценный камень, переливающийся мириадами искр.

Я покинул свой наблюдательный пост и направился к человеку, именовавшему себя Грилом, выудив из внутреннего кармана плаща мешочек с золотом – всем, что у меня при себе было. Когда я начал говорить, Грил повернулся и взглянул на меня с неприязнью.

– Прошу прощения, сэр, если я правильно понимаю, вы продаете аббатские... хм... наделы. – Его взгляд смягчился, и я продолжил. – Так вот, возможно, вы не знаете, но когда-то я занимал здесь должность послушника-искателя, прежде чем получил собственный приход, а Верховный Хранитель Мудрости Тессен, тогда еще простой священник, был моим наставником.

Грил обладал тусклыми темно-серыми глазками и растянутым в тонкую линию ртом, он скрестил руки на груди, но не проронил ни звука.

– Словом, – продолжил объясняться я, – вон тот старый витраж много значит для меня. – Я показал на окно-розу, а глаза Грила проследили за моим жестом. – Я бы хотел поставить витраж в собственной церкви, и поэтому охотно заплачу вам за него.

– Неужели. – Грил не спрашивал, а утверждал.

Когда он повернулся ко мне вновь, его узкие губы были напряжены, а в глазах появился огонек.

– Да, витраж был бы прекрасной... – я искал подходящее слово, – ...памятью о Верховном Хранителе Мудрости и его непоколебимой вере.

После этой фразы Грил ощерил зубы в улыбке, похожей на широкий и кривой оскал хищника. Не сказал бы, что она мне понравилась.

– Согласен, – проговорил он наконец. – Замечательная память. Он был примером для всех нас.

Грил протянул руку, и я опустил на нее кошель. Высыпав монеты на широкую холеную ладонь, он стал медленно их подсчитывать. Это зрелище смутило меня, так что я перевел взгляд на окно-розу. Пусть оно дорого мне обошлось, я знал, что еще долгие годы буду любоваться им и радоваться такой памяти о Тессене.

Довольный платой, Грил приказал работникам взобраться наверх и осторожно снять витраж для меня. Я прибыл в аббатство на своем маленьком фургоне, в котором для него как раз хватало места. И после всего случившегося, когда позднее я направлял упряжку по долине к моему приходскому дому, мне казалось, что так и предначертано судьбой.

На следующей неделе я на свои средства нанял несколько человек затем, чтобы они пришли в храм и помогли мне установить витраж высоко над полом в святилище. Оттуда, по моей задумке, сияющий свет должен был литься сквозь него на прихожан во время каждой Связи, нашего утреннего, и Клятвы – вечернего ритуалов. Витраж прославит Огму так же, как и вера Верховного Хранителя Мудрости Тессена. Это грело мне душу. После того, как витраж водрузили на его новое место, я заметил, что юный Феслан, мой искатель, буквально заморожен им.

– Витраж изумительно красивый, – пояснил он, – Но и очень уж чудной.

Тогда и я взглянул на окно, а затем на полноватого Феслана:

– Чудной?

– Прости меня, брат, это сказано не в обиду. Смотрится он хорошо, вот только... его узор. Каждый раз, как взгляну на него, я замечаю что-то новое. Стекло как будто выложено чуть другими гранями или же свет по-новому заиграл на его изгибах. Да, точно. Эти изгибы так завораживают...

Я всмотрелся в витраж снова, и мне пришлось признать, что Феслан прав. Его изгибы действительно зачаровывали взгляд.

– Мастерство тех дней не знает равных до сих пор, – изрек я, думая, что старики всегда говорят молодым нечто подобное. Я улыбнулся от этой мысли, а затем и мальчику, ведь мы оба купались в благословенных солнечных лучах и любовались красотой окна-розы.

Неделя шла за неделей, я погрузился в другие заботы. Согласно заветам Огмы, Владыки Знаний и Мудрого бога, его служители должны распространять знания и обучать прихожан, а также следить за их благополучием, чем мы ведем их к просвещению. Благодаря этому у приходского священника несметное количество обязанностей, но, я думаю, сейчас не время все перечислять. Достаточно сказать, я с головой ушел в них и потому мало обращал внимания на то, что юный Феслан до сих пор восхищен витражом. В одну из ночей, после Клятвы, когда мы завершили все наши дела и перешли к скромному ужину, он рассказал мне, что видел в окне нечто необычное. Я страшно устал и лишь в пол-уха слушал, как он объясняет мне:

– Скорее всего, внутри витражного узора или на гранях стеклянных пластин.

Мы сидели за небольшим деревянным столом в комнате, которая находится в задней части церкви, бок о бок с нашими спальнями. Было темно, свет шел только от лампы на столе, стоявшей в центре нашего скудного пиршества.

– Скорее всего – что? – переспросил я с полным ртом хлеба.

А вот юному послушнику кусок в горло не лез от волнения.

– Как я уже сказал, брат, – ответил он, – мне показалось, что там, в окне, что-то двигалось, когда садилось солнце.

– То есть свет как-то по-особому переливался на поверхности стекла? – уточнил я, глотая.

– Да, наверное, – Феслан опустил взгляд.

– Что значит “наверное”?

– Ну, хорошо, это не могло мне померещиться, – произнес он, посмотрев прямо в мои глаза. – Они двигались.

– Что двигалось?

– Силуэты в окне. Как будто с другой стороны что-то было.

– Может там и находилось что-то по другую сторону, Феслан. – Я ощутил прилив слабого раздражения. – Например, птица?

– Но я вышел на улицу и посмотрел, – возразил он. – Ни души.

Я допил последнюю каплю из чашки и встал.

– Тогда это и в самом деле был свет заходящего солнца, который мерцал на стекле, – заключил я. – А сейчас хватит об этом, Феслан. Пора спать.

После этого мы разошлись. Феслан никем не стал бы без своего послушания. Это все из-за меня.

Но сперва позвольте мне закончить рассказ.

Прошло еще два дня, и Феслан больше ни словом не обмолвился о витраже. Он стал тише воды, ниже травы и вяло выполнял свои обязанности. Я понимал, что мне нужно поговорить с ним, но попросту был слишком занят и отложил на потом, когда найдется время.

В ночь на вторые сутки, уже после возвращения в спальню, я различил странный шум. Я читал в постели, как частенько это делал, прежде чем погасить свою лампу и уснуть. Шум повторился вновь. Звук был такой, как если бы он шел со двора церкви. Возможно, кто-то стучал в дверь. Я заложил книгу закладкой, отбросил одеяло и прямо в ночной рубашке направился ко входу в церковь. Шум раздался снова, и я поразился тому, как он напоминает мне царапанье, будто бы что-то скреблось о наружную стену здания.

Каменный пол охлаждал мне босые ноги, поэтому я поспешил через темноту, и только то, что я знал церковь как свои пять пальцев, помогло мне ни на что не наткнуться, пока я не вошел в святилище. В нем, сквозь витраж, брезжил свет полной луны, освещая мой путь к притвору и двери.

Хотя ночь – опасная пора даже для нашей мирной долины, я никогда не запирал дверь и верил, что храм всегда должен быть открыт. Здесь в любой час столь же радушно примут бедняков, как и тех, кто нуждается в знаниях – священном даре Огмы. Я распахнул дверь и выглянул в ночную темень, в которой резкий ветер ожесточенно гонял мертвые, коричневые листья по всему церковному двору.

Я не заметил чего-то необычного.

Снова слышалось царапанье. Что-то скреблось о каменную стену храма снаружи. Дерево? Звук был громкий, отчего я подумал, что лучше его проверить, и, несмотря на отсутствие обуви, плаща и света, переступил порог. Я обошел вокруг здания, но так ничего и не увидел. Нет, дерево росло не настолько близко, чтобы касаться ветвями стен. И человека или зверя, которые подняли бы шум, тоже было не видеть, правда, зрение нередко подводит меня ночью, а было совсем темно.

Но разве сияние полной луны не освещало церковь через витраж? Я посмотрел вверх. Небосвод скрывался за плотными облаками. Кроме того, я знал точно, поскольку тогда еще находился в здравом рассудке – той ночью не должно было быть полнолуния.

Я возвратился в церковь. Да, все святилище и неф по-прежнему заливал холодный, синеватый свет, и шел он через окно-розу. Я всматривался в витраж, понимая, что мне нужно проверить все еще раз, и потому, закаляя себя холодом, вышел на улицу снова.

Света не было. Обогнув здание, я поспешил к северной стороне церкви, к стене, на которой находилось окно-роза. Света не было. Я взглянул на витраж, но он выглядел так же, как и всегда, по крайней мере, насколько я разглядел во мраке.

И вновь я вернулся в святилище. Да, его, по-прежнему заполняло сияние луны (было ли оно тогда тусклым?). Я посмотрел на окно-розу, потом на освещенную церковь. Я стоял между множеством деревянных скамей в нефе, ведущем к алтарю, а свет отбрасывал тень от витража на все, что меня окружало. И кровь застыла у меня в жилах, ведь не тень в форме розы вырисовывалась там, как должно было быть, а очертание какого-то огромного, ничем не походящего на человека чудовища! Когда я посмотрел себе под ноги, то обнаружил, что стою прямо в разверзшейся пасти теневой твари.

Я побежал. Бросился к задней части церкви, зовя Феслана. Он вышел из своей комнаты, его взгляд был встревоженным и сонным. Без лишних слов я схватил с тумбочки чистый свиток, служащий символом могущества Огмы, и привел Феслана в неф.

Всюду царила тьма.

– Зажги свет, – велел я шепотом.

– Что случилось?

– Зажги свет!

Он запалил одну из многочисленных свечей, окружавших алтарь, и понес ее вперед. Сейчас мне подумалось, что Феслан знал церковь так же хорошо, как и я, потому что он нашел во тьме кремень, чтобы с его помощью зажечь свет. Ох, Феслан...

Как бы там ни было, свет свечи выхватил из мрака большую часть комнаты, хотя и смутно. Я с опаской посмотрел вокруг, в первую очередь на пол, где была тень, а потом на витраж.

– Пожалуйста, брат, – попросил Феслан. – Скажи мне, что тебя встревожило.

– Думаю, я что-то заметил, – осторожно произнес я, продолжая осматриваться кругом.

Он спросил сразу же, без раздумий:

– В витраже?

– Да, похоже на то. На самом деле это была тень, отбрасываемая светом через окно-розу.

Феслан посмотрел на меня. Множество вопросов читалось в его взгляде. У меня были те же вопросы.

– Не представляю, что это было, сын мой, – я положил руку на его плечо и, в последний раз взглянув вокруг, повел обратно к нашим комнатам.

Я взял у него свечу.

– Огма присматривает за нами, Феслан. – сказал я, – Просто мы этого не осознаем, но уж будь уверен, ведь от него ничто не скрыто, даже когда это секрет. К тому же, если ночные видения часто пугают, восход солнца всегда рассеивает страхи. Все будет хорошо. Лучше бы мне помнить об этом, а не пугаться теней в моем-то возрасте.

Феслан улынулся и кивнул.

После того, как юноша вернулся в свою комнату, я замедлил шаг и, все еще держа свечу в руке, направился к входной двери и запер ее. Я не остановился, чтобы посмотреть на витраж.

На следующий день, просто чтобы обезопасить церковь, я совершил все благословения и изгнания, которым меня когда-либо учили, надеясь, что божественная сила сможет очистить витраж и само святилище. Эти защитные ритуалы и молитвы, безусловно, должны были оградить нас от любого зла, какое бы там ни находилось минувшей ночью.

Остаток дня я провел, выхаживая заболевшего Маккиса Хиддла, который жил в нескольких милях дальше по дороге. Мой пост хранителя мудрости сделал меня также и самым сведущим лекарем в нашем захолустье. Так или иначе, вернулся я, когда совсем стемнело. Как и предыдущей ночью, ветер дул с севера, доставив мне немало холодных и неприятных минут в дороге. Я освободил лошадей от упряжи и завел их в стойла конюшни, что за восточной оконечностью церкви. Кони казались встревоженными, всхрапывали и переступали с ноги на ногу до тех пор, пока я не успокоил их яблоком, которое приберегал для себя. Я направился к входной двери в церковь, оглядев здание с севера, и взглянул наверх.

Как раз в это же время по другую сторону цветных стекол двигалась тень. Она была большой – достаточно большой, чтобы быть человеком. И сперва мне пришло в голову, что это Феслан. Неужели ему как-то удалось туда забраться? Я поспешил в святилище, но оно встретило меня лишь тишиной, а витраж выглядел так же, как и обычно.

Комната озарялась лампой, стоявшей на алтаре. Феслан знал, что я вернусь поздно, и по обыкновению оставил ее для меня. К тому же, наверняка немного еды и вина дожидались меня на столе. Улыбнувшись при этой мысли, я вздохнул – выставляю себя дураком из-за всех этих глупостей. После этого я быстро поужинал и отправился спать.

Той ночью страх вырвал меня из сна. Звук царапанья вернулся. Он отдаленно напоминал то, как собака, в надежде попасть внутрь, скребется в дверь хозяйского дома. Большая собака. От углей, тлевших в жаровне и тщетно пытавшихся прогнать холод из комнаты, я зажег прикроватную лампу и, когда вышел, то заметил, что дверь спальни Феслана уже открыта. Я заглянул туда, но комната была пуста. Похоже, мальчик уже встал – неужели он тоже проснулся от шума?

И тут я услышал крик.

Я сломя голову понесся в святилище, и пламя моей лампы едва не угасло, схлестнувшись с потоком холодного воздуха. Я лихорадочно огляделся.

– Феслан?

Мой голос поглотила мрачная пустота комнаты. Как получилось, что я стал бояться собственного святилища?

– Феслан, мальчик мой, где ты?

Никто не ответил.

Мой взгляд задержался на витраже. Мне показалось, что по его поверхности движутся темные фигуры. Снова игра света? (Сколько еще я мог повторять себе эти слова?)

Я горел желанием исследовать окно-розу поближе, но без лестницы мне никак бы не удалось подняться на такую высоту и, к тому же, было бы сложно осматривать его в темноте. Я снова позвал Феслана.

Выйдя на улицу, я проверил конюшню. Лошади и фургон все еще были там. Я обыскал всю округу, продолжая звать моего юного друга.

– Феслан!

К тому времени, как я вернулся к поискам в церкви, уже забрезжил рассвет, и можно было задуть лампу. Я знал, что нужно делать. Вернувшись в конюшню, я взял лестницу, а затем, несмотря на ее вес и размер, занес внутрь святилища и установил под витражом. Точно не знаю, что я думал найти, поднявшись по ней, однако, подхватил тяжелый подсвечник из алтаря и крепко сжал его в ладони. Сделав глубокий вдох, я начал взбираться.

Добравшись до верха, я вцепился в последнюю ступень лестницы одной рукой, а другой перехватил подсвечник на манер оружия. И заглянул в окно.

Я не поверил своим глазам. Вглядываясь в витраж, я наблюдал какое-то другое место – это был не церковный двор. Вместо него, передо мной открылось неведомое inferнальное царство теней, в котором покрытые слизью существа скользили по изломанной и жуткой местности. Что-то пронеслось по небу на крыльях, как у летучей мыши, казалось, что жирный след тянется от них за этим созданием. Окно не выходило на другую сторону. Или, вернее, выходило, но не наружу, а Вовне, на Внешний план. В ту секунду мой взгляд проник за завесу нашего мира. Меня как громом поразила мысль – там, по другую сторону окна-розы, лежит другое измерение, один вид которого повергает в дрожь. А еще я осознал, что его обитатели хотели попасть на эту сторону – в наш мир.

Боги! Меня тут же разом осенило: этот витраж – вместилище зла. Больше не существует (а, может, никогда и не было?) изящного творения некоего стекольщика, теперь его не назовешь всего лишь кусочками синевато-зеленого стекла, искусно собранными в узор. Витраж стал колдовской и порочной вещью. Он показал мне то, с чем ни одна живая душа вовеки не должна была столкнуться. Но что еще я мог извлечь из увиденного? Был ли витраж разновидностью портала или же это дверь?

Я поднял подсвечник повыше, мои глаза слезились от страха и ненависти. Я собирался разбить стекло – уничтожить витраж вместе с его злом, стереть тот отвратительный вид, который жил в нем. Это не было бы варварством или кощунством, ведь на самом деле окно-роза не принадлежало этому святому месту, и все же я остановился. Мне в голову пришла одна мысль (откуда?). Если бы я

проломил витраж, то уничтожил бы его или, наоборот, вызволил тех существ, которые клокотали и корчились в этом inferнальном царстве? Предотвратил их прорыв сквозь окно-розу или же открыл бы им проход, разрушив витраж? Вор в ночную пору часто разбивает окно, чтобы забраться в дом. Уничтожив его, я только сыграю им на руку и помогу без помех вторгнуться в наш мир.

Мне нужно было все взвесить, но так, чтобы не приходилось при этом удерживать шаткое равновесие на самом верху лестницы. Оттуда я все еще видел это царство кошмара, и, что гораздо хуже, думаю, здешние существа тоже заметили бы меня. Я спустился вниз и тяжело осел на пол возле алтаря.

Я был в полной растерянности. Что мне делать? Куда пропал Феслан? Это его крик я слышал или чей-то еще? Вдруг он каким-то непостижимым образом канул в витраже? Казалось, это невозможно. Что Тессен сделал бы в такой ситуации?

В сложные времена мои мысли всегда возвращались к старому наставнику. Я думал о Тессене, старинном аббатстве и о том, что Огма защитит нас.

Я оседлал одну из лошадей, сейчас уже не вспомню, какую именно. Из меня никудышный наездник, но я рассудил, что верхом, без фургона доберусь куда быстрее. Дорога через долину к старому аббатству заняла у меня большую часть утра.

Работники не тратили времени даром, от фундамента осталось лишь несколько камней. Все остальное бесследно исчезло, в том числе и какой-либо ключ к природе окна-розы, который я надеялся там обнаружить. Стену, где окно размещалось более ста лет, снесли, а пол, куда витраж когда-то отбрасывал свою тень, был разобран на части и покрыт щебнем, грязью и листьями.

Я стоял посреди всей этой разрухи и не сдерживал слез. Тессен совершил такой грех против Огмы, что не простится ему во веки веков. Он хранил тайну, чудовищную тайну... Кем же был мой наставник, хранителем окна-розы или его слугой? Мысленно вернувшись в прошлое, я не отыскал там ни намека на то злое начало, которое витраж проявил сейчас.

В конце концов, слезы закончились, и я вернулся к своей лошади. Возможно, все это лишь одно из испытаний в служении Огме, но мне нужно было с толком вооружиться сведениями, чтобы противостоять такому серьезному вызову. За прошлый визит сюда я как раз узнал, где еще могли найтись нужные ответы. Я вывел коня обратно на дорогу и направил его к деревне неподалеку, в которой, как я слышал, жил Грил, и где тот построил новую временную церковь.

На дорогу к его дому ушли почти все силы, я кое-как соскочил из седла на землю и постучал в дверь. Никто не отозвался, и тогда я забарабанил сильнее.

– Мастер Грил! – позвал я.

И вновь тишина.

– Мастер Грил, это Хранитель Мудрости Джаон. – Я продолжал колотить в дверь, остановившись только для того, чтобы убедиться, что она заперта.

– Я должен спросить вас о витраже, который купил у вас! – Стук кулаком сопровождал каждое слово, как барабанный бой, вторящий ритуалам в южных джунглях.

– Мне нужно задать вам вопрос о Верховном Хранителе Мудрости Тессене! – полностью обессилив, я сполз по двери. – Ответьте мне, – простонал я, – скажите, чему мы на самом деле поклонялись в этом аббатстве.

Когда я направлял коня обратно в свой приход, то знал – кто-то наблюдает за мной. Эти взгляды ни на миг не отрывались от меня, пока я колотил в дверь. И когда я, совершенно опустошенный, сидел на влажной земле перед домом Грила, а осенние листья кружили вокруг, как мои мертвые воспоминания или же всего лишь прекрасная ложь, кто-то следил за мной. Ни один человек в этой деревне не откликнулся, когда я звал. Никто не открыл свою дверь, но я знал, что с меня не спускали глаз. Даже тогда.

Сколько же местных селян участвовало в таких гнусных обрядах перед окном-розой, которые могут лишь смутно мелькать в моем воображении? Возможно ли, что эти ритуалы проходили даже тогда, когда я еще находился в старом аббатстве? Неужели я был настолько наивен? И, может... Нет, у меня уже не оставалось сил думать об этом – слишком тяжело и мучительно. И в моей собственной церкви еще оставались незавершенные дела, ради которых нужно было вернуться.

И к которым я как раз сейчас подхожу.

Я пишу это на следующий день после того, как поехал к руинам старого аббатства. Я до сих пор не спал и ничего не ел. Возвращаясь, я еще лелеял надежду, что чудесным образом застану Феслана здесь, и что тогда просто все не так понял. Но я не ошибся, и его здесь не оказалось. Я надел облачение своего ордена – белую рубаху и штаны, и кантлару – черный жилет, расшитый золотыми нитями. Эту кантлару сшила для меня моя бабушка, она тоже была хранительницей мудрости. Вдобавок я приготовил священный символ, вытащил посох, который держал возле двери на случай неожиданностей – палку, обитую железом и предназначенную для сражений, и собрался сделать свой ход, выступить против зла, которое сам же привез в свой приход.

Но я медлил. Вдруг я все же заблуждаюсь в своих предположениях? Что, если я выпущу этих существ? Я всячески убеждал себя, что это исключено. Ведь зло, подобное окну-розе, нужно искоренять. То, что я уничтожу его, будет лишь во благо. Возможно, так я даже освобожу Феслана, что бы его ни удерживало. Если, конечно, он все еще жив.

Остаток вчерашнего дня я провел у лестницы, которую так и не убрал из-под окна. Я не сводил глаз с витража, но весь день видел одни сине-зеленые стеклянные пластины. Ни движения, ни теней, ничего. Почему-то мои сомнения по-прежнему мешали мне подняться даже на первую ступеньку.

Я спорил с самим собой уйму времени, и это далось мне нелегко. Поэтому после того, как истощились и без того подорванные силы и усталость накопилась во мне так, как никогда, я и начал писать эту рукопись на тумбочке в своей спальне.

Целая ночь ушла в небытие, пока я излагал мою историю на этих нескольких листках пергамента. Теперь же я заканчиваю и собираюсь с духом, чтобы подняться по лестнице. Я разобью окно-розу и уничтожу все до мельчайшего осколка. Если я прав, и злу придет конец, то вернусь сюда, к моей рукописи, и брошу страницы в огонь, так что никто никогда не узнает об этих ужасных событиях. Но если я ошибся, значит, ты читаешь ее сейчас. Если так и есть, то, возможно, ты – кем бы ни был – будешь знать, что делать, и исправишь мои ошибки.

Я готов.

ПЕРВОЕ ЛУННОЕ ОЗЕРО

Дуглас Найлз

Впервые опубликован в Антологии "Королевства Магии" под редакцией Брайана М. Томсена и Дж. Роберта Кинга, в декабре 1995 г.

Одним из самых увлекательных аспектов написания фэнтези является создание окружающей среды, настоящей экологии, для воображаемого места. Острова Муншае под благодатной властью Богини Матери Земли были моим любимым местом в течение многих лет, из-за этой уникальной экологии. Эта история пытается проиллюстрировать эти тесные отношения в аллегории.

-Дуглас Найлз, март 2003 г.

Богиня существовала глубоко в коконе земли, вечное существо, возникшее из камня, ила и огня, чье тело было укрыто глубинами бескрайнего неизведанного моря. Как все бессмертные, она обращала мало внимания на непрерывное течение веков, ритмичный пульс времени. Только постепенно, по прошествии несчетной вечности, она осознала, что вокруг и над ней в океане изобилует жизнь. Она познала присутствие этой жизни во всех видах, что процветали и росли; с самого начала она поняла, что жизнь, даже в самых простых и самых быстротечных формах, это благо.

Глубокие воды омывали ее тело, а вулканические огни ее крови раздулись, ища освобождения. Она была живым существом, и поэтому она росла. Ее сущность расширялась, медленно поднимаясь из глубин океана, на протяжении тысячелетий разливаясь по впадинам морского дна, осознанно и решительно стремясь вверх. В течении веков ее кожа, дно моря, пробилась сквозь королевство черноты и индиго и синевы в направлении мерцающих аквамаринových просторов и тепла, которое разительно отличалось от горячей пульсации лавы — ее собственного сердцебиения.

Жизнь в своем многообразии развивалась вокруг нее, сначала в виде простых существ, затем в более крупных и развитых формах. Живность изобиловала в воде, что покрывала и охлаждала ее тело. Глубокие раны беспрестанно открывались в каменистой плоти ее тела, и ее кровь волновала холодную воду пенистыми взрывами пара.

Между этими шипящими извержениями, она ощущала кружение гигантских форм, плавающих рядом, дышащих холодным, темным морем. Существа с плавниками и щупальцами, чешуей и жабрами собрались к теплу ран матери земли – ран, которые не причинили никакой боли, но давали возможность расширяться, пробиваться выше через проясняющиеся воды моря.

И, наконец, в жизни, собранной в ее груди, она ощутила больших существ с сердцебиением и теплой кровью. Эти мощные животные плавали подобно рыбам, но были покрыты гладкой кожей вместо чешуи и поднимались над поверхностью моря, чтобы глотнуть воздуха, который заполнял пустоту сверху. Матери нянчили свою молодежь, как богиня растила своих детей и заполнившееся жизнью море. Важнее всего, в этом последнем пополнении богиня ощутила пробуждение ума, мысли и рассудка.

Не задумываясь о течении тысячелетий, чувствуя прохладу моря над ее скованным камнем телом, физическая форма богини продолжала расширяться. Наконец, часть ее существа, возвысилась над взбудораженным штормом океаном и почувствовала новый вид тепла, сияния, шедшего из неба. Временами это тепло скрывалось одеялом холодной пыли, но морозный слой регулярно исчезал, уступая теплу, успокаивающей воде, которая омывала плоть богини, и золотым лучам, гладко струившимся с неба.

Под влиянием открытого неба плоть богини охладилась, и новые разнообразные формы жизни укоренились на ней. Существа, обитавшие в море воздуха, обратили лица к облакам. Многие не ходили или плавали, но прикрепили себя к земле, протянули величественные ветви вверх, создавая зеленые жилища на пространстве суши. Рост этих высоких и мощных деревьев, подобно всем формам жизни, доставлял удовольствие богине. Она ощущала пробуждение и ослабевание лесов, покрывавших ее кожу, изучила холод и тепло времен года с большей остротой, чем раньше.

Это было осознание, которое позволило матери земли наконец-то ощутить течение времени. Она знала времена года, и по изменениям погоды она изучила строение года. Она считала время, как человек мог измерить свое дыхание и сердцебиение, хотя для богини каждый удар сердца был сезоном, каждый вздох — новым годовым циклом. Годы проходили десятками, сотнями и тысячами, и ее осознание становилось ярче, сильнее.

Горячая кровь ранних эпох остудилась, подводные извержения закрыл твердый камень. Выступавшая над волнами твердь покрылась лесами, лугами, прогалинами и болотами. Моря и озера омывали землю, охлаждая богиню и питая пресной и соленой водой множась разнообразие живности.

Богиня продолжала чувствовать единение с теплокровными существами, живущими в глубинах, которые всплывали на поверхность и возвращались, делясь образами бескрайнего небесного свода, сладкого поцелуя морского бриза и

великолепия высоких вздымающихся облаков. Ее любимцем среди этих морских существ был один, который питался от ее груди с незапамятных времен, кормясь водорослями и планктоном, что собирались у источников ее тепла. Он десятилетиями дремал в ее объятиях. Она знала его как Левиафана, первого из ее детей.

Он был могучим китом, крупнее, чем любая другая рыба или млекопитающее в этих морях. Его сердце было добрым, а ум — наблюдательным, острым и терпеливым, ведь только тот, кто прожил столетия, мог познать терпение. Большие легкие заполняли его мощную грудь, и он чувствовал жизнь в ритме, который богиня могла понимать. Иногда он вдыхал воздух и опускался в глубины, оставаясь там в течении нескольких сердцебиений богини — годами в пересчете на бурный темп жизни других теплокровных существ.

В долгом, безмолвном общении с матерью-богиней Левиафан лежал в глубокой впадине на дне моря, ощущая струящуюся теплоту ее огненной крови, пульсировавшую под слоем камня. За это время большой кит передавал образы, которые он заметил над волнами, вид растущей зелени на многочисленных островах матери земли, изобилие существ, обитающих не только в море и на земле, но даже сбивающихся в стаи в небесах.

И он поделился своими воспоминаниями облаков. Это больше, чем что-либо другое, разжигало огни воображения матери земли, наполняло удивлением ее сердце и порождало любопытство в ее существе.

Общаясь с Левиафаном, разделяя его воспоминания о том, что он заметил, богиня начала осознавать кое-что: в отличие от многих существ, что обитали на ее плоти, она была абсолютно слепой. У нее не было никакой возможности, ни одного чувства, через которое она могла бы увидеть мир жизни, процветающей на ее физической форме.

Единственные зрительные образы, доступные ей, были из памяти большого кита, и они были бледными и туманными подобиями реальности. Богиня хотела сама увидеть небо с облаками, дождем и солнцем, узнать животных, что изобиловали в ее лесах и полянах, деревья, корни которых тонули глубоко в ее плоти.

От Левиафана богиня узнала о глазах, волшебных шарах, которые позволяли животным наблюдать чудеса вокруг них. Она узнала о них и желала их ... и изобрела план создания глаз для себя.

Левиафан поможет ей. Большой кит отпил из подводного фонтана, впитывая силу и волшебство матери земли. Легкими ударами мощных плавников он двигался в направлении поверхности, плывя через проясняющиеся тени воды до тех пор, пока его широкая спина не поднялась выше волн, ощутив поцелуй солнечного света и ветерка.

Левиафан целеустремленно плыл к глубокой бухте, проскальзывая по узким проливам меж скалистыми полосками суши в направлении западного берега одного из любимых островов матери земли. На севере возвышались горы, до увенчанных снегом вершин которых не добралось весеннее тепло с берега. К югу была полоса зеленого леса, простиравшаяся далеко от скалистого берега, покрывая большую часть острова.

В конце залива, где соединялся ландшафт севера и юга, вода оставалась достаточно глубокой, чтобы Левиафан плыл без труда. Он прибыл в место, выбранное богиней, и в своем теле принес ее тепло и магическую сущность. С мощным пенистым взрывом он выбросил жидкость в воздух, выстрелив струей теплого дождя. Драгоценная вода выплеснулась на камни береговой линии, собралась в многочисленные потоки и стекла вниз, собираясь в скалистой чаше возле покрытого гравием пляжа.

Сущность богини собралась в этом озерце молочными водами могущественного волшебства. Ее лицо сосредоточилось на небе, на куполе, который она так долго воображала. Первая вещь, которая попала в поле зрения, была совершенным белым шаром, восходящим в сумеречных небесах, поднимавшимся выше и выше, излучая отраженный свет на тело и кровь матери земли.

Из вод ее только что созданного озера богиня наблюдала луну. Алебастровый свет отражался от отмелей и волн на побережье и окутывал все вокруг. Богиня увидела этот свет и была довольна.

Все же еще была неясность в ее видении, размытый туман, который мешал целиком наблюдать мир. Левиафан был в открытом море, плескаясь в бурных волнах, но озеро было далеко от него, отделенное сухой землей и скалами. Тогда богиня поняла, что ее детей в одном лишь море недостаточно.

Их присутствие требовалось и на земле.

Отощавший волк с косматой серой шкурой, потрепанной после долгой зимней спячки, мчался за сильным оленем. Тот легко бежал сквозь весенние заросли, не выказывая той безоглядной паники, которая наверняка побудила бы более молодого оленя к неосмотрительному, - и в конечном счете гибельному - бегству. Вместо этого гордое животное ограничивалось грациозными прыжками, оставаясь вне досягаемости голодных челюстей и меняя направление только при виде более прямого пути.

Голубые глаза на острой волчьей морде оставались сосредоточенными на величественных оленьих рогах. Терпение, советовал волчий инстинкт, знавший, что стая может достичь того, чего не мог бы один сильный охотник. Как будто бы в ответ на мысль их лидера, другие волков вырвались из укрытия сбоку, спеша присоединиться к охоте. Но олень хорошо выбрал свой путь: длинный поворот увел его от новых охотников, не позволив и вожаку сколько-то сократить дистанцию.

Низкий утес вырисовывался впереди, и хотя в долине не было ни ветерка, олень ощутил новую засаду — псовые формы скрывались в густом папоротнике у кромки тенистых глубин леса. Олень бросился в известняковый обрыв, спрыгнув с кошачьим изяществом, и сумел найти точку опоры для копыт на каменных выступах.

С напряженным фырканием и раздувающимися ноздрями, первыми внешними знаками отчаяния, олень карабкался вверх по скале в три раза выше его собственного роста. Трое волков сорвались из укрытия в папоротнике внизу, воя от голода и разочарования, когда олень достиг вершины утеса и снова увеличил

скорость. Копыта били и стучали по твердой земле, и олень, взмахнув белым хвостом, устремился к открытой местности.

Но лидер маленькой стаи волков не должен был, не мог допустить поражения. Бросившись на каменную стену, он карабкался, цеплялся и тянулся вверх, вкладывая всю силу мощных задних лап, подгоняемый голодным отчаянием. Наконец, широкие передние лапы достигли вершины, и хищник снова помчался за добычей, вторя воем тяжелому дыханию бегущего оленя.

Другие волки пытались следовать за ним, хотя большинство отстало. Еще несколько молодых самцов и гордая, желтоглазая самка одолели подъем. Их охотничья песнь присоединилась к шуму погони и задала направление для более слабых волков, которые бежали по другой стороне известнякового обрыва, ища более удобное место, чтобы пересечь его.

Усталость начала одолевать вожака, в движениях появилась неуверенность, которой раньше не было. И все же запах добычи был силен, и в нем чувствовалось изнеможение самого оленя, его растущее отчаяние. Это придало надежды волку, и он поднял свою голову в призывном, предвкушающем вое остальной стае, прозвучавшем подобно молитве среди безмолвных гигантских деревьев, укрывших зеленью прохладную землю.

Но могучий олень обрел второе дыхание, которое удивляло и пугало гордого охотника. Хищник мчался через лес, припадая к земле, и косматый хвост вытянулся в стрелу. Яркие голубые глаза сосредоточились на образе убегающего оленя, на рогах, задевающих ветки и листья. Больше не воя, чтобы не тратить попусту ни одного отчаянного, задышающегося вдоха, напрягшийся волк гнался в мертвой тишине.

И в этом молчании он начал ощущать свое поражение. Стремительные фигуры его товарищей шелестели словно призраки в покрытой папоротником земле позади его, но и они не были способны преодолеть расстояние, отделяющее от убегающей добычи. Даже желтоглазая самка, длинные челюсти которой раскрылись в клыкастой голодной усмешке, не могла больше выдерживать темп.

Олень резко повернул и бросился влево. Срезая угол, ведущая пара волков сократила расстояние. Скоро самец бежал сразу позади с левого бока добычи, а сильная самка приблизилась с противоположной стороны. Пара охотников обложила оленя с обеих сторон, чтобы пресечь любую попытку изменить направление.

Но олень продолжал свой бег с непреклонной решимостью, словно обнаружил цель. Он бежал вниз по склону широкого хребта, ныряя в заросли, перепрыгивая большие валуны, которые были бы препятствием для более мелких существ. Лес раздался в стороны еще больше, и за просекой показалась полоса голубой воды, бухта, разделившая неровную землю.

Наконец олень вырвался из леса и поскакал через широкую пустошь. Мягкая земля гасила удары широких копыт, и, хотя язык оленя свисал из широкой пасти, а ноздри бешено раздувались с каждым вздохом, животное даже ускорило свой отчаянный бег.

Но то же сделали и волки. Больше и больше их вырывались из леса, прокладывая путь через болотистый луг, мчась в мрачном и целеустремленном

молчании. Если бы большой вожак оглянулся назад, он обратил бы внимание на неожиданное количество клыкастых хищников, куда большее, чем было в его стае, когда они собирались в логове для зимнего отдыха. И все еще больше волков следовало вдоль берега, собиралось с севера и юга, плоскогорья и побережья, привлеченные охотой, сотни серых силуэтов, стекающих к одной точке.

Олень наконец пошатнулся, но не из-за усталости. Животное замедлилось до величественной рыси, высоко задрав гордые рога. Море было близко, но самец не стремился к побережью. Вместо этого лесной король свернул вдоль скалистого берега в направлении озера, лежавшего в совершенном укрытии каменной чаши.

Водоем располагался слишком высоко, чтобы быть результатом прилива, и не был похож на скопление дождевой воды или стоков. Вода в нем была бледной, почти молочно-белой, и кружилась в гипнотическом водовороте. Берег был крут, но в одном месте скалы образовали подобие ступеней, позволяя оленю осторожно спуститься вниз.

Волки собрались на скалах, окружив оленя и озеро, зная, что добыча в ловушке. И все же некоторое безмолвное принуждение держало голодных хищников на расстоянии. Блестящие умные глаза наблюдали, как морда оленя коснулась поверхности воды; свесив длинные языки, хищники ждали, пока их добыча напьется.

Большой олень долго лакал воду Лунного Озера и, наконец напившись, повернулся и пошел прочь в направлении вожака стаи. Олень поднял голову к облакам, обнажая косматое горло, и издал последний, победоносный рев.

Когда волк укусил выставленную шею, он сделал это почти нежно. Убийство было быстрым и чистым, и хищник не обратил внимания на красную кровь, которая согрела его челюсти и должна была разжечь голод и желание своим свежим манящим запахом. Вместо этого волк поднял голову и сосредоточил взгляд ярких глаз на тех же облаках, которые были последним зрелищем в жизни могучего оленя.

Долгий вой разнесся по пустоши, и к вожаку присоединилась остальная часть стаи в песне радости и поклонения, в музыке, которая славилась их мать и создательницу.

Когда стая наконец приступила к пище, кровь оленя бежала алыми ручьями по каменным ступеням. Хотя волков было без счета, сейчас, мяса хватало для всех. С чувством абсолютной сытости каждый хищник, съев свою долю, пил молочную воду озера.

Пир длился больше, чем весь день, и, наконец, яркая полная луна поднялась над мерцающей водой. Щенки родились под этим светом, и детеныши резвились рядом с могучими взрослыми.

Красная кровь смешалась с водой Лунного Озера, и богиня видела и праздновала со своими детьми. Ей виделась прекрасной смелая жертва оленя, а кровь могучего животного освятила воды ее Лунного Озера.

И поддержала равновесие жизни ее детей.

ВЕЛИЧАЙШИЙ ИЗ УМЕРШИХ ГЕРОЕВ

Дж. Роберт Кинг

Впервые опубликован в Антологии "Королевства Злодеяний" под редакцией Джеймса Лоудера, в декабре 1994 г.

На самый мой первый рассказ по миру Забытых Королевств меня вдохновила деревенька, расположенная высоко в Сноудонских горах, в Уэльсе. Будучи студентом колледжа, я путешествовал по тем местам автостопом, и яростные, снежные ветра тех мест хорошо мне запомнились. Бывало, что я из последних сил добирался-таки до студенческого хостела, моя всключенная борода была покрыта снегом и мои плечи сгибались под тяжестью армейского рюкзака. Наверно, мой силуэт тогда казался странной, может даже зловещей фигурой. Так и начинается эта история...

-Дж. Роберт Кинг, март 2003 г.

Дж. Роберт Кинг написал девятнадцать романов в жанре фэнтези, из последних – цикл «Намиск» (Onslaught Cycle) для Wizards of the Coast и трилогия «Безумие Мерлина» (Mad Merlin Trilogy) для издательства Tor.

Штормовые ветра, поднимающиеся со стороны Великого ледяного моря, часто пригоняли в цитадель Кюриг скверные вещи. Сегодня, в дополнение к метели и бушевавшей буре, ветер принес ужасно злобного мужчину.

Никто не знал, что это за человек, когда он вошел через побитую дверь «Воющего Камыша». Все видели в нем лишь огромного, завернутого в темный плащ и облепленного снегом незнакомца. Те, кто сидел ближе к двери, отпрянули от ветра и вынырнувшего из него громадного силуэта; отпрянули, когда дверь за промокшей фигурой захлопнулась, гулко врезавшись в раму. Не обтрусив снег со своих сапог, незнакомец, прихрамывая, направился по полированному полу через весь зал «Камыша» напрямик к дрожащему огню камина. Там он низко склонился, подбросил еще пару бревен в огонь и встал, закрыв все тепло очага, чем бросил огромную тень на все помещение.

Шум разговоров в «Камыше» затих, как только все пристальные взгляды в крошечной пивной оказались прикованы к потрепанной фигуре.

Силуэт незнакомца на фоне очага был похож на какое-то большое, неправильно собранное чучело. У него не было руки, его правый рукав был приколот к левому плечу, а левая рука выполняла все команды скверно пахнущего тела. Неспешно, единственная рука откинула часть одежды, под которой промокший незнакомец уже не казался таким бесформенным. Несмотря на все свои действия, он не снял капюшон с головы – головы, которая, похоже, была раза в два меньше, чем должна была быть для его тела. Под капюшоном скрывалось старое спокойное лицо с обветренными губами, аккуратной черной бородкой, и крючковатым носом. В целом

он выглядел так, словно огромный мужчина, скрывавшийся под одеждами, управлял какой-то кукольной головкой с неправильно подобранными пропорциями, которая служила ему лицом.

Когда он заговорил, присутствующие слегка вздрогнули от его басистого скрипучего голоса.

– Быть может, кто-то из вас не пожалеет серебра на тарелку супа и глоток эля?

Кроме пустых отрицательных взглядов, никаких ответов не последовало. Даже Гораций за барной стойкой не предложил незнакомцу стакан воды. Очевидно, что все скорее предпочтут гнев незнакомца, чем накормят его за свой счет.

Мужчине, судя по всему, был знаком такой ответ, поэтому он медленно покачал головой и рассмеялся сухим, как опавшие листья смехом. Несколько неуверенных шагов привели его к стулу, который еще не успел остыть после предыдущего клиента. Там он и рухнул, тяжело выдохнув, словно кузнечные меха.

– В землях Соссала, откуда я родом, любой может заработать на еду и выпивку, рассказав добротную историю. И так уж вышло, что у меня есть такая история, ведь моя страна вырастила величайшего из героев, что когда-либо жили. Возможно, его история сможет заработать мне что-нибудь тепленькое.

Те, кто предпочел бы отделаться от него пустыми взглядами и грубым молчанием, попытались отвернуться и продолжить свои разговоры. Гораций, в свою очередь, вышел через створчатую дверь на кухню, к грязной воде и гуде посуды.

Не смотря на все это, потрепанный старик начал рассказ, хрустнув своими посиневшими пальцами. Зеленые искры вспыхнули в воздухе, закружились подобно лопастям вокруг незнакомца и разлетелись в стороны, освещая темноту. Эти огоньки осветили всех находящихся в пивной, а затем – погасли между жирных складок кожи у кустистых бровей завсегдатаев.

Тихий треск магии был нарушен единственным звуком – шипением незнакомца, призывавшим к тишине. Через мгновение все снова замолчали, и рассказ начался:

– Когда-то земли Соссала защищал благородный рыцарь, сэр Парамор, величайший герой из когда-либо живших на свете...

Златовласый, с глазами цвета платины, закованный в броню, сэр Парамор шел через тронный зал короля Каэна. Любого другого рыцаря уже разоружили бы и заставили снять доспех еще на подходе к залу, но только не благородного Парамора. Приблизившись к королевскому помосту, он двинулся вперед, размахивая своим сокрушающим заклинания мечем, Нэумой, и волоча за собой мешок. Король, принцесса, взволнованная свита прекратили свое совещание и взглянули на рыцаря. Лишь оказавшись на расстоянии взмаха меча от его величества, Парамор покорно преклонил колена.

Король, чье лицо было обрамлено рано посидевшими волосами, заговорил:

– Так ты задержал тех похитителей?

– Лучше, милорд, – ответил Парамор, поспешно поднявшись, что можно было бы посчитать высокомерием, будь на его месте кто-то другой.

Рыцарь потянулся к мешку и показал отвратительную кучу из пяти голов похитителей, которых он прикончил.

Дочь короля отшатнулась. Только тогда король Каэн и сам заметил на холодной плитке широкую, скользкую красную линию, которую оставил за собой мешок сера Парамора.

– Милорд, вы смотрите на лица бандитов, которых искали, – пояснил рыцарь.

В последовавшей тишине волшебник Дорсум подошел сзади к трону, месту, где его губы, обросшие черной бородой, привыкли нашептывать королю на ухо.

– Ты должен был привести их сюда для допроса, Парамор, – сказал волшебник, – а не отрывать им головы.

– Спокойно, Дорсум, – упрекнул король жестом. – Пусть рыцарь расскажет, как все было.

– Все просто, милорд, – ответил Парамор. – Я сам допросил похитителей и, когда понял, что у них закончились ответы, отсек их пустые головы.

– Что за бред, – заявил Дорсум. – Ты мог просто взять и отрезать головы первых пяти попавшихся крестьян, а затем принести их сюда и объявить их виновными. Должен был состояться суд. И даже если эти пятеро и были виновными, что мы теперь уже никогда не узнаем, как и не узнаем о том, кто нанял этих разбойников для их отвратительной задачи.

– Они – похитители, которые украли детей у этих благородных людей, собравшихся вокруг нас, – ответил Парамор уже более жестко. – Если уж на то пошло, я был слишком милосердным.

– Ты воспрепятствовал суду...

– Придержите язык этого червя, – потребовал Парамор у короля, выставив свой могучий меч напротив надоедливого мага. – Или, возможно, сперва должны этим заняться мои воины!

Большие двери тронного зала неожиданно широко распахнулись, и раздался топот ног... маленьких, детских ног, радостно бегущих по залу, за их спасителем. Пока они бежали, их звонкие голоса возносили молитвы сэру Парамору.

Увидев детей, придворные спустились с помоста и бросились обнимать своих дочерей и сыновей, которых так долго держали в плену. Плач и причитания заглушили протесты Дорсума, который молча отступил назад, на свое место за тронном. Казалось, будто сами звуки радости вынудили его вернуться в темноту.

Ухмыляющийся Парамор обратился к королю, заглушив возбужденные голоса:

– Полагаю, повелитель, вы у меня в долгу. Как мне было обещано, за спасение этих дорогих малышей, я прошу изящнейшей руки во всем Соссале. Руки вашей прекрасной дочери, принцессы Даэдры – вот чего я прошу.

Требование Парамора поддержали возгласы детей, оставивших своих родителей, чтобы столпиться у ног своего спасителя. Со своего места они горячо умоляли удовлетворить просьбу рыцаря.

Молочно-белые щеки Даэдры покраснели, а губы сложились в кроваво-красную линию. Лицо короля застыло в раздумьях. Но прежде чем кто-либо успел что-то сказать, просьбы ребятни были заглушены сердитым криком:

– Умолкните, дети! – приказал худощавый придворный, его черные глаза сердито сверкали под такими же черными бровями и волосами. – У ваших желаний

здесь нет веса. Рука принцессы была обещана мне еще со времен моего детства, еще со времен ее рождения. Этот выскочка-рыцарь, – последнее слово он произнес так, словно это было чем-то гадким, – не может украсть ее у меня, как и ваше наигранное мяуканье.

– Так и есть, – грустно сказал король, качая головой. Он замолчал, словно слушая чей-то тихий голос, шепчущий из-за трона. – Я вынужден согласиться, Парамор, и отдать руку принцессы лорду Фэррису.

Сэр Парамор убрал меч и сердито скрестил руки на груди.

– Проклятый маг, – сказал рыцарь, – выйди из тени великого человека, за которой ты прячешься. Твои нашептывания не смогут разубедить моего повелителя и монарха в том, что его, а что – мое, и чего желает сердце принцессы.

Сказав это, Парамор коснулся рукояти своего могучего меча, Нэумы, чтобы развеять любое заклинание, которое Дорсум мог наложить на короля. Затем он хрустнул пальцами, и от этого хруста в воздухе родились крошечные искорки. Королевская свита и сам король, будто пробудившись, повернулись к магу, скрытому тенью. Дорсум угрюмо ответил на призыв и вышел на свет.

– Милорд, не обманывайтесь трюками этого...

– Умолкни, маг, – спокойно оборвал король Каэн, смотря на Дорсума очищенным взглядом. Затем он повернулся, чтобы обратиться к худощавому придворному: – Лорд Фэррис, я знаю, что рука моей дочери была обещана вам еще тогда, когда вы не понимали, что это значит. Но время шло, и вместе с тем оно выявило более благородного человека, который заслуживает руки принцессы. И в самом деле, он покорила ее сердце, так же как и мое, многими великими делами, ни одно из которых не сравнится со всеми делами вашей жизни.

– Но...

Король поднял руку, а выражение его лица стало суровым.

– Теперь я твердо в этом убежден. Вы не сможете меня переубедить, только разозлить, поэтому помолчите, – его железный взгляд смягчился, когда он взглянул на Парамора. – Королевским указом, пусть все знают, завтра, ты женишься на моей дорогой дочери.

От всех присутствующих послышались приветственные крики, за исключением лорда Фэрриса и Дорсума, конечно же. Радостные голоса доходили до самого основания дворца и каменного свода над ними.

Лишь жалобный и пронзительный крик служанки заставил всех замолчать:

– Мой Джереми! – закричала она, перебирая светло-голубой шарф в нежных, маленьких руках, когда вошла в двери. – О, сэр Парамор! Я искала и осмотрела всю эту толпу, и проверила за дверями у стражи, его здесь нет. Где мой Джереми?

Сэр Парамор ступил вниз со своего заслуженного места перед королем, слезы текли по его лицу:

– Даже я не смог спасти твоего сына, после того, что эти мародеры сделали с ним...

– Ее плач было горько слышать, – низким голосом пробормотал незнакомец, и все слушатели впитали в себя этот хриплый звук, – это было так горько, что даже злобный Дорсум закрыл уши...

– Ну, все. Больше никто из вас не получит эль. Мне плевать, насколько сильная сейчас буря снаружи; буря внутри куда сильнее, и она сейчас надерет задницу этому чужаку!

Это был Гораций, толстяк Гораций, который следил за этой пивнушкой в крошечной щели в Криптгарденских горах, который кормил яйцами и колбасой дедов, отцов и сыновей тех, кто собрался тут. Добрый народ цитадели Кюриг научился доверять инстинктам Горация касательно погоды, времени засеять, политики и людей. Но даже несмотря на это, в эту самую ночь, из-за одного единственного человека, Горация никого не одарил приятным или дружелюбным взглядом.

– Заткнись, Гораций, – вскрикнула Анната, жена рыбака. – Ты даже не слушал, гремя там своей посудой так, что нам пришлось напрягать слух, чтобы разобрать хоть что-то.

– Да, – слышался одобрительный хор.

– Я достаточно услышал из кухни, достаточно, чтобы понять, что этот страхолуд выдает чушь за правду! Он рисует короля Казна бесхарактерным и несобранным простаком, когда все мы знаем, что он сильный, справедливый и полностью владеет собой. А что до Дорсума, так разве он не показан каким-то злобным магом, когда, на самом деле, он мудр и добр? И лорд Феррис тоже?

Финэас, странствующий жрец Торма, заговорил:

– Я целиком за правду, как вы все знаете, но у каждого барда своя правда, как и каждого хозяина таверны свой бренди. Так пусть он расскажет свою историю, Гораций, а ты и дальше подливай бренди, и меж двух этих зол мы согреемся в такую свирепую ночь.

Сам незнакомец протянул дрожащую левую руку, которая была вынуждена работать за обе, и сказал своим скрипучим голосом:

– Это твоё заведение, дружище. Прислушаешься к желаниям своих постояльцев или вышвырнешь меня?

Гораций скривился:

– Я даже бешенную собаку не выброшу наружу в такую погоду. Но выброшу тебя сразу же, если только ты не заткнешься, дружище. Мало того, что ты врешь, так еще и насылаешь сонный, ненормальный вид на постояльцев, а я не люблю, когда платежеспособные клиенты засыпают у меня.

Этот комментарий встретило еще больше протестов, которые Гораций безуспешно попытался унять.

– Хорошо. Я позволю ему говорить. Но помяните мое слово: он завладел вашими душами. С помощью своих слов, он приворожил вас магией. Я, к примеру, не собираюсь это слушать.

Кивнув своей затененной и мокрой головой, незнакомец увидел, как Гораций исчез на кухне, а затем, похоже, принялся яростно изучать его сквозь стену, когда рассказ продолжился.

– И хотя острый язык лорда Фэрриса придержали перед королем, знатью и детьми тем утром, никто не смог бы сдержать рук лорда ночью, когда он прокрался сквозь слабоосвещенный замок в личные покои сэра Парамора.

– Но другое дитя ночи – призрак бедного мертвого Джереми – было несогласно со зловещими планами Фэрриса. И действительно, призрак Джереми чувствовал зло и поэтому нес призрачный дозор на лестнице у покоев Парамора. Когда он заметил лорда Фэрриса, излучающего тьму у основания лестницы, призрак полетел с предупреждением к кровати своей бывшей подруги Петры...

Петра была русой девочкой и предводителем местной своры знатных детей. Джереми обнаружил ее в постели в одной из комнат замка, поскольку король Каэн предложил детям и их родителям провести ночь здесь. Бедный Джереми наблюдал своими грустными призрачными глазами за покоящейся Петрой, теми самыми глазами, которыми он недавно смотрел на свое собственное бездыханное, безжизненное и обезглавленное тело.

– Проснись, Петра. Проснись. У меня ужасные вести о нашем спасителе, сэре Параморе, – заскрипел голос мальчика-призрака.

Его призрачный голос был высоким и напряженным, будто голос взрослого, который пытался пародировать ребенка.

И Петра проснулась. Когда она взглянула на своего почившего друга, ее храброе девичье сердце затрепетало: в отличие от высших призраков, увешанных прозрачной паутиной, у бедного Джереми не было даже тела, на которое можно было бы повесить такое украшение. Он был бестелесной головой, зависшей в шаге от ее кровати, но даже так из его шеи медленно капала кровь, которая недавно была ключом. Картина была настолько абсурдной и ужасной, что храбрая девчушка не смогла выдавить из себя и слова приветствия для своего мертвого друга.

– Это лорд Фэррис, – впопыхах сказал мальчик-призрак. – Он планирует убить нашего сэра Парамора там, где он сегодня ночует.

Петра справилась с заиканием и испуганным взглядом.

– Ты должна остановить его, – призывал призрачный голос.

Она встала с пухового матраса, кутая ноги одеялом. Грустными глазами маленького мальчика, который видел в маленьких девочках матерей, сестер, возлюбленных и врагов – всех сразу – бедный Джереми смотрел на нежные руки Петры, пока она собиралась.

– Я скажу маме... – наконец прошептала она.

– Нет! – его голос был пронзительным и резким. – Взрослые не поверят. Кроме того, сэр Парамор спас наши жизни этим утром. А ты можешь спасти его жизнь уже сейчас, этой ночью!

– Я не смогу остановить Фэрриса в одиночку.

– Тогда собери остальных, – прорычал Джереми. – Разбуди Баннина и Лизель, и Ранвена, и Парри, и Маб, и Кару, и всех остальных тоже. Скажи пусть возьмут отцовские ножи. Вместе вы сможете помочь нашему спасителю так же, как он помог нам.

Петра уже затягивала узлом одеяло на груди и, затаив дыхание, натянула тапочки.

– Быстрее, – командовал Джереми. – Уже сейчас лорд Фэррис поднимается по лестнице в покои сэра Парамора!

После такого резкого пояснения, Петра ахнула, а Джереми – исчез.

Оповещенные и собранные в течение следующей пары мгновений, дети последовали за Петрой по лестнице. Это была длинная и извивающаяся лестница, которая вела в высокую башню, где сэр Парамор решил остановиться. Ступени было плохо видно, они освещались в основном слабым свечением звезд сквозь редкие узкие окна-бойницы, которые использовали при обороне для стрельбы из лука. Но когда Петра и ее дети-воины начали подъем, то они заметили впереди расплывчатое, мерцающее сияние свечи.

– Тихо, – прошептала Петра.

Баннин, парень с русыми волосами и вполтину младше ее, серьезно кивнул и взял ее за руку. Близнецы Лизель и Ранвен подбадривающе улыбнулись друг другу. Тем временем, Парри, Маб, Кара и остальные собрались в задней части их отряда и положили руки на ножи.

– Это должно быть свеча лорда Фэрриса, – сказала Петра, указывая на свет. – Нам нужно вести себя тихо или он догадается, что мы идем.

Дети кивнули, ведь они обожали Петру так же сильно, как Джереми, когда он был жив. Они последовали за ней, стараясь изо всех сил вести себя тихо и скрытно, хотя у детей свои понятия на этот счет, отличающиеся от взрослых. Они продолжили движение на цыпочках, звуки шагов глухо отбивались от кривой стены столовой, пока детские губы громко перешептывались. Пока они поднимались, свет стал ярче, а страх – сильнее, а их голоса задрожали от всего этого напряжения.

Учитывая их бубнеж, неудивительно, что пройдя по кривой и холодной каменной лестнице, они встретились с лордом Фэррисом, который навис над ними; его худощавое тело подобно паутине закрыло узкий проход.

– Что это вы здесь делаете? – спросил он тихим голосом, от которого повеяло холодом вниз по лестнице, мимо детей.

Отряд юных храбрецов затрепетал от грубого приветствия, но не дрогнул.

Петра, единственная, кто даже не шелохнулся, твердо спросила:

– А вы что делаете?

От этого глаза лорда вспыхнули, и его рука в перчатке упала на кривую рукоять кинжала.

– Ступайте, – сказал он.

Группа заколебалась, некоторые позади даже невольно шагнули назад. Но Петра сделала что-то невероятное. С кошачьей скоростью и гибкостью молодой девушки, она проскользнула мимо укутанного в черный плащ мужчины и его ножа. Затем она остановилась, загородив ему путь вверх.

– Мы остаемся. Вы – уходите, – непринужденно заявила Петра.

Губы лорда Фэрриса скривились в гримасу. Рукою он схватил девочку за плечо и резко дернул вниз по лестнице. Петра не смогла устоять на сырой каменной кладке, и нога неестественно изогнулась под ней. Затем раздался хруст, похожий треск

зеленого дерева, и короткий всхлип. Петра скрутилась на каменной лестнице и бессильно шлепнулась рядом с детьми, тяжело дыша и замерев у их ног.

Все они замерли в ужасе. Малыш Баннин наклонился к ней уже рыдая. Остальные дети взглянули на ее покалеченную ногу и яростно бросились на лорда. Их юные голоса издали такой вопль, который даже взрослым не под силу, и друзья Петры хлынули на завернутого в черный плащ дворянина, который неуклюже пытался увернуться от них.

Дети вогнали отцовские ножи в бедра мужчины. Он рухнул сверху на них и ответил лишь слабой атакой, ударив рыжеволосую Маб между косичек; потом, упав на колени, он поразил Карна в шею. Первые две жертвы сражения пали бездыханными под ударами, а ступени под ними неожиданно покрылись кровью.

Казалось, будто изначальная покорность была притворством: дети сражались с яростью берсерков. Они безжалостно избивали и кололи ранее бесстрашного мужчину, повалившегося на них, взывавшего и умолявшего Фэрриса. В какой-то момент драки Парри припал к земле, чтобы схватить окровавленный клинок из охладевшей руки Маб, и затем не один раз вогнал его в спину дворянина.

Но лорд Фэррис отчаянно цеплялся за жизнь. Его локти подались назад и разбили голову Лизель о каменную стену, девочка, обмякнув, рухнула. Следующим был ее близнец Ранвен, который, видимо, почувствовав смерть сестры, неподвижно замер, когда упавшая свеча лорда подожгла окровавленное тело девочки. Точно такой же неуклюжий удар оборвал жизнь Равена.

Помимо тел, которые заграждали путь и сделали его еще менее проходимым, залив кровью, лорду Фэррису осталось сразиться лишь с бедной Парри и двумя другими детьми. Одно только преимущество в весе делало его грозным соперником, потому оставшиеся дети спустились, чтобы оказаться ниже него по лестнице, а не выше. Таким образом, на месте остались лишь хныкающий Баннин и покалеченная Петра, причем оба были не в состоянии сражаться.

Мужчина встал у искалеченных ног упавшей девочки, затем медленно наклонился к Баннину и Петре.

– Уберите ножи, – сказал он, брызгая кровью из пробитых легких.

Мальчик, еще совсем ребенок, с залитыми кровью глазами и криками, звеневшими в ушах, испуганно отступил на несколько шагов. Петра же отступить не могла.

– Я же сказал вам уйти, мелкие отродья! – прорычал лорд Фэррис. – Посмотрите, что вы наделали!

Баннин подался еще дальше, его хныканье переросло в настоящее завывание. Но Петра, проявив необычайное усилие, поднялась. Ужасный хруст в ноге не смог сдержать ее выпад.

– Смерть злу, – прошипела она сквозь окровавленные зубы, вогнав клинок Парри в живот лорда.

Только после этого, торопясь, сер Парамор спустился по лестнице, как раз вовремя, чтобы увидеть, как избитый лорд Фэррис тяжело рухнул возле победившей его Петры. Она улыбнулась ему, стоя в луже алой детской крови, а затем замертво рухнула на пол.

Смерть ребенка в истории странным образом совпала со смертью огня в камине; бушующая ночь достигла своего темнейшего времени. Но восторженная толпа, сидевшая как загипнотизированная, не заметила ни углубившихся теней на лице рассказчика, ни тусклости, ни даже холода. Однако, Гораций, стоявший на кухне, заметил.

Именно ему пришлось выйти в метель за дровами. Он ненадолго задумался, почему никто из постояльцев не пожаловался на холод или тусклый свет в помещении, они ведь неустанно жаловались последние дни и годы. Как только вопрос прозвучал у него в голове, ответ сразу же появился: история незнакомца зажгла более теплый и яркий огонь сегодня вечером, и именно им люди и согрелись.

Даже если не принимать во внимание вранье о короле Каэне, Дорсуме, то что, теперь еще и Фэррис мертв? Горацию было интересно, нет, он боялся, что большая часть истории могла быть правдой, хотя сам незнакомец не совершил ничего преступного, даже борща не украл или кусок хлеба. И когда Гораций подумал, что народ разойдется по домам, история по-прежнему удерживала людей на своих местах. Что-то явно было не так с этим незнакомцем. Волосы на шее Горация, возможно, из-за природы скрипа дверных петель, которые долгие годы служили верой и правдой, встали дыбом, когда усыпанный снегом чужак только вошел. Пока темнота сгущалась, а Гораций слушал обрывки дурного рассказа, который держал остальных в трансе, его беспокойство только росло. Мужчина был не просто скользким обманщиком. Он был самым злом.

Но, несмотря на эту уверенность, несмотря на крик каждой струны самого его существа, Гораций знал, что не сможет прогнать мужчину, иначе он сам станет причиной драки. И все равно, когда он сложил дрова на натертую, привыкшую к труду внутреннюю часть руки, Гораций поднял замерзший топор и положил сверху, а затем занес внутрь.

Внутри незнакомец доводил свой рассказ до логичного завершения...

Многое случилось после жестокого убийства невинных детей: сэр Парамор был в шоке от покушения, пронзительные крики родителей, чьи дети покинули их навсегда, трепещущая похвала короля за дела почивших, родители на спинах поднимали пустые и опускали полные ведра с винтовой лестницы, отчищая ее, и охрана, приставлена для защиты принцессы...

А после всего этого сэр Парамор долго молил губительные и непостоянные небеса, молил Бешабу, Цирика и Ловитар, ища какой-то смысл за этими ужасными происшествиями. Когда его потрясенный разум стал слишком слабым, чтобы и дальше нести свою службу, а его колени слишком дрожали, чтобы держать его прямо; сэр Парамор повесил свой разрушающий заклинания меч Нэуму у стойки кровати, а сам закутался в одеяла, тщетно пытаясь уснуть.

Без предупреждения или шороха, и как только рыцарь оказался безоружен и без защиты, маг Дорсум вошел, закрыв дверь на засов. Сэр Парамор вскочил, замечание застыло на его губах, когда он сел.

Но маг, хитро зашипев, заговорил первым:

– Я знаю, что ты натворил, страхолюд.

Рыцарь встал, бросив сердитый и изумленный взгляд, прежде чем дотянуться к своему мечу. Его рука так и не коснулась рукояти, ведь за мгновение до этого маг наложил заклинание, из-за чего тело Парамора застыло, словно скованное льдом.

Увидев, что рыцарь беспомощен, Дорсум промурлыкал:

– Большинство людей в этих краях считают тебя доблестным рыцарем, но я-то знаю, что это не так. Ты – монстр, злобный и жестокий махинатор.

И хотя Парамор не мог пошевелить ни ступней, ни ногой, ни рукой, язык обездвижен не был.

– Пошел вон! Точно так же как мои юные рыцари убили подосланного тобой убийцу, я прикончу тебя!

– Не шути со мной, – ответил чернобородый маг. – Твой меч рассеивает магию только когда находится в твоих руках, без него ты ничего мне не сделаешь. Кроме того, ни Фэррис, ни я не были истинными убийцами. А вот ты – да.

– Стража! Спасите меня! – закричал Парамор на закрытую дверь.

– Я знаю, как ты подстроил похищения детей. Я знаю, как ты нанял тех пятерых, чтобы они похитили детей дворян, – сказал маг.

– Что? – прорычал рыцарь, изо всех сил стараясь вернуть себе контроль над телом, но лишь вызвал судорогу в ногах.

Стража снаружи стучала и кричала, требуя объяснений.

– Я знаю, что ты встретился с похитителями, чтобы заплатить им за работу, – продолжал маг, – но в качестве награды они получили лишь твой топор.

– Стража! Выбейте дверь!

– Я знаю, что ты взял одежду одного из убитых похитителей, переоделся, и, замаскировавшись, на глазах у детей убил Джереми. Знаю, что позже под видом благородного рыцаря, которым ты никогда не был, ты разыграл спасение остальных детей, – заявил маг, впервые теплые нотки появились в его голосе.

Стража выбивала запертую дверь, которая уже начала трещать.

– Во имя всего святого! – надрывно закричал Парамор.

– Ты сделал все это ради руки принцессы, ты даже детей убил, чтобы заполучить ее. Ты подстроил похищение, сыграв и злодея, и героя, чтобы получить возможность потребовать брак за спасение.

Дрожание в ногах сэра Парамора усилилось; простое касание пальца ноги к кровати встряхнуло ее, как и покоящийся в ножнах меч.

– Я знаю, что ты написал эту записку, – маг вытащил из кармана смятую бумажку и поднял перед собой, чтобы ее было видно. – Лорду Фэррису, ты просишь его увидеться с тобой ночью, и знаешь, что твои «рыцари» натолкнутся на него.

– Это даже не мой подчерк, – выкрикнул Парамор.

Он яростно трясся, и дребезжащий меч скользнул в сторону его окаменевшей ноги.

Удары ботинок о дверь стали громче. Треск дерева тоже стал громче. Но простым жестом Дорсум бросил на дверь синее свечение: магия сделала дерево твердым как сталь.

– А в этом мешке, – огрызнулся маг, зная, что у него достаточно времени, – том самом мешке, в котором не так давно лежали пять голов похитителей, лежит и голова Джереми – голова, которую ты отрезал, чтобы сделать куклу, что появилась у кровати Петры!

Маг нагнулся к мешку с головами, но его рука так и не сомкнулась на ней. В этот самый момент, могучий меч Нэума пошатнулся и ударился об обездвиженное тело Парамора, рассеивая наложенное заклинания. Спустя мгновение этот же меч выскользнул из ножен, чтобы опуститься на шею чародея.

Как только острая сталь рыцарского клинка отрубила голову придворного мага, заклинание с двери также рассеялось. Стража, ворвавшаяся вовнутрь, увидела лишь потоки крови, а затем – отделившуюся голову, которая улетела на кровать, разбрызгивая еще больше крови, и тело Дорсума, упавшее у основания мешка, снова окрасив его в красный.

Поняв все неправильно, стражники бросились на Парамора, сдерживая его. То ли из-за позднего часа, то ли отвратительных конвульсий волшебника или потому, что драка была «двое на одного», сэр Парамор пытался отбиваться от клинков стражников, и, в результате, пырнул одного из них в глаз. Трусливый друг раненного стражника упал и закричал, подняв тревогу, у основания лестницы. Тем временем Парамор, жалея мужчину, в чей глаз воткнул меч, вогнал его еще глубже, в мозг, чтобы избавить несчастного от мук.

Крики тревоги прошли по всему замку.

– Парамор – убийца! Остановите его. Убить его!

Сэр Парамор посмотрел, как второй стражник сорвался с места и убежал, а сам рыцарь упал на колени перед телом у своих ног. Слеза прокатилась по его благородной щеке, он со слепой ненавистью смотрел, как разрушается его счастливая жизнь. Не забыв о человеке, который все разрушил, он взял голову Дорсума и сердито с глухим стуком запихнул ее в мешок. Затем Парамор торжественно встал, вдохнул пропитавшийся кровью и потом воздух, и вышел из комнаты, зная, что даже если выживет, то его несправедливо изгонят. Так и случилось.

– Вот вам, дорогие друзья, – прохрипел укутанный незнакомец, а его левая рука погладила черную бороду, – и печальная история о величайшем герое, что когда-либо жил.

Не считая потрескивания огня и завывания бушующего ветра, на комнату обрушилась мертвая тишина. Люди, которые раньше косились на это сломленное подобие человека, теперь смотрели на него с благоговением и трепетом. И дело было не в его словах. Не в его истории, а в чем-то в нем самом, в чем-то мистическом и едва уловимом. Магия. Те, кто ранее отказали ему в глотке воды, сейчас с охотой угостили бы его всем самым лучшим со своих ферм, с радостью отдали бы ему своих

мужей и сыновей в солдаты, или жен и дочерей, чтобы ублажать его. И это почтение только усилилось от следующих его слов.

– Вот вам, дорогие друзья, печальная история о том, как я оказался среди вас, – даже огонь и ветер затихли, чтобы услышать то, что последовало далее. – Как вы понимаете, я и есть сэр Парамор.

На этом он отбросил все еще мокрое тряпье, обволакивавшее его, и из огромной кучи, которая была незнакомцем, возник молодой, изящный и могучий воин с глазами цвета платины. Его лицо сильно отличалось от того замерзшего, с которым он говорил. И в конце, он снял отрубленную голову Дорсума, которая была насажена на правую руку воина, словно марионетка. Даже тогда мертвые уста волшебника продолжали двигаться благодаря тому, как устроились пальцы воина на костлявом нёбе и сухом языке. На протяжении всей ночи, на протяжении всей истории собравшиеся жители слушали марионетку, сделанную из головы мертвеца.

Голос старика исходил изо рта молодого воина, когда его пальцы двигали челюстью и языком.

– Поверьте ему, люди! Он величайший герой, что когда-либо жил.

Коричнево-черная жидкость стекала по предплечью Парамора.

Один только Гораций, ввалившийся в зал, был в ужасе от зрелища; кошмар не коснулся никого даже в меньшей мере.

Простой народ из Кюригской цитадели встали со своих стульев и с удивлением приблизились к возвышающемуся рыцарю и его ужасной марионетке. Они окружили его прямо, как дети из рассказа. Раздались крики, смешанные со стонами и выражениями слишком уж восторженными для человеческого языка:

– Научи нас, о сэр рыцарь! Веди нас, Парамор! Защити и спаси нас от врагов!

В центре сияющее солнце их обожания вытянуло свои окровавленные руки и обняло их.

– Конечно же, я спасу вас. Только следуйте за мной и будьте моими воинами, моими рыцарями!

– Мы умрем за тебя!

– Позволь умереть за тебя!

– Парамор! Парамор!

Восхищения перекикивали порывы ветра и рычание огня, а поднятые руки людей могли бы снести крышу этой лачуги, если бы Парамор только приказал им.

Поклонение было таким сильным, что никто – даже сам богоподобный Парамор – не заметил сверкнувшее лезвие топора Горация, пока оно не стало красным от журчащей из горла крови рыцаря.

ТЕРЦИУС И АРТЕФАКТ

Джефф Грабб

Впервые опубликован в Антологии "Королевства Тайн" под редакцией Брайана М. Томсена и Дж. Роберта Кинга, в ноябре 1997 г.

Брайан У. Элдисс, в своей истории научной фантастики "Триллион лет загула", связывает очень британскую чувствительность Средиземья Толкина с очень британской чувствительностью П. Дж. Вудхауса, в частности с рассказами о Берти Вустере и Дживсе. Вудхаус писал очень разный тип фэнтези, в отличие от Толкина. Берти - обалдуй высшей категории, и рассказы Вудхауса всегда вращаются вокруг Берти, попадающего в ситуации, из которых ему удается выбраться только с помощью его невозмутимого слуги Дживса (Вы хотели знать, почему всех дворецких называют Дживс? Вот почему).

В любом случае, комментарий Элдисса застрял во мне, и в результате я всегда чувствовал себя комфортно, смешивая элитных, изнеженных персонажей высшего класса Вудхауса с мечом и колдовством Королевств. Это привело к появлению не одного, а двух персонажей Королевств. Первый из них - относительно незадачливый Джиджи Драконошпор, впервые появившийся в "Лазурных Оковах" и который за прошедшие годы вырос, женился, завёл детей. Другой это Терциус Вондс, который до сих пор остается таким же тщеславным, как и при своём первом появлении (которое было в комиксах ADVANCED DUNGEONS & DRAGONS® от DC Comics).

С глубоким, преданным уважением к Вудхаусу, рассказы о Терциусе Вондсе всегда будут включать Терциуса, попадающего в ситуации, выбраться из которых он может только с помощью его невозмутимого гениального слуги, Ампратинеса.

-Джефф Грабб, апрель 2003 г.

Сидя на балконе «Тошнотворного Отиджа» в Скорнубеле, находясь между похмельем от прошлого вечера и тем, что еще только должно было наступить, я постигал смысл фразы «не стоило вставать с постели». Хороший совет, вероятно, придуманный каким-то метателем заклинаний, после особенно плохого утра швыряния огненных шаров, молний и прочего.

Конечно же, пользы от него мало, ведь я был в постели прошлой ночью, когда все пошло кувырком. Все, кроме меня, конечно же.

Я поясню. Еще до трех ударов колокола, Терциус Вондс, искренне ваш, блаженно спал в своей комнате в «Тошнотворном», на третьем этаже с пахучим видом на конюшни. Отидж был одним из новых хозяйств, что возникли сразу после выхода последнего «Путеводителя Воло». В результате его работы по популяризации определенных мест среди путешественников, они перестали быть популярными среди местного населения, вынуждая новые трактиры, притоны и пристанища принимать искателей приключений. Ампи как-то решил, что будет выгодно следовать за Воло, открывая новые трактиры на своем пути, пока они не разрываются от воинов и волшебников, таскающих его проклятые маленькие издания.

Но я отвлекся. Это я так обустроивал сцену, украшал помост и закладывал фундамент. Три удара колокола. Спальня. «Отидж». И крыша взорвалась. Ну, не совсем прямо взорвалась, но оглушительный рокот сверху был сродни рухнувшей

крыше. Я сидел, выпрямившись, и заметил, что кровать, крепкая с пологом из железного дерева, тряслась и прыгала как ползущий падающий. Каждая незакрепленная вещь в комнате, от ночного горшка до стального зеркала, присоединилась к этому вибрирующему танцу смерти.

Я поступил так, как поступил бы любой здравомыслящий человек на моем месте – спрятался под одеяло и поклялся всем богам, которые могли бы услышать, что больше никогда не прикаснусь к пиву «Дыхание Дракона» и «сыру смерти».

- Терциус Вондс! – прогремел пугающе знакомый голос со стороны потолка.

Я выпучил глаз из-под одеяла и увидел полупрозрачную голову двоюродного дедушки Маскара. Не было сомнений, что его голова все так же прикреплена к его телу там, в Глубоководье, а он посылает астральное чертё что или призрачное пойми что, адресованное мне. В тот момент, я был слишком напуган, чтобы разбираться.

Я храбро встретил могущественнейшего мага Глубоководья.

- Это не моя вина! – прокричал я, натягивая простыню на голову, надеясь, что меня было ясно слышно. – Я не знал, что она была служительницей Сьюни! Никто не сказал мне о том банкетном зале! Я невиновен!

- Это не важно! – выпалил мой дедушка. – У меня есть важное задание для тебя!

Я выглянул из-за своего укрытия и промурлыкал:

- Меня?

- Тебя, – прорычал он, недовольство отчетливо читалось на лице. – У меня был волшебный артефакт, остаток могучего Нетерила, который у меня украли.

- Это не я! – спрятался я. – Ты уже проверял кузена Маркуса? Он вечно берет то, что плохо...

- Молчать! – взревела полупрозрачная голова, парящая над спинкой моей кровати. – Я знаю, кто его взял – вора зовут Рейвен, он движется в твоём направлении. Я хочу, чтобы ты вернул артефакт. Прибор выглядит как три стеклянные сферы, каждая парит внутри другой. Доставь ее мне и можешь возвращаться в Глубоководье!

- Что ж, вот оно как значит... – огрызнулся я. – Как раз хотел провести жизнь на большой дороге и...

- Найди Тройную Сферу Хангриста, – сказал призрак. – И немедленно!

И на этом голова Маскара взорвалась каскадом фейерверков, которые оставили подпалины на стенах и разбили кувшин с водой. Двоюродный дедушка Маскар никогда не был тихим. На самом деле, за все годы, что я знал и избегал его, он ни разу не воспользовался дверью.

В ночной рубашке, я встал с кровати и, пошатываясь, собрал осколки кувшина. Любые мысли, что это можно было списать на какое-то сырое отравление или кошмар, разбивались на такое же количество кусочков, как и тот сосуд. Маскар чего-то хотел, и хотел, чтобы это сделал я.

Никто не разочарует своего двоюродного деда, особенно если тот может превратить тебя в жабу.

Так что я свистнул своему джину, Ампратинесу. Ну, свистнул – плохое слово. Я скорее потерял его, гладя пальцем кольцо и призывая в план существования.

Давайте я сразу все разъясню: мне не досталось и толики магических способностей, что делает меня белой вороной в семье Вондс, переполненной

чародеями, волшебниками, колдунами и прочими заклинателями всех мастей и сортов. Так или иначе, я уживаюсь с джином, привязанным к кольцу, которое я нашел в канализации Глубоководья пару лет назад. Но это уже история для следующего раза.

Ампи возник как мираж посреди пустыни. Джины, по своей природе, умные существа, а Ампратинес был умнее многих из них, с большим числом извилин на кубический дюйм, чем у любого другого существа Фаэруна.

Ампратинес выглядел как обычно. Длинная синяя мантия, подчеркивающая его багровую кожу. Пучок черных волос торчал из лазурной шапочки, словно хвост лошади. Его рот был обрамлен ухоженными усами и бородкой.

- Ампи, что за...? - спросил я. – Ну, ты слышал?

- Не удивлюсь, если друиды в Высоком лесу тоже слышали - спокойно ответил Ампи. Его голос был глубоким как склепы Подгорья и спокойным как клятва хафлинга. – Похоже, дедуля нуждается в вас.

- Нуждается в пешке, - пробубнил я, рыская в поисках своих штанов. Ампратинес протянул руку, и пропавшие штаны появились в его ухоженной руке. Этим джины и прекрасны, думаю, каждому нужно завести хотя бы одного такого. Несмотря на это, у меня не было настроения, чтобы перечислять хорошие качества моего джина, после того, как мой собственный дед нагнал на меня столько ужаса. – Зачем я ему?

- Могу попытаться выяснить, - спокойно сказал Ампи. – Это займет какое-то время.

На этом он испарился. Дворецкие, слуги и стражники отдали бы последние деньги, чтобы научиться так же исчезать.

Я попробовал снова уснуть, но если вам хоть раз в постели будет угрожать глава семьи, радость сна вам будет более не доступна. Вместо этого, я ходил, волновался, затем сел на подоконник и смотрел на лошадей в загоне, удивляясь простоте их жизни.

С наступлением утра, когда Ампи так и не вернулся, я уплел скромный завтрак из змеи в подливке (по крайней мере, так он выглядел). Затем покинул портик «Тошнотворного Отиджа» с заказами для работников, отправлять очередное «Дыханье Дракона» каждые полчаса, и продолжать так до тех пор, пока я буду не в состоянии возвращать им пустые кружки. Я решил бороться с надвигающимся похмельем от прошлой ночи, напрямую вызывая новое.

Старенький «Тошнотворный Отидж», кстати, ранее был основной лавкой, отошел от дел благодаря Авроре и ее книге. Его второй этаж немного сдвинут относительно первого, создавая тем самым широкое крыльцо, отлично подходящее местным одиноким спортсменам-выпивохам для того, чтобы придаваться забвению и смотреть, как остальные делают то же самое этажом ниже. Я добился вполне неплохих результатов в этих дисциплинах за две последние десятидневки и был вполне готов начать свою карьеру в качестве бездомного из Глубоководья, поглощать солнце и алкоголь, рассказывая людям о том, как же плохо было жить там, где каждый второй дворянин является магом, и большинство из них родственники.

И, конечно же, я мысленно отчитал себя за то, что не покинул Скорнубель. Ампи настоятельно рекомендовал нам продолжать путь еще десять дней назад, но я был

против. Я не смог бы быть таким как мои двоюродные, приказывающие слугам, управляемые своими дворецкими, и, подчиненные своими же гомункулами, братья и сестры. Я как-то сказал Ампи, что, если бы меня изгнали из Глубоководья, то нет лучшего места, чтобы начать мою ссылку, чем оказаться на балконе старого «Тошнотворного» и смотреть на проходящие караваны. Но Скорнубель был лишь в нескольких сотнях миль вниз по Торговому Пути от Глубоководья, и, очевидно, не достаточно далеко от владений дедули Маскара.

Мои мысленные скитания прервались, когда я отвлекся на молодежь справа от меня, а не на терпеливую девушку за стойкой, что приносила мне напитки. Не мог же уже наступить полдень, да и пересменки не было. В конце концов, кто-то бы уже вышел с обеденным меню.

Я напрягся, пытаюсь сфокусировать налитый кровью глаз, чтобы обнаружить незнакомца-хафлинга, несущего эль на серебрянном подносе. Его широкая улыбка цвета слоновой кости была видна из-под тени его неумело сплетенной соломенной шляпы. Я дважды моргнул, и, когда он так и не исчез, решился начать разговор.

- Да? – спросил я, пытаюсь сострить насколько это было возможно в моем состоянии.

- Прошу прощения, Сер, - ответил полурослик, снимая шляпу, чем высвободил клочок спутанных рыжих волос, - я так понимаю, это вы тот джентльмен, что остановился на верхнем этаже накануне вечером? Это у вас было слышно грохот и крики, и все остальное?

Как же я хотел, чтобы у меня были хоть какие-то магические способности в тот момент: заклинание постижения языка, распознавания диалекта или что-нибудь более полезное. Я решил удостоить его проверенным временем ответом.

- Да?

Полурослик беспокойно заерзал своими волосатыми ручонками.

- Понимаете, Сер, я был снаружи и слышал многое. Тот богоподобный голос сказал, что вы разыскиваете Рейвена.

Я медленно кивнул, надеясь, что сойду за мудреца, но на деле, поклонился дыне, которая, в итоге, выкатилась на крыльцо.

- А ты, стало быть...?

- Каспар Миллибак, к вашим услугам, - продолжал хафлинг. - Я и сам охочусь на Рейвена, и понял, что такой человек как вы, с таким мощным богоподобным голосом, мог бы помочь такому как я, маленькому и невысокому. Вместе мы могли бы поймать вора.

- У-гу, - протянул я, прогоняя большинство моих туманных мыслей. – И зачем тебе Рейвен?

Еще немного и я свалился бы с этого лексического тарана. У полуросликов всегда было как минимум три причины, чем-либо заняться, две из которых нарушали бы местные законы.

Хафлинг осмотрел свои волосатые ноги и сказал:

- Что ж, дело в том, что Рейвен обокрал и мою семью, и я намерен вернуть свое. Я не могу вернуться домой с пустыми руками.

Даже в своем опьяненном состоянии, мое сердце тянулось к этому коротышке, попавшему в такую же ситуацию.

- А что он украл у тебя?

- Золото, сэр, - выпалил хафлинг, - все золото моего сиротского приюта.

- Приюта? – я тряхнул головой. – Ты же сказал, что обокрали твою семью?

- Так и есть, сэр, - полурослик поднял голову вверх и резко опустил. – Все в моей семье – сироты. Нам не очень повезло.

- Действительно, - пробормотал я, задаваясь вопросом, какую цель коротышка преследовал на самом деле.

Ампратинеса нигде не было видно, а ведь уже почти обед. Если бы я мог повернуть все без моего верного союзника, то это показало бы, и джину, и двоюродному деду Маскару, что я еще способен на что-то.

- Хорошо, - сказал я. – Отведи меня к Рейвену. Мы решим все по-мужски.

- Но вы не можете этого сделать, - замямлил хафлинг. – Рейвен не мужчина, а допельгангер, и по желанию может менять облик. Мне кажется, я знаю, где его можно найти, но вам нужно быть готовым действовать, и действовать быстро, когда я дам команду. Вы поможете мне? Ради сироток, хотя бы?

Со слезами на глазах, он посмотрел на меня и, конечно же, я согласился. Благородное дело все-таки. Кроме того, этот малыш знал, как найти вора, а это упростит мне работу.

Я взял предложенный полуросликом эль, но не допил его. Я отказался от следующего бокала и вернул недопитый, а взамен попросил бумагу и перо, и прочие принадлежности. Я написал уже половину письма, говоря дедуле, что все под контролем, когда Ампи появился. В мгновение ока на моем левом плече оказался джин, благороднейший из всех джинов.

- Я так понимаю, ты что-то выяснил, – процедил я, принимая на себя всю прелесть отложенных похмелий. – Тебя все утро не было.

Ампи одарил меня низким поклоном.

- Тысяча извинений, господин Терциус, – сказал он. – Потребовалось кое-что сделать, чтобы выяснить природу устройства и что именно с ним случилось. Так же мне удалось поговорить с сильфидой, которой ваш дедушка чистит дымоход. Она, по-видимому, была свидетелем этих неприятных событий.

- Ну, тогда выкладывай, - сказал я, нетерпеливо постукивая пером.

- Тройная Сфера – это артефакт Нетерила, - начал джин, сложив руки за спиной как школьник, отвечающий на вопрос учителя. – Нетерил был королевством волшебников, павшим тысячи лет назад, еще до основания Кормира и Глубоководья. Сказано, что последние из этих волшебников, были могущественнее самых сильных магов Королевств.

- Королевство дедули Маскара? – я с трудом подавил дрожь в плечах. – Уму непостижимо.

- Действительно, господин, – согласился Ампратинес. – Тройная Сфера, судя по всему, была самым могущественным артефактом в этом королевстве. Она могла подавить всю магию в пределах своего действия. Ни один огненный шар не взорвется рядом с ней, и не один призыв не сработает, ни одно защитное заклинание не защитит, а волшебное оружие – не оставит и царапины. Думаю, вы понимаете, почему она была так эффективна в царстве волшебников.

- Еще бы, - сказал я. – Ставишь такую сферу рядом, и волшебники превращаются в беззащитных щенят.

- Удобно, не так ли? – ответил джин. – В результате, большая часть истории Нетерила состоит из того, как одни маги прятали Сферу, пока другие нанимали воинов, чтобы выкрасть ее. Вся история Нетерила наполнена такими событиями, вплоть до его падения. Королевство считалось утраченным, пока десятки лет назад группа авантюристов не нашла его в Анораче. Ваш дедушка понимал всю опасность такого разрушительного артефакта, и овладев им, запер в своем самом глубоком подземелье.

- Подальше от любопытных глаз других магов, - вставил я.

- Вероятно. Устройство выглядит как комплект из трех кристалльных шаров, каждый парящий внутри предыдущего, сделанных из переливающегося всеми цветами хрусталя. Напоминает мыльный пузырь, я бы сказал. Как и все артефакты, он неразрушим в общепринятом смысле, так что Маскар запер его, а ключ надежно спрятал. Дней двадцать назад, ключ украл вор по имени Рейвен, который, судя по всему, движется вниз по Торговому Пути в Скорнубель.

- Что объясняет, почему дедуля Маскар хочет, чтобы я вернул эту штуковину, - заключил я.

- От части, - ответил джин. – Также потому что вы единственный член семьи без врожденной предрасположенности к магии. Возможно, он решил, что будет не так рискованно вступать в бой без магии вообще.

- Или не так затратно, если меня убьют, - сказал я. – Ну, по крайней мере, ты мне сможешь помочь.

Ампратинес обмяк, что было вообще не характерно для джинов.

- Боюсь, я не смогу быть полезным настолько, насколько вы того хотите. Эта антимагическая сфера уберет любое призванное существо в своем радиусе, меня в том числе. А ее природа может предотвратить любые попытки обнаружения с помощью магии. Возможно, было бы нам на руку предупредить местные власти об этом.

От этой новости я нахмурил брови.

- Местные власти? - я пренебрежительно покачал головой. – Да если им в руки попадет что-то подобное, то они запрут его волшебным ключом и выставят серьезную охрану, а двоюродный дед будет фыркать на меня до следующего Кризиса Аватаров.

- Но, хозяин, антимагическая природа не позволит...

- Никаких «но», - я поднял руки. – Пока ты расспрашивал сажную метлу для камина, я усердно следовал по собственному пути. Прямо сейчас мои агенты прочесывают город, охотясь на этого Рейвена.

- Ваши, - Ампратинес выглядел ошеломленным, ну, насколько ошеломленным существо из элементарного воздуха в принципе могло выглядеть, - агенты...?

Он изо всех постарался превратить свой вопрос в утверждение.

- Вот именно, - сказал я, неуверенно поднимаясь на ноги. – Я решу эту маленькую проблему, без твоего дальнейшего вмешательства.

- Господин, я ...

- Ту-ту, - я коснулся рукой лба. Похмелья, что так долго откладывались, затмевали мой разум. – Если сейчас скажешь, что не сможешь помочь, я не стану заставлять, но верь в интуицию семьи Вондс.

Джин не выглядел убежденным, но сказал:

- Как пожелаете, господин.

Я улыбнулся джину. Не было сомнений в том, кто главный в этом союзе.

- Но, если можешь, то приготовь мне один из твоих мистических омлетов, который бы вылечил мое похмелье. Мне лучше думается, когда все Королевства не пульсируют с моим сердцем в унисон.

Ампи замешкался, а затем спокойно сказал:

- Разумеется, господин.

Джин скрылся из виду.

Я стоял на крыльце Тошнотворного Отиджа, придерживаясь за перила, и пытаюсь погрузиться в свои мысли. Хотя, если честно, то я считал секунды, пока Ампи вернется с лекарством от моей, теперь уже, грохочущей головной боли.

- Это и есть Рейвен? – спросил я хафлинга. – Это же женщина!

- Ч-ш-ш! – прошипел маленький рыжий человечек из-под складок своей коричневой рваной мантии. – В ней не больше от женщины, чем во мне – от красного дракона. Она же доппельгангер! И она заметит, если кричать и таращиться на нее, как рыба!

Женщина, которая не была женщиной, сидела за столом в конце битком набитой посетителями комнаты. Она была одета в кожаный доспех и синий плащ, и сидела лицом к нам, что усложняло слежку. При ней был огромный саквояж, стоявший на соседнем столе. Женщина бросила блуждающий взгляд в нашу сторону, и я нырнул в складки своего коричневого плаща и капюшона, медленно отворачиваясь от нее, пытаюсь не таращиться как рыба.

Ее спутник за столом был, видимо, либо холмовым великаном, либо огром, так как был высотой с Ампи и почти такой же массивный. Спутник был одет в такой же всеохватывающий плащ, только малинового цвета, что делало его похожим на огромный закат за соседним столом.

Мы находились в «Измученом Единороге», месте, которому не посчастливилось оказаться в вышеупомянутом «Путеводителе Воло». В результате, место было наполнено новенькими клиентами, путешественниками, закаленными наемниками и мокроглазыми потенциальными авантюристами. Так как у «Единорога» была плохая репутация (если верить Воло), то обычно все здесь были в тяжелых плащах и капюшонах. Напоминало это все съезд духов, призраков и мрачных жнецов.

Исключением была Рейвен. У нее, то есть у него, был опущенный капюшон, демонстрирующий всем золотистые волосы, лежащие на плечах, словно разлитый эль. Она выглядела так, будто в ней была эльфийская кровь. Ее уши были слегка заостренными, а подбородок мягко сужался. Пришлось напомнить себе, что это всего лишь иллюзия. Она, то есть оно, могло менять форму, и выглядеть как король Азун или мой двоюродный дедуля Маскар, если захотело бы. Доппельгангеры в своем

истинном облике были стройными бесполоыми гуманоидами, с кожей бледно-серого оттенка. В общей сложности неприятное зрелище.

Рейвен вела оживленный разговор с огромным Закатом за столом. Ее брови нахмурились в какой-то момент, и она хлопнула свой груз хрупкой ручкой. Мы были слишком далеко, чтобы слышать их разговор, но было ясно, что они торговались.

Не нужно быть великим магом, чтобы понять, о чем они спорили. Саквояж был как раз нужного размера, чтобы вместить хрустальную сферу волшебника. Или древнюю Тройную Сферу.

Не знаю, что ей сказал Закат, но это явно успокоило ее, черты ее лица смягчились. Она слушала, потом кивнула, затем схватила сумку и направилась к двери. Закат остался на своем месте. Все взгляды были привязаны к ней, но когда она дошла до двери, доппельгангер обернулась и, на короткое мгновение, встретилась со мной взглядами. Не знаю, правда это или нет, но я почувствовал, будто мир неожиданно сместился со своей оси и начал вращаться по-новому.

Затем она – оно – исчезла. Я обернулся и заметил, что огромный Закат тоже исчез, вероятно, в какую-нибудь потайную комнату заговорщиков, Красных Волшебников Тэя.

- Ну же! – рявкнул хафлинг. – Мы потеряем ее, если не начнем двигаться.

Как же мне стало легче от того, что союзник так же говорил о цели как о женщине, я последовал за маленькой, закутанной в плащ фигурой, прочь из «Единорога». Наш уход не спровоцировал никакого переполоха, но мы держали наши капюшоны опущенными.

Ночь упала как пьяный дварф, и улицы опустели. Те, кому было что терять, уже сопели в своих кроватях (если только их не донимал их волшебный двоюродный дедушка). Луна была полной и, словно маяк, отражалась от светлых волос нашей жертвы.

Мы проследовали за ней до небольшой ночлежки у реки. Клыкастый самец-огр отказался нас впускать, но несколько золотых монет смогли купить информацию о новоприбывшей (он назвал ее Демарест) молодой особе, которая всегда таскает с собой сумку и берет комнату на втором этаже в задней части гостиницы.

Что ж, почти весь день, после появления двоюродного дедули, я носился в неудобной мантии в сопровождении, крутившегося у подоконника, так же одетого полурослика. Хотя бриз с окружающих равнин и был бодрящим, в то же время, я боялся, что наши плащи подхватит поток ветра и отправит нас по спирали, вверх ногами, над низкими зданиями Скорнубеля, как бумажных змеев.

Впервые за тот вечер я пожалел, что дал Ампи выходной. Он был сильнее всех встревожен моими поисками волшебного и смертельного артефакта, так что я дал ему уйти. Даже сейчас, он, вероятно, зарылся в библиотеку какого-нибудь торговца, перечитывая историю Сердцеземья или *что-то связанное с семьей Обарскиров, королевской династии Кормира*, пока ее хозяин собирался в очередной рейс.

Хоть и медленный, но прогресс был. Если бы мы были рядом с передней частью здания, нас без проблем заметили бы стражники, в их латных доспехах и медных шлемах. Насколько это было возможно, мы пытались изображать горгулий, когда кто-либо проходил по улице под нами, а остаток времени провели, измеряя расстояние до желанной цели – освещенного окна. Когда мы приблизились,

постоялец потушил свет. Мы выждали еще какое-то время, чтобы убедиться, что ненастоящая Демарест потушила свет не для того, чтобы лучше видеть происходящее снаружи. После этого мы продолжили наш тягостный марш.

Окно было заперто – умная предосторожность, даже для второго этажа в Скорнубеле. Хафлинг Каспар достал сначала длинный тонкий кусок проволоки, который вошел в щель между окнами, легко открывая защелку.

- Входи, парень, - прошептал полурослик, улыбаясь желтоватыми зубами.

- Я? – прошептал я в ответ. – Я думал, что это ваш, хафлингский народец, специализируется на такого рода вещах, типа проникания в чужие комнаты. «Ближе к земле» и все в таком духе.

Полурослик недовольно фыркнул:

- Ну, я бы мог, но, в таком случае, ты останешься здесь, на выступе, на целую вечность, ожидая пока медноголовые часовые снимут тебя. Нет, но, если ты так хочешь...

Он позволил недосказанности повиснуть в воздухе.

Его можно было понять. Так же, я понимал, что если хочу заполучить Тройную Сферу, то лучше бы мне первому до нее добраться.

Я проскользнул в комнату так тихо, насколько мог. Способность плаща к приглушению шагов с лихвой компенсировалась его весом. Лунный свет полностью освещал комнату, покрывая все синими бликами и эбонитовыми тенями. Демарест, вор-доппельгангер, более известная как Рейвен, спала на широкой кровати, виднелись только ее волосы, сияющие как серебро под лунным светом.

Сумка лежала на низком столике напротив кровати. В ней, вероятно, и была сфера, или золото хафлинга, или все вместе. Если ее открыть и проверить, то все окупится. Думаю, я смог бы убедить дедушку Маскара улучшить финансовое положение полурослика, если его золота вдруг не окажется.

Большая металлическая застежка открылась с прерывистым щелчком, а сумка упала на стол. Был еще один щелчок, который я сначала принял за эхо.

Затем очень суровый женский голос за спиной сказал:

- Отойди от сумки, или я прибью тебя на месте.

Я, по своей природе, очень хорошо выполняю приказы, как и положено не магу в семье волшебников. Я оставил сумку на столе и сделал два шага назад, держа руки на виду. Сумка осталась открытой: не потому что мне не сказали ее закрыть, а потому что мне было любопытно в нее заглянуть. Внутри было видно блеск хрусталя, но не золота.

- А теперь повернись ко мне лицом, - приказал нежный голос.

Я медленно обернулся, а в процессе заметил силуэт Каспара в окне. Стараясь его не выдать, я надеялся, что он что-то придумает. Женщина села на постели и, похоже, не заметила его.

Доппельгангер держала ручной арбалет, один из тех, что делают дроу, которые были не менее опасными, чем выглядели. Она держала его направленным на меня, сбросив одеяло. Женщина была полностью одета, что было одновременно и досадой и облегчением.

Она холодно посмотрела на меня.

- Маскировка выглядит глупее, чем обычно, Рейвен, - сказала женщина. – Ты опоил каких-то знатных балбесов ради этого лица?

- И-извини? – мне удалось немного прийти в себя. – Сожалею, но я не Рейвен. Я думал это ты...

Я допустил ошибку, опустив руки. Воровка направила арбалет прямо мне в грудь, и я тут же поднял руки.

- Даже не дергайся, доппельгангер, или я еще одну дыру в тебе сделаю.

- Прости, - ответил я, задаваясь вопросом, слышал ли Ампи мою тихую мольбу, в какой бы библиотеке он не находился, - но это не я здесь доппельгангер. Это ты, а если тебя это тоже запутало, то, возможно, нужно об этом поговорить вместо того, чтобы делать дыры в чем-либо?

Демарест - не Рейвен – не двойник – засмеялась. Это был кристально чистый смех, но все же жестокий и холодный. Она направила арбалет мне в лицо, и я закрыл глаза. Не хотелось, чтобы последнее, что я увидел, был бы летящий в меня болт.

Было слышно щелчок, но, к удивлению, ни толчка, ни легкого ветерка от промаха я не ощутил. Вместо этого – только женская ругань. Сделав вдох, чтобы убедиться, что я еще среди живых, я снова открыл глаза.

Демарест снова была на постели. Она держалась левой рукой за арбалетный болт, торчащий из правого плеча. Ее правая рука хоть и оставалась прикрепленной к телу, лежала обездвиженной. Из-за арбалета я ничего не видел. Кровь стекала вниз по руке, пачкая ее синий плащ и заливая простыни.

Я обернулся, чтобы увидеть, как Каспар спрыгивает с окна. Он заряжал очередной снаряд в собственный ручной арбалет.

Я был раздражен и не скрывал этого.

- Сколько еще ты собирался там ждать, прежде чем объявиться? – начал я, но хафлинг направил арбалет мне в лицо, почти, так же как и Демарест мгновение назад. Это, определенно, было фишкой вечера.

- Встань за женщиной, болван, - процедил Каспар совершенно не голосом полурослика. Голос был звонким как звук ломающейся сухой ветки, и, судя по всему, он привык, чтобы его слушали.

Я сделал два шага назад к женщине, по-прежнему сидевшей на кровати; ее дыхание было затрудненным и прерывистым. Ее глаза мутнели.

- Яд, - объяснил хафлинг, держа арбалет направленным на меня, приближаясь к столу. – Не самый быстрый, но достаточно действенный. Ты тоже скоро это почувствуешь.

Пока он приближался к столу, его тело таяло как восковая свеча и удлинялось. Я знаю, что свечи не удлиняются, но так он вел себя. Жировые складки хафлинга отслаивались. Темный плащ посветлел, голова сузилась, а глаза побелели. К тому времени, как он оказался у стола, Каспар уже не был полуросликом. Он был самым настоящим доппельгангером.

- Рейвен, я полагаю, - сказал я, пытаюсь сдерживать дрожь в голосе.

- В первый и последний раз – верно, - ответило существо, держа меня на мушке, пока его вторая рука рылась в сумке.

Он вытащил огромную хрустальную сферу. Внутри нее парила вторая сфера, а внутри той – третья. Три сферы мерцали при лунном свете.

- Ты был весьма полезен, Терциус Вондс, - сказал доппельгангер, улыбаясь желтоватыми зубами. – Ты отвлек внимание моего бывшего напарника, чтобы я смог прикончить ее. А теперь ты послужишь мне еще раз. Когда стражники найдут два ваших тела, то решат, что вор проник к девушке в комнату, и вы убили друг друга, не оставляя никакой информации о том, кто новый владелец Тройной Сферы.

Я начал говорить что-то о том, как мог бы предложить справедливую цену за Сферу, но был прерван низким рычанием. Женщина в постели была быстрой, быстрее, чем я был бы в такой же ситуации – мертвый, в спальне, с ядовитым дротиком в плече. Пока мы с Рейвеном разговаривали, она подтянулась на корточки и набросилась на двойника.

Доппельгангер не думал, что его бывший партнер сможет противостоять яду, да и оружие было нацелено на меня. Он направил руку к новой цели, и выстрелил, но промазал. Ядовитый болт возился в деревянную обшивку, а женщина уложила противника. Сфера вылетела из его рук будто живая, танцуя и крутясь в лунном свете.

Я нырнул за ней, как если бы это был последний кусок на Хаевестайдском банкете. Мой разум подсказывал, что после всех лет, сколько сфера существует, простое падение ее не повредит, но мое сердце рисовало образ дедули Маскара. Сердце довело меня до того, что я разлегся на полу посреди комнаты, поймав сферу еще до того, как она коснулась ковра.

Я поймал артефакт за дюйм до неизбежного, а затем оба, я и он, откатились в сторону, подальше от звуков борьбы. Пока поднимался на ноги, то слышал голоса, и как открывались двери повсюду в гостинице. Похоже, драка привлекла всеобщее внимание.

Двое воров, человек и доппельгангер, катались посреди комнаты. Двойник даже принял облик Демарест в драке, и выглядело это так, словно две близняшки-блондинки возились на ковре, вцепляясь друг в друга. Я посмотрел на них, затем на сферу, затем снова на них, задаваясь вопросом, смогу ли я проложить через них свой путь и выйти за дверь. Мне очень не хотелось идти назад через окно и длинную лестницу.

Как раз в этот момент ворвались, как минимум, три, а, возможно, и десяток медноголовых стражей. Каждый наперевес с тяжелым двуручным арбалетом, таким, что мог пробить стену конюшни. Некоторые несли факелы и фонари, а за ними виднелся огромный малиновый плащ Заката.

Две сражающиеся Демарест разнялись и медленно встали, встречая стражу. Я сделал еще один шаг назад. Окно начало казаться лучшим решением всех времен.

Закат вышел вперед и опустил свой капюшон, открывая очень знакомое, спокойное лицо.

Ампратинес. Конечно же. Я почувствовал, что мое сердце забилося снова.

Охранники не разделяли мою уверенность и продолжали тыкать оружием, то на первого близнеца, то на второго, пытаясь понять, который из них был настоящей угрозой. Обе воровки стояли нервно, стараясь держать расстояние между собой.

Я вскрикнул.

- Раненая настоящая, а без единой царапины – доппельгангер!

Невредимый близнец, Каспар-Рейвен-доппельгангер, крутнулся на месте и зашипел на меня; его клыки начали расти, и огромные крылья увенчали спину существа. Оно прыгнуло вперед, намереваясь схватить меня в качестве заложника и сферу – как приз.

Далее произошло две вещи: я бросил сферу к двери, где стоял Ампи; три, или десятка, острых снарядов полетело в существо, и тварь рухнула на пол.

Артефакт парил по комнате, словно мыльный пузырь, и попал в руки к Ампи. Он посмотрел на меня, слегка поклонился и бросил сферу на пол.

Тройная Сфера, ударившись о землю, с оглушающим звуком разбилась, разлетевшись во всех направлениях.

За ней последовал и я, боюсь, падая замертво.

И вот я снова на балконе «Тошнотворного Отиджа», восстановившийся достаточно, что наблюдать, как встает солнце над ветхими зданиями Скорнубеля.

- Вы могли бы, и предупредить меня, - сказал я, глотая эль.

Джин приготовил еще один холодный компресс и приложил его к моей разбитой брови.

- Вы просили вас не беспокоить, - ответил Ампи. – Я делал так, как считал правильным. Я предупредил местную стражу, что вы знали о том, что хафлинг был двойником с самого начала, и подыграли ему, чтобы узнать, где артефакт. Поэтому вы признаны невиновным по этому делу. Доппельгангер мертв, а воровка Демарест, его бывшая подельница, вылечена от яда и готова принять приговор города.

- Откуда ты знал?

- Я не знал наверняка, но посчитал тот факт, что вы получили неожиданную подмогу весьма занятным. Поговорив с сотрудниками «Отиджа», я узнал о вашей помощи хафлингу, а найти рыжего полурослика в соломенной шляпе в Скорнубеле не составило труда. Я заметил, что он высматривал определенную гостиницу, где я пустил слух, что я волшебник и ищу один артефакт. Демарест, надеясь избавиться от устройства до того, как ее партнер доберется до нее, связалась со мной и попросила о встрече в баре, где вы нас и увидели. Тогда она попыталась продать мне фальшивый артефакт.

Мой разум, избитый и изношенный, получил пару ударов и наконец выдал:

- Фальшивый артефакт?

- Именно, - сказал джин. – Я объяснил все страже, и взял на себя смелость действовать ради вашего блага, если бы устройство и, правда, оказалось описанным артефактом, то я, будучи призванным существом, не смог бы подобраться к нему. А тот факт, что я мог сидеть рядом с ним, за одним столом, явно говорил о том, что это подделка, сделанная из тонкого хрусталя и газов разной плотности так, чтобы сферы могли парить внутри друг друга. На ту встречу я намерено не принес деньги, которые она просила за прибор. После этого, было нетрудно предупредить о возможном проникновении в комнату Демарест. Мы прибыли как раз вовремя, чтобы застать драку.

Я покачал головой.

- Фальшивый артефакт? Тогда, получается, у доппельгангера была где-то спрятана настоящая Тройная Сфера?

- Рейвен, судя по всему, и сам не знал о подделке, раз уж приложил столько усилий, чтобы завербовать вас в свои пешки. А Демарест, если бы у нее была настоящая сфера, отдала бы Рейвену подделку, выдав ее за настоящую. Ни у кого из них не было времени создать точную копию.

- Тогда кто создал копию? – спросил я. – Это не может быть дедуля Маскар.

- Я подозреваю, что озабоченность вашего двоюродного дедушки была вполне обоснована, - сказал джин.

- Тогда, если не воры, и не Маскар... - я сделал большой глоток эля. – У дедули никогда не было настоящей Тройной Сферы, не так ли?

- Думаю, нет, - начал джин. – В конце концов, как бы вы проверили прибор магией, которую он должен отражать?

Я позволил улыбке, впервые за последние двенадцать часов, появиться на моем лице.

- Выходит двоюродного дедушку все это время водили за нос, - улыбнулся я. – Хотел бы я увидеть выражение его лица, когда он получит мое письмо, объясняющее это все!

КРАСНЫЕ АМБИЦИИ

Джеан Рейб

Впервые опубликован в Антологии "Королевства Магии" под редакцией Брайана М. Томсена и Дж. Роберта Кинга, в декабре 1995 г.

Кажется, я писала эту историю всю жизнь. В то время я действительно была в Тэе, потому что писала свой первый роман - Красная Магия. Кроме того, есть что-то удивительное в отношениях великого плохого парня с Красными Волшебниками. Для этой истории я выбрала Сзасса Тэма, несомненно, самого могучего, самого ужасного Красного Волшебника во всем Фаэруне. Что касается меня, я писала книгу преимущественно о зле. Интересно, что редактор моей книги Красная Магия сказал мне, что у меня очень хорошо получилось изобразить Сзасса Тэма и его коллег - Красных Волшебников. Действительно, слишком хорошо. Он сказал, что образы моих злодеев были глубже и богаче, а хороших героев - пусты. Я долго переписывала текст, чтобы усилить хороших героев.

Почему я люблю злодеев? Я думаю, что всем нам нравятся такие, как Дарт Вэйдер, Минг Беспощадный, Доктор Дум и Сзасс. Как правило, я мягкая, известная тем, что люблю потискать щенков и не прохожу мимо рождественского ведёрка. Но Сзасс, он позволил мне быть, восхитительно злой... хотя бы на нескольких страницах.

-Джеан Рейб, март 2003 г.

Сзасс Тэм опустился в массивное кресло за богато украшенным столом, на котором лежали скрученные листы пергамента и стояли стеклянные флаконы, наполненные темной жидкостью. Толстая свеча стояла посередине стола, ее пламя танцевало в затхлом воздухе и мягким светом освещало мрачные черты лица Сзасса.

Его бледная, тонкая как пергамент кожа была натянута на высокие скулы, а тонкие волосы цвета паутины, пучками свисали с покрытой от старости пигментными пятнами кожи головы. Нижняя челюсть - болталась, мышцы уже не держали ее. Хрящ носа разложился, и на его месте зияли две дыры. Алая мантия, в которую он был одет, свисала складками с его похожего на скелет тела и ниспадала у кресла на пол, словно лужа разлившейся крови.

Маг рассеяно окунул указательный палец в лужу воска натекшего на стол, позволяя теплой, маслянистой жидкости налипнуть на кожу. Большим и средним пальцем он скатал охлаждающую массу в шарик. Затем маг уронил шарик на отделанный палисандром стол и стал наблюдать, как он катится и, замедляясь, останавливается возле старого свитка. Яркие точки белого света, служащие Сзассу Тэму глазами, посмотрели на пергамент. В нем содержались последние чары необходимые для превращения его дорогой ученицы в существо, коим он был сам — в немертвого мага... в лича. Конечно, его ученица должна была умереть перед прочтением заклинания. Убить ее не составит труда, решил маг. Костяными пальцами он взял пергамент и прижал его своему давно остановившемуся сердцу.

Смертная жизнь Сзасса Тэма закончилась сотни лет назад на поле битвы в Тэе, в сотне миль к северу от его уютного жилища. Но текущая в волшебнике магия не дала уйти ему из мира живых. Магия оставила его жить в гниющем теле, наполненном тайной силой, которой мало кто осмеливался кинуть вызов. Лич считал себя самым могущественным Красным Волшебником в Тэе. Он стал зулкиром — тем, кто контролировал все школы некромантии в стране. Его ученица, Фродин, тоже была красным волшебником, одной из могущественного совета магов, правивших Тэем с помощью заговоров, угроз и тонких интриг. Сзасс Тэм слегка улыбнулся. Не было мага коварнее его.

Сзасс внимательно слушал. Тихий звук шагов, раздающийся в коридоре, принадлежал Фродин. Он положил свиток в глубокий карман и стал ждать. Однажды он одарит ее бессмертием.

- Учитель? - Фродин, осторожно отрыв дверь, вошла в комнату. Она прошла вперед, и блестящая ткань ее темно-красной мантии потянулась за ней по полированному мраморному полу, - Я не помешаю?

Сзасс Тэм указал ей на кресло напротив него. Но молодая женщина остановилась рядом с магом. Быстро опустившись на колени, она положила свои нежные руки на ногу лича, и заглянула ему в светящиеся «глаза». Ее обритая голова была украшена красными и синими татуировками, обычными для Тэя, а ее большие черные, словно полночь, глаза шаловливо сверкали. Ее тонкие губы изогнулись в хитрой улыбке.

Тэм взял ее в ученицы несколько лет назад. Обучалась она необычайно быстро. Фродин никогда не скрывала своей жажды знаний и заклинаний, и ловила каждое

слово мага. Лич считал ее верной ему, ну или верной насколько, насколько это возможно в Тэе. И пока на протяжении многих лет ее сила росла, он делился с ней секретами - как можно давить слабых магов армиями скелетов, как поднимать людей из могилы, как украсть души живых. Недавно маг признался ей, что он - нежить, и показал свой истинный, гниющий лик. Она не испугалась его, и тогда он поделился с ней планами господства в Тэе. И Фродин ясно дала понять, что будет на его стороне. Навеки.

Лич смотрел на ее безупречное, румяное лицо. «Действительно, - подумал он, - она достойна провести столетия вместе со мной.» Он протянул костлявую руку к ее лицу и нежно погладил гладкую щеку девушки.

- Что привело тебя сюда так поздно? - глубокий голос мага эхом отдавался в комнате.

- Я была на рынке сегодня, смотрела рабов, - начала она, - искала материал, и заметила человека, который расспрашивал о Вас и Вашей башне.

Лич кивнул, позволяя ей продолжить.

- Это был необычный человек небольшого роста, у которого была только одна татуировка. Странный треугольник, заполненный серыми узорами.

- Служитель Лейры, - отметил лич.

- Да, он действительно оказался жрецом богини обмана и иллюзий, - добавила Фродин, - В любом случае, я пошла за ним. И когда он остался один, я создала простое заклинание, взявшее его под мой контроль. Я должна была знать, зачем он задает так много вопросов.

Пристальный взгляд лица стал мягче, и он провел своим костяным пальцем по одной из татуировок на голове Фродин.

- И что ты узнала?

- Достаточно, учитель. В конце концов, жрец обладал сильной волей. Но перед смертью признался, что он беспокоился по поводу одной из ваших армий, которая патрулирует Делхамид. В этом мертвом городе есть руины, которыми сильно заинтересовались несколько верующих Лейры. Жрец считает, что где-то внутри разрушенного храма лежит мощная реликвия. Когда ваша армия прошла поблизости, он испугался, подумав, что вы узнали о вещи и послали армию для того, чтобы получить ее. Но когда скелеты прошли мимо храма, он засомневался в том, что вы знаете о реликвии.. Поэтому он приехал в город расспросить о ваших планах и войске.

Лич посмотрел женщине в глаза:

- Мои скелеты просто патрулировали местность. И ничего больше. Но, скажи мне, Фродин... почему жрец просто не вошел в храм и не забрал реликвию себе?

- Я задавалась тем же вопросом, мастер, - улыбнулась молодая ученица, - и я спросила об этом. Он признался, что жизнь ему дороже, чем реликвия. Кажется, богиня держит там стражей, и ее вещь защищает мощная магия.

Лич поднялся и заставил встать Фродин :

- И что это за реликвия Лейры?

- Корона. Жрец сказал, что в драгоценных камнях короны скрыта великая сила, - Фродин слегка улыбнулась и погладила разлагающийся подбородок Сзасса Тэма, - И мы разделим силу и корону, так же, как и я поделилась рассказом с Вами.

Лич сделал шаг назад и медленно покачал головой:

- Я пошлю в сердце храма свою армию скелетов, и объявлю корону своей собственностью.

- Вашей, учитель?

- Да, Фродин.

- Но Вы бы не узнали о существовании реликвии без меня, - девушка уперла руки в бедра и посмотрела на него, - Это - предательство, Сзасс Тэм. Я могла забрать эту безделушку себе, и Вы ничего не узнали бы. Но я решила поделиться новостью с Вами.

- Итак, ты отказываешься от притязаний на корону, - ответил лич ледяным тоном, - Реликвия будет принадлежать только мне. Ты все правильно сделала, моя ученица. Я добавлю к своим сокровищам еще одну безделушку.

Симпатичная девушка с негодованием развернулась к двери, но потом посмотрела через плечо на лича.

- А как насчет Лейры? Что будете делать, если вы разгневаете покровительницу иллюзионистов и лжецов, вломившись в ее храм и украв то, что принадлежит ей?

Сзасс Тэм рассмеялся:

- Меня не заботит богиня предательства, дорогая Фродин. Отдохни. Утром я скажу тебе, что мои скелеты нашли в Делхамиде.

Лич слышал ее удаляющиеся по коридору шаги. Вскоре ей будет не нужно спать. Или есть. Вскоре ей не потребуются все те вещи, которые делают человека слабым, что позволит ей в один прекрасный день сесть рядом с ним на трон, и править всем Тэем.

Маг уселся в свое кресло и выкинул Фродин из головы. Он сосредоточился на своей армии скелетов в Делхамиде, и потянулся разумом за многие мили отсюда, вступая в контакт с генералом армии, и направляя его в храм Лейры. Мили пути исчезали под ногами костяных воинов, и вскоре они пришли к разрушенному храму. Не сбрасывая темпа, скелеты подошли к ступенькам храма. И в этот момент Сзасс Тэм потерял с ними контакт.

Лич выругался и произнес заклинание с тэйским ветром полетел в Делхамид. Когда маг поднялся в воздух, его форма изменилась. Кожа стала румяной. Щеки надулись, тело стало толще, заполняя красную шелковую мантию, которая несколько мгновений назад висела на нем складками. Его глаза стали черными, почти человеческими, а седые волосы став густыми и длинными, почернели и приобрели оттенок ночного неба. Для пущей эффектности, лич добавил тонкие усы. Мало кто в Тэе знал, что Сзасс Тэм был уже мертв. Ведь за пределами его башни он принимал образ живого человека.

Земля проносилась под ним пятнами теней, которые заполнили большую часть пейзажа. Но лич не сбился с курса. Он знал путь в мертвый город. Он родился там.

Когда он добрался до разрушенного храма, уже светало. Маг спустился на грубый фундамент и посмотрел на разрушенную каменную кладку. Его глаза тускло светились во мраке, исследуя место побоища. Теперь он понимал, почему потерял

контакт со своей армией. Среди разрушенных колонн было разбросанно более сотни воинов-скелетов. Их переломанные кости и раздавленные черепа слабо светились. Недалеко он увидел еще мертвецов - тела с разорванной серой плотью и гниющей одеждой. Вокруг воняло как в могильнике. Лич опустил на колени возле однорукого зомби и аккуратно повернул тело. Слева на костях осталось еще немного плоти, все остальное было сожжено огнем. Сзасс Тэм провел рукой по траве рядом с трупом - ни одной травинки не сгорело. Нигде не было и следа от клинков. Магический огонь убил армию, понял лич. Огонь - сжигающий нежить.

Охота за реликвией Лейры обошлась слишком дорого. Чтобы собрать мертвых, для замены павших солдат потребуется много месяцев и огромные усилия. Сзасс Тэм встал, и беззвучно поклявшись отомстить за убийство своих приспешников, осторожно пошел к лестнице разрушившегося храма. На первых ступенях лич увидел дергающееся тело - нежить с рыхлой белой плотью, пустыми глазницами и прорвавшимися через кожу сломанными ребрами. Упырь - единственный выживший из войска лича, безуспешно пытался подняться перед своим хозяином.

- Скажи мне, - громким голосом приказал лич, - Скажи мне, что здесь произошло.

- Мы следовали Вашим приказам, - прохрипел упырь, - Пытались пробраться в храм. Пыталась получить то, что Вы хотели. Но они остановили нас.

- Сколько?

- Трое, - ответил упырь, - На них были мантии Красных Волшебников.

Сзасс Тэм гортанно зарычал и посмотрел вверх по лестнице. Если всего трое победили эту армию, то они должны быть мощными магами. Маг в последний раз взглянул на разбитую армию и прошел мимо дергающегося упыря, тщательно выбирая, куда ступить на разрушенные ступени. Храм Лейры лежал в руинах, как и весь остальной Делхамид. Когда-то величественный город, теперь он был наводнен монстрами и утыкан невероятными ловушками, оставшимися в районах проживания знати и магов. Монстры свободно бродили по округе - гоблины, темновари, тролли и драконы представляли угрозу достаточную, чтобы живые обходили это место стороной.

Волшебник поискал магическую энергию, которая защищала павший храм, затем обошел вокруг руин, чтобы войти в прохладную тень. Влажная прохлада руин напомнила личу гробницы. Это была его стихия. Присмотревшись, он отделил каменную кладку от темноты. Он увидел перед собою разрушенный старый коридор уходящий глубоко в храм, там чувствовалось чье-то присутствие. Маг скользнул в коридор.

В конце концов, коридор закончился, и лич начал изучать стены, ища хоть что-нибудь. Ничего. Камней, которые можно было сдвинуть — не было. Он тщательно изучил кладку, проведя своими пальцами по холодной поверхности влево и право, но не ощутил никакого сопротивления. Кирпич перед ним был не настоящим. Он услышал шаги, тихие и далекие. Звук повторялся, словно кого-то ходил глубоко под ним. Сзасс сделал шаг вперед и прошел сквозь иллюзорную стену.

Прямо перед ним вниз в темноту вела влажная лестница. Лич сложил руки и сказал простое слово. Сфера света появилась на ладони, освещая лестницу. На стенах и везде вокруг были видны старые сгилы - различных размеров треугольники с закрученными серыми узорами внутри - символы Лейры. Лич остановился, чтобы

осмотреть их. Он мало знал о богине, но заметил, что сгилы были вырезаны с выдающимся мастерством.

Большинство Красных Волшебников Тэя поклонялись одному или нескольким злым божествам. В свое время Сзасс Тэм тоже поклонялся богам, но необходимость в некой силе предоставляющей вечную жизнь отпала со временем и с обретением формы лича. Он все еще считал себя почитающим некоторые силы, например Цирика. Но не Лейру.

Сзасс Тэм уже спустился по лестнице до половины, когда почувствовал присутствие — кто-то приближался. Время шло, и терпение немертвого зулкира было вознаграждено, когда наконец, жемчужно-белый призрак с лицом красивой женщины сформировался перед ним. Лич посмотрел на нее, и решил что это не более чем несчастный дух, связанный с храмом.

- Нарушитель, - прошептала призрак мягким, женственным голосом, - Прочь из священного места Лейры, могущественнейшей из богинь. Прочь из храма Леди Тумана, места, которое мы поклялись защищать.

Лич стоял на месте глядя на призрака, и на миг ему показалось, что дух удивился, почему гость не убежал.

- Я уйду, когда закончу,- отрезал Лич. Он говорил тихо, чтобы в храме его не услышали.

- Ты должен уйти,- повторил дух, ее голос изменился, став более глубоким и гортанным. Лик поменялся на лицо другой женщины, -Это не место для тех, кто не верует. Ты не носишь ее символ.

- Я верую в себя, - спокойно ответил лич, - Я верю в силу.

- Но не в Лейру.

- Нет, я не почитаю леди Тумана,- тихо прорычал лич.

- Тогда твои кости сгниют здесь,- сказала призрак новым голосом.

Лич посмотрел на существо. Нежить теперь была в образе молодого человека с длинным носом, и голос был сильным и мужественным. Большие призрачные руки потянулись и ударили в грудь Сзасса. Лич стоял неподвижно, не обращая внимания на атаку духа.

- Этого не может быть! Вы должны были умереть!- дух закричал голосом старухи. Действительно, жемчужно-белое лицо теперь покрывали морщины, и прозрачная плоть просела на щеках и челюстях.

- Я уже мертв,- прошептал в ответ лич, - И ты будешь подчиняться моей воле, - какой бы нежитью ты не была.

Глаза Тэма снова засверкали ярким белым светом. Маг посмотрел в глаза старой женщине и его взор застыл.

- Кто вы? - потребовал Сзасс, - Что вы?

- Мы принадлежим Лейре, - ответила старуха, - Мы последние жрецы, которые жили в этом храме. Когда город пал пред армией Малхоранда, мы умерли. Но так сильна была наша вера в Леди Тумана, что наша воля объединились в одну форму, чтобы мы могли вечно служить Лейре.

Губы лича медленно поползли вверх.

- Ваша беда в том, что вы остались.

Его глаза загорелись ярче, и он сосредоточился на призрачной форме перед ним. Дух застонал от боли, и голос молодого человека присоединился к старой женщине.

- Нет!- вскрикнул хор голосов, - Не убивай нас! Не высылай нас из храма!

- Я пошлю вас в Девять Кругов Ада, где вы присоединитесь к другим жрецам Покровительницы Лжецов,- пригрозил Сзасс Тэм, - если только вы не послужите мне и не прекратите свой какофонический вой.

- Мы служим только Лейре, - взвыл еще громче дух.

- Теперь у вас хозяин получше.

Лич поднял палец и направил его в лицо призрака. Облик молодого человека возвратился. Серебряный луч выстрелил из кончика пальца Тэма и ударил в голову духа, заставив привидение отлететь назад на несколько футов. Луч дико пульсировал, а дух в это время дрожал в агонии.

- Кому вы служите? - упорно спросил лич.

- Лейре,- хором простонало существо.

И снова лич ударил существо серебряным лучом. Призрачный образ дрогнул и начал растягиваться, как если бы его растягивали на стойке для пыток. Руки и ноги духа потянулись к углам лестничной площадки, и он стал будто прозрачным, как туман.

- Кому вы служите?

- Мы служим тебе, - наконец выдохнул дух бесчисленными голосами.

Глаза Сзасса смягчились в бледном свете. Он рассматривал дух, чтобы убедиться, действительно ли он был под его контролем. Многие умы, которых он касался, проклинали его, но они же и клялись ему в верности. Удовлетворившись, волшебник вернул назад человеческие глаза.

- Скажите мне, жрецы, - начал лич, - Вы так же безуспешно останавливали Красных Волшебников, которые пришли до меня?

- Тех, что внизу? - засмеялся дух. Лицо существа стало теперь лицом красивой женщины, той, которую Сзасс Тэм увидел первой.

- Да. Тех, что внизу.

- Они верят, - заявил призрачный образ, - Они носят святой символ Лейры на своих блестящих головах. Все верующие приветствуются в этом храме. Все верующие и вы.

- Вы позволили им пройти свободно, потому что у них татуированные символы Лейры на голове?- спросил лич, - И вы подумали, что если они раскрасили свои головы, то поклоняются вашей богине?

- Да,- ответил призрачный образ, - Храм Лейры создан для последователей Лейры.

Лич посмотрел сквозь призрака и глянул вниз по лестнице.

- Вы пойдете со мной. Покажете ловушки, которые будут лежать перед нами. И вы покажете мне реликвию, которую я ищу.

Зулкир продолжил свой путь вниз по лестнице. Призрак возле него показывал выцветшие фрески с изображением богини, рассказывал о величии Лейры, и показывал магические ловушки. Когда лич переходил из комнаты в следующую, то прошел мимо переломанных тел давно умерших нарушителей. Он был так охвачен желанием найти реликвию, что чуть не прошел мимо недавно убитого тела. Призрак

указал ему на него. Тело человека в красной мантии, не старше двадцати лет, лежало переломанное среди камней. Человек носил татуировку в виде символа Лейры на голове, а его конечности растянулись под странными углами. Глаза были широко открыты, в них отпечатался ужас, а изо рта все еще текла тонкая струйка крови.

- Он был с другими магами,- сказал призрак голосом старухи, - Жаль, что он умер таким молодым. Хотя он носил символ Леди тумана, и я пропустил его, страж посмотрел ему в сердце. Сердце выдало его, неверующего. Страж сразил его.

- Страж?

- Вечный слуга Леди Тумана, - ответил призрак, - Страж ждет в комнате впереди.

Лич глянул в темноту и двинулся вперед. Дух жрецов послушно последовал за ним по пятам.

- Убей его! - услышал Сзасс Тэм глубокий мужской плачущий голос.

Лич ускорил шаг и вошел в огромную пещеру, освещенную мхом испускающим сияние. Он остановился и посмотрел на трех обитателей пещеры - Фродин, Красного Волшебника, которого он не узнал, и чудовищную конструкцию.

- Это — предательство? - прогремел голос лича.

- Учитель! - взвизгнула Фродин. Она была одета в грязную рваную красную мантию, и треугольник, нарисованный на голове, размылся от пота. Ее обычно мягкие черты были изменены мрачной решимостью, когда она звала своего спутника присоединиться к борьбе. Человек остался позади нее, игнорируя ее грубый призыв, и уставился на большое существо перед собой. Фродин широко взмахнула руками и пустила столп огня в чудовище.

Враг Фродин был, по крайней мере, тридцать футов высотой, голова его почти достигала потолка. Страж не был нежитью, но не был и живым. Лич осмотрел его сверху вниз. У твари было туловище человека и козлиная голова. На груди висел символ - треугольник заполненный спиралями тумана. Монстр имел четыре глаза, которые располагались на одном расстоянии от другого чуть выше толстой металлической переносицы, пасть была открыта, обнажая зубы отлитые из стали. Четыре руки, толстые как стволы деревьев грозно металась перед чудовищем и заканчивались шестью когтистыми железными пальцами. Существо было полностью серым. Массивные ноги оканчивались раздвоенными копытами, высекавшими искры, когда тварь шла по полу. Пол дрожал так, что Фродин и ее спутникам приходилось удерживать равновесие, чтобы остаться стоять на ногах.

- Кажется, ты разозлила его, дорогая Фродин, - сказал Сзасс Тэм, - И меня ты тоже разозлила. Вы уничтожили мою армию.

- Я хотела корону! - сказала она, бросая вторую молнию, - Я узнала об этом храме и реликвии, но вы сказали, что безделушка достанется вам. Она должна была стать моей!

Лич смотрел, как она проворно отскочила от удара кулака врезавшегося в пол пещеры, там, где только что стояла она.

- Мне жаль! - закричала она, - Помогите нам, пожалуйста. Корона будет ваша. Клянусь!

Лич скрестил руки на груди и продолжил следить за боем, не утруждая себя ответом на ее просьбу.

Она нахмурилась, и соединив вместе большие пальцы, а ладони оставив открытыми, направила руки в сторону стража. Пробормотав слова, в которых Сзасс узнал одно из первых заученных ею заклинаний, и ледяные осколки вырвались из ее рук. Осколки вошли глубоко в грудь противника. Но страж не обратил на атаку никакого внимания. Он отвел руку назад, чтобы ударить ее. Фродин прыгнула в сторону, и рука стража ударила ее спутника. Острые металлические когти разорвали грудь человека. Волшебник умер еще не коснувшись земли.

- Пожалуйста, учитель, - молила Фродин, - Помогите мне. Я сделаю все, что вы скажете.

- Ты уничтожила мою армию, - выплюнул Сзасс Тэм, - Даже если твоя душа сгниет здесь, мне все равно.

Фродин снова подняла руки и пробормотала заклинание. Сверкающий голубой шар появился перед ней. Она пустила его, направляя во врага. Шар ударил чуть выше талии существа, и лопнув, брызнул кислотой на черный металл. Треск и шипение заполнили помещение, и страж опустил голову, чтобы посмотреть на свой плавающий желудок.

- Моя дорогая, ты хорошо владеешь магией, - ответил лич ледяным тоном.

- Но чтобы убить это существо мне потребуется ваша помощь! - закричала она, шаря в складках одежды, и доставая горстку зеленого порошка.

Волшебник медленно покачал головой.

- Ты в одиночку остановила моих скелетов. Помешала моим планам, в которых ты бы правила Тэем вместе со мной. Конечно, ты сможешь остановить это существо.

В его хриплом голосе не было и намек на эмоции.

Фродин начала чертить символ в порошке, рассыпанном в ладони. Лич повернулся посмотреть на конструкта, который как-то чинил свой живот. Перед глазами Сзасса, металл потек как вода, покрывая расплавленный участок. В момент, пропали все доказательства его повреждения. Страж сделал шаг к волшебнице, комнату качнуло и весь порошок из рук Фродин высыпался, и девушке пришлось использовать другое заклинание.

- Он может убить ее, - безразлично сказал призрак Сзассу. На этот раз он носил лицо молодого человека, - Но она не сможет убить его. Вы не можете убить его. Это страж Лейры, и он будет продолжать восстанавливать себя до конца времен. Он посмотрел ей в сердце и обнаружил, что она не чтит темной богини. Страж не успокоится, пока она не умрет.

- А он может заглянуть в мое сердце? - спросил лич, - Или, возможно, он не может увидеть меня, потому что ссохшееся сердце в моей груди даже не бьется.

Крик Фродин заглушил ответ духа. Страж откинул ее как насекомое, и она пролетела через пещеру, упав на спину. Мантия порвалась, кровь лилась из ран на теле. На лице застыла маска ужаса, но все же она не сдалась. Лич хорошо ее обучил. Фродин достала из кармана немного смолы. Положила ее на окровавленную ладонь и подняла на уровень четырех глаз стража. Черная молния вырвалась из ее руки и ударила существо в перемычку носа. Удар отбросил стража назад, но не навредил ему.

Сзасс Тэм промолвил ей, - Думай, моя любимая ученица. Сотвори заклинание, которое удержит его вдалеке от тебя. Выиграй себе время.

Она оторвала оставшиеся клочья мантии и с силой бросила к ногам. Слова быстро вылетели из ее рта, она направила указательный палец в пол пещеры. Под раздвоенными копытами стража камень на миг дрогнул, замерцал в скудном свете пещеры, а потом превратился в грязь. Но монстр не попал в грязь. Напротив, контракт завис над большой кучей грязи, его копыта висели в затхлом воздухе в нескольких футах от пола. Грязь под стражем затвердела и как засохшее русло реки покрылась трещинами.

- Этого не может быть! - закричала Фродин. Затем она повернулась, чтобы взглянуть на своего наставника.

Руки Сзасса слабо светились синим, длинные пальцы простерлись в направлении эбенового стража. Злая усмешка заиграла на лице, когда он встретил недоумевающий взгляд Фродин. Лич щелкнул пальцами и страж поплыл вперед остановившись на скале рядом с женщиной.

- Вы! Вы не дали ему угодить в ловушку! - воскликнула волшебница, уходя в сторону, от еще одного удара.

Лич кивнул и поднял руку в воздух, мысленно призывая древний пергамент из своей башни. Когда страж достиг Фродин, пальцы Тэма сомкнулись на свитке. Глядя на свою испуганную ученицу, волшебник осторожно развернул пергамент.

- Моя дорогая, я обещал тебе бессмертие наградой за твою верность. Ты получишь его.

Тэм начал читать магические слова, и контракт схватил Фродин за талию. Сзасс начал читать быстрее, в то время как монстр поднял ее на уровень своих четырех глаз. Лич закончил чары, когда страж выжал дыхание из легких Фродин, и выбросил ее безжизненное тело, как будто ребенок бросил сломанную куклу.

Пергамент рассыпался в пальцах Тэма, и мертвое тело его ученицы засветилось бледным белым сиянием. Прошло мгновение, грудь Фродин поднялась и упала. Она сделала несколько больших глотков воздуха и быстро поднялась на ноги. Она взглянула на своего наставника, затем на контракта, который опять потянулся за ней. Пальцы создания сомкнулись на ней еще раз и сжали сильнее. Тут Фродин поняла, что с ней сделал Сзасс Тэм. Он дал ей вечную жизнь.

- Нет! - закричала она, когда ее ребра треснули, и она безжизненно упала второй раз.

Конструкт отступил назад и стал ждать. И опять, молодая Красная Волшебница восстала из мертвых. Она снова поднялась на ноги.

- Наслаждайся бессмертием, - зашипел лич, смотря как страж нанес еще один смертельный удар, а девушка вновь воскресла. Он радовался, что контракт Лейры был занят только Фродин, оставив его в покое.

- Реликвия, - приказал призрак лич, - Покажи мне, где корона.

Призрак указал на каменное углубление. Сзасс Тэм шагнул к нему и увидел насыпи монет и драгоценных камней. Идеально граненые изумруды, сапфиры, бриллианты сверкали в каждой щели. Корона усеянная рубинами лежала сверху груды. Лич быстро схватил ее и почувствовал энергию пульсирующую в металле.

- Подарок Лейры, - объявил дух, - трофей нашего храма.

Выйдя из ниши, Сзасс надел корону на голову, боль пронзила его грудь и он согнулся. Лича застали врасплох жгуче холодные ощущения. Он упал и корчился на каменном полу, пока неистовые движения не сбросили корону.

Болезненные спазмы закончились, и лич медленно встал.

- Что это за сила, жрец? - выдохнул лич.

Дух был с лицом старухи:

- Сила вечной жизни. Сердце того, кто носит корону, будет биться вечно.

Человеческая форма Тэма растаяла, открыв его костяное тело и глаза точки.

- Мое сердце не бьется, - категорично сказал он.

- Вместо этого, ты почувствовал боль, - ответила женщина, - Леди Туманов действительно коварнее вас. Лейра заманила тебя сюда. Священник, который искусил вашу ученицу реликвией, был просто пешкой.

Лич пнул ногой корону и посмотрел на призрака.

- Вновь Королева иллюзионистов и лжецов ударила, когда твоя ученица предала тебя и захотела себе корону. Потом моя богиня победила еще раз, когда ты потерял то, чем так дорожил - красивую волшебницу, которая провела бы вечность вместе с тобой, - призрачный образ указал на сражающуюся Фродин, - Ты потерял свою армию, свою женщину, свою способность доверять другим. И, в конце концов, трофей, который ты так искал, оказался тем, чем ты никогда не сможешь обладать. И кто коварнее, Сзасс Тэм?

Лич запрокинул голову и рассмеялся, глубоким, гортанным смехом, который отражался от стен пещеры. Маг громко, не останавливаясь, хохотал, поднимаясь по лестнице и выходя из храма.

ОБЫКНОВЕННАЯ ГРАМОТНОСТЬ

Кейт Новак и Джефф Грабб

Впервые опубликован в Антологии "Королевства Магии" под редакцией Брайана М. Томсена и Дж. Роберта Кинга, в декабре 1995 г.

В одном из романов Чарльза Диккенса есть сцена, в которой уличный мальчишка бродит по Лондону, совершенно озадаченный вывесками магазинов. Мальчик понимает, что есть люди, которые могут магически расшифровать их смысл. Замешательство этого неграмотного ребенка сильно повлияло на меня в подростковом возрасте. Мой с Джеффом редактор, часто беспокоился о высоком уровне грамотности в Королевствах, потому что ему была важна историческая точность. Насколько я знаю, волшебники, женщины в броне и драконы не были частью средневековой эпохи. Способность читать и писать - это волшебство, которым ни один умный герой не может позволить себе пренебречь. Волшебство, за обладание которым я благодарна, и которым владеют мои читатели.

-Кейт Новак-Грабб, апрель 2003 г.

- Это пустая трата времени. Мне не нужно такое образование, - настаивал Марл, сын бондаря.

Кит Лейас свирепо посмотрела на мальчика, но она умела держать себя в руках. Марл был не первым учеником, чернящим знания, которые она пробовала преподавать. Но он не должен быть и последним. Марл был большим мальчиком, чьему примеру последовали бы другие. Пока ни один из учеников не сказал ни слова, некоторые смотрели на Марла с восхищением, что у него есть храбрость выразить то, что многие из них думали. Остальные ученики наблюдали за Кит с любопытством, ждали, чтобы посмотреть, как учительница справится с вызовом к ее полномочиям.

- Даже бондарю, иногда нужно читать и писать, Марл, - ответила Кит, заправляя прядь своих длинных, темных волос за ухо. - Тебе, возможно, придется записывать заказы твоих поставщиков и клиентов, чтобы лучше их помнить.

Другие ученики закивали на пример Кит, но Марл насмешливо фыркнул. - Я не собираюсь быть бондарем, - объявил мальчик. - Скоро, когда я накоплю достаточное количество денег, чтобы купить меч, я присоединяюсь к каравану как охранник. Я собираюсь быть искателем приключений.

- Новичок без обыкновенной грамотности, - грустно пробормотала Кит.

- Что за «новичок»? - спросила дочь трактирщика, Лисака.

- Что за «обыкновенная грамотность»? - спросил Марл.

- «Новичками» искатели приключений называют, - начала объяснять Кит, - только вышедших на тракт наемников. А «неофитами» - волшебников, еще не успевшими зарекомендовать себя. «Обыкновенная грамотность» - это ... ну, вообще так называется история, которую я слышала от наёмницы Элии.

Дети в классной комнате наклонились вперед все как один. Подобно всем ученикам повсюду в Королевствах, они знали, что учительницу можно отвлечь от урока, если поощрять ее к воспоминаниям. Также они горели желанием услышать историю о наёмнице Элии. Наёмница Элия была знаменитой искательницей приключений – она спасла хафлинга Оливию Раскеттл от дракона Мистинарпераднеклеса и дважды обхитрила безумного бога Моандера. Только в прошлом году она управляла гильдией воров в Западных Вратах. История об Элии была бы удивительной.

- Расскажите нам, пожалуйста, - попросила Лисака.

- Да, расскажите историю, - требовательно попросил Марл.

Кит пожала плечами. – Я слышала эту историю, когда Элия рассказывала ее в селе Серпентсфорд (Змеиный Брод) в Физердэйле (Долине Перьев). Люди там были подозрительны ко всем женщинам-незнакомкам, которые проходили через город, даже к героине подобно Элии, ибо село зачумила пенанггалан.

- Что это? - спросил Джewel Вивер, самый младший ученик в классе.

- Это женщина-вампир, - сообщил Марл с выражением превосходства.

- Не совсем, - возразила Кит. - Пенанггалан немертва, и она пьет кровь живых, но на этом сходство заканчивается. Пенанггалан появляется как обычная женщина в

дневном свете, и лучи солнца ее не уничтожают. Но ночью ее голова отделяется от тела, таща черный «хвост», который является останками желудка и кишок. Тело лежит неподвижным, в то время как голова летает далеко и охотится на своих жертв. Она предпочитает кровь женщин и девочек.

Джевел взвизгнул, и несколько студентов дрогнули. Даже Марл выглядел немного бледным.

- Люди Серпентсфорда знали достаточно, чтобы сжигать трупы жертв пенанггалан, так что те не смогли бы стать неумершими, - объяснила Кит. - Но сельские жители начинали терять надежду, что они когда-либо обнаружат чудовище, или даже любое из ее скрытых логовищ, ибо она была очень хитрой. Элия рассказывала эту историю, чтобы поднять их дух.

- Так что за история? - нетерпеливо проворчал Марл.

Удивлённая внимательностью мальчика, Кит слегка улыбнулась. Она села обратно на стул и положила руки на колени. Марл извивался от нетерпения.

Кит начала рассказ. - Это история о кампании искателей приключений, известной как Сванмейс. Она состояла из двух женщин-мечников, Белинды и Миртл; пары мошенников, Ниома и Тени; клирика Пейсила; и волшебницы, Кейсилит. В Год Червя, Сванмейс зимовали в Западных Вратах. Владелица дома, в котором они жили, ткачиха, имела ученицу, девочку-сироту названную Стилли, которой было тринадцать лет. Стилли и Кейсилит стали близкими подругами, и Стилли захотела оставить ткачиху, чтобы присоединиться к Сванмейс.

В то время, хотя это было законным обязательством каждого мастера, ткачиха еще не научила Стилли читать и писать. Белинда, лидер Сванмейс, не была страстно увлечена взять на себя ответственность за неграмотную девочку, способности которой были только к тканям, и похищение ученика было преступлением в Западных Вратах. Все же Белинде нравилась Стилли. Она пообещала Кейсилит, что если волшебница обучит Стилли читать и писать, то она пойдет в городской совет оспаривать права ткачихи на девочку, и подаст прошение взять ее как ученицу мечницы.

В течении зимы, Кейсилит обучала Стилли читать и писать. Стилли верила, что Кейсилит фактически обучала ее магии; то, что каракули на бумаге могли что-нибудь подразумевать, было очень благоговейно для девочки. Кейсилит шутила, что, если это волшебство, то это самые общие заклинания в Королевствах.

Той же зимой пенанггалан начала охотиться на женщин Западных Врат. Ни городская стража, ни искатели приключений, населяющие город, не могли обнаружить логово существа. При жизни, чудовище было дворянкой и ее семья и их власть помогали ей скрываться. Случайностью или судьбою, немертвая дворянка пришла в мастерскую мастерицы Стеллы, чтобы починить разорванный плащ и решила сделать ткачиху своей следующей жертвой. Объяснив, что не сможет прийти за плащом раньше вечера, пенанггалан договорилась с ткачихой о встрече после закрытия мастерской.

Немного позже, ткачиха узнала о плане Белинды взять Стилли к себе. Гневаясь, ткачиха приказал Стилли починить плащ дворянки, затем заперла девочку в рабочем помещении. Стилли слышала голос ее хозяйки, приказывающий Сванмейс убратся из ее дома, затем стук двери.

После рыданий о своем потерянном счастье, Стилли вернулась к работе. В кармане плаща дворянки, девочка обнаружила дорогой медальон с выгравированным именем. Так как Стилли научилась читать, она узнала, что имя принадлежит девочке, которая пала жертвой пенанггалан. Стилли громко позвала хозяйку, но ткачиха, думая что девочка только впала в истерику, пренебрегла ее криками. Гораздо позже вечером ученица услышала, как хозяйка отодвинула засов на двери дома, а затем закричала в ужасе. Пенанггалан пришла за ткачихой в своем истинном виде.

Запертая в рабочем помещении, Стилли слышала стоны ткачихи и звуки твари с чавканьем пьющей ее кровь. Стилли тряслась от ужаса до тех пор, пока не потеряла сознание.

Утром пенанггалан, снова в человеческой форме, отперла дверь рабочего помещения, чтобы забрать свой плащ. Симулируя заботу о девочке, немертвая дворянка пообещала вернуться и освободить Стилли когда стемнеет. Девочка скрыла свой страх и знание истинной природы женщины. Зная, что пенанггалан намеревается вернуться вечером, чтобы убить ее, так же как убила ткачиху, Стилли задумала отчаянную хитрость. На задней стороне плаща монстра она написала каракулями «пенанггалан» мелом, затем тщательно свернула плащ так, что ее ремонтные работы были видны, а надпись - нет. Дворянка кивнула, удовлетворенная работой и позволила Стилли помочь надеть ей плащ. Затем женщина оставила рабочее помещение, заперев ученицу. Это был последний раз, когда Стилли ее видела.

- Потому что люди прочитали надпись ... и убили пенанггалан, - сказал Джевел взволновано.

- История Элии так и закончилась, - сказала Кит, кивнув. - Чтение и письмо, обыкновенная грамотность, сохранили жизнь Стилли.

- Это все? - спросил Марл, неудовлетворенный рассказом.

- Нет, это не все, - возразила Кит, ее голос внезапно стал более глубоким и более внушительным. - Элия рассказала неправдивое окончание истории.

Глаза учеников расширились от удивления.

- Но почему Элия соврала? - спросила Лисака.

Кит пожала плечами. - Она узнала эту историю от отца, барда Финдера Драконошпора, другими словами он рассказал ее ей. Барды печально известны манипулированием фактами для их собственных целей. Но я знаю, что это не было правдивым окончанием истории. Я останавливалась в постоялом дворе, когда Элия рассказывала эту историю, - объяснила Кит, - и когда она закончила, одна женщина из слушателей обвинила ее во лжи и ударила.

Студенты открыли рты от изумления, даже Марл.

- Женщина была волшебницей Кейсилит из Сванмейс, - объяснила учительница. - Ей было только двадцать семь, но она выглядела как минимум на пятьдесят. Она рассказала Элии и сельским жителям истинное окончание истории.

- Какое? - спросил Марл.

- Предполагалось, что Кейсилит обучает Стилли читать и писать, - сказала Кит, ее голос звучал с горечью, - но вместо этого две девочки потратили зимнее время на легкомысленные игры с магией, игрушечными мечами, их волосами и платьями.

Когда Стилли нашла медальон в плаще пенанггалан, она не смогла прочесть надпись на нем. У девочки не было никакой возможности обнаружить, что дворянка была пенанггалан, и даже если ученица подозревала что-то исходя из услышанных ночью криков ткачихи, она не знала достаточного количества букв, чтобы написать что-либо на тыльной стороне плаща чудовища. Следующей ночью дворянка вернулась освободить Стилли. Она освободила ее от жизни, иссушив всю кровь с ее тела.

- О, нет, - прошептал Джевел.

- О, да, - ответила Кит.

- Они когда-нибудь поймают пенанггалан? - спросил Тодд, сын пекаря. - Минуту! - воскликнул мальчик. Это была та же пенанггалан в Вестгейте, которая была в Серпентсфорде. Кейсилит все еще охотилась на нее, чтобы отомстить за смерть Стилли, не так ли?

- Это она сказала Элии и ее товарищу Драконбайту, - ответила Кит.

- Так они поймали пенанггалан? - спросил Марл.

Кит продолжила. - У Элии был осколок камня-поисковика, старый разбитый артефакт. Если бы вы держали камень и имели ясное представление о ком-либо или о чем-либо, осколок указал бы путь светом в направлении того или чего, что вы хотели найти. Кейсилит говорила, что она однажды увидела человеческое тело пенанггалан. Элия дала ей камень. Его свет привел их к логову, скрытому под землей, где туловище пенанггалан лежало на катафалке свежих сосновых ветвей. Головы чудовища там не было; она вернулась бы перед рассветом, а сейчас была на охоте.

С важным видом, Кейсилит использовала магию, чтобы сжечь тело. Без туловища пенанггалан не сможет скрывать свою истинную природу. Если бы на голову упал солнечный свет, и она не возвратилась бы к своему телу в течении нескольких часов, то сгнила бы, следовательно пенанггалан не смогла бы путешествовать больше при дневном свете. Искатели приключений спрятались и начали ждать возвращения головы пенанггалан.

- И дождались? - спросил Марл. Он сидел на краю своего стула.

Кит покачала головой.

- Что случилось потом? - спросил Джевел.

- Элия, Драконбайт и сельские жители искали повсюду. В течении дней и ночей они искали пенанггалан или ее останки. Они не находили других скрытых логовищ, так же не находили и никаких других жертв пенанггалан. Они надеялись, что существо попало под солнечный свет и сгнило, но Элия не прекращала поиски до тех пор, пока у нее не будет несомненных доказательств смерти пенанггалан.

Даже Кейсилит сдалась. Она должна была вот-вот оставить деревню, когда большая метель пришла с северо-востока. Путешествие в любом направлении за пределы долины было невозможным в течение почти недели, поэтому она осталась. Маг становилась отчужденной и осунувшейся с виду.

Метель прекратилась, но к тому времени Кейсилит была очень больной, она была слишком ослабла даже, чтобы встать с кровати. Ее попутчица, хорошенькая девочка-найденыш звавшаяся Джилли, оставалась возле нее.

Однажды ночью, когда Элия и ее товарищ Драконбайт были готовы оставить постоянный двор для охоты, Драконбайт обернулся и зашипел. Драконбайт

происходил от странной расы ящеров называвшихся сауриалы, но на самом деле они – нечто отличное от вас и меня. Драконбайт был паладином, борцом бога правосудия, и подобно человеческому паладину он мог ощущать присутствие зла. Он примчался к комнате Кейсилит с Элией, следующей за ним по пятам. Пара вышибла дверь.

Что-то лежало на груди Кейсилит, прижавшись к ее шее. На миг Элии показалось, что это спящий ребенок. Существо имело шелковистые земляничные белокурые волосы, которые Кейсилит гладила одной рукой. Другая рука волшебницы обнимала то, что казалось, является рукой ребенка. Когда владелец постоянного двора подошел к двери с фонарем, Элия увидела, что существо, лежащее на Кейсилит, было пенанггалан. Она жадно пила кровь, что сочилась из двух ран на горле волшебницы, и блестящий черный хвост касался красивой головы, извиваясь подобно змее в руке мага.

Хозяин уронил фонарь и убежал. Элия застыла, озлобленная на себя, существо подняло голову и зашипело. У него было лицо попутчицы Кейсилит, Джилли. Обезглавленное туловище Джилли лежало на кровати рядом с волшебницей. Чудовище слетело с кровати, ее глаза пылали красным, кровь булькала в ее горле. Скрежещущим голосом она выкрикнула имя своей жертвы и улетела в направлении окна, но ее бегство блокировал сауриал паладин своим волшебным пламенным мечом. Элия заперла дверь на засов, закрывая чудовище в комнате с его жертвой и двумя авантюристами.

Пенанггалан могла летать, но потолок комнаты был низким, а меч Элии - длинным. Она зажала монстра в угол и должна была вот-вот нанести смертельный удар, когда ее спина взорвалась от боли пяти волшебных дротиков, погружившихся в ее тело. Элия оглянулась назад от удивления. Ее глаза расширились от потрясения, когда она обнаружила, что это Кейсилит только что напала на нее. Волшебница была не только жертвой пенанггалан; она также защищала немертвую тварь.

Драконбайт набросился на Кейсилит, не дав ей применить любую магию, но пенанггалан, захватив преимущество отвлекшейся Элии, с яростью бросилась в атаку. Она кинулась вниз на мечницу и хлестнула ее хвостом вокруг шеи. Элия неловко взмахнула мечом над головой, затем изо всех сил дернула хвост твари, чтобы он не задушил ее. Хвост был слизистым, как разлагающийся кусок мяса, и его зловоние леденило кровь. Понимая, что чудовище скоро раздавит ее горло, Элия решила на отчаянные действия. Она бросила свой меч и выхватила кинжал из ножен на ботинке.

Секундой позже она нанесла удар по хвосту пенанггалан. Горячая кровь хлынула на нее, немедленно залив глаза. Пенанггалан забила зубы в щеку девушки. Уронив кинжал, Элия схватила чудовище за волосы и оторвала от себя, нанося удары о стену снова и снова, пока не раздробила ее череп. Хвост медленно сдвинулся и начал сползать с горла Элии. Она сбросила чудовище на пол, подняла свой меч, и разрубила голову пенанггалан надвое.

Облако чернильного цвета поднялось от головы чудовища, сжалось в темную точку, и затем исчезло. На кровати рыдала Кейсилит: - Стили! - и Элия поняла, что случилось.

Кит сделала паузу в своей истории и на мгновение опустила голову. Она глубоко вдохнула и медленно выдохнула.

- Джилли была Стилли, - выкрикнул Тодд. - Никто не сжег труп Стилли, - размышлял мальчик, - поэтому она стала пенанггалан. Но что случилось с другой пенанггалан? Той, чье тело Кейсилит уничтожила? - спросил мальчик. - Была она той, что убила Стилли?

Кит покачала головой. - Нет, ту одну Сванмейс нашли и уничтожили. Никакой другой пенанггалан не было. Кейсилит создала иллюзию тела и уничтожила ее, чтобы Элия подумала, что чудовище мертво и ушла прочь.

- Но Элия была слишком опытным охотником, и не уходила, - отметил Марл.

- И когда Кейсилит и Стилли из-за снега оказались в Серпентсфорде в западне, Стилли пришлось питаться Кейсилит, так что она не могла быть поймана, - добавил Тодд.

- И Кейсилит помогла Стилли хотя та была пенанггалан, потому что она была ее подругой, - сказала Лисака.

- Пенанггалан - не тот человек, которым она была при жизни. Это только злая жизненная сила, одушевляющая ее тело, которое знает, что знала она, - утверждал Марл. - Правильно?

- Это верно, - сказала Кит мягко.

- Но Кейсилит не знала этого, не так ли? - спросил Джевел.

- Она знала, - ответила Кит.

- Пенанггалан вероятно загипнотизировала ее и сделала своей рабыней, - сказал Марл.

Кит покачала головой. - Вы понимаете, она чувствовала себя виновной в смерти Стилли, потому что не научила ее читать. Поэтому думала, что не заслуживает ничего лучшего для остатка своей жизни, чем служить рабыней зла, потому что создала злое существо.

Кит вздохнула. - Итак, она визжала и плакала, разглагольствовала и бредила. Она клялась, что никогда не простит Элии и Драконбайту свое освобождение из рабства пенанггалан. Однако же, они посещали ее, пока она оправлялась от ран, нанесенных пенанггалан.

- Больше чем она заслужила, - пробормотал Марл.

- Верно, - согласилась Кит. - Элия заверила волшебницу, что Финдер Драконошпор рассказал ей так много о Кейсилит, что она считает ее своей подругой, и не оставит, пока та не излечится. Кейсилит клялась, что никогда не встречала Финдера Драконошпора, но Элия всё равно оставалась. Наконец, в один прекрасный день, паладин Драконбайт сказал девушке то, что заставило ее изменить мнение о своих чувствах, и о том, что ей делать со своей жизнью.

- Что он сказал? - спросил Джевел.

- Он сказал Кейсилит, что бог правосудия ненавидит наказание ради наказания. Что нам придется найти путь искупления зла, которое мы делаем, и что мы не можем искупить зло злом, а только добром. Он предложил ей пойти обучать других детей, которым нужно было научиться читать и писать. И это как раз то, что она сделала.

- Так она стала учительницей подобно вам? - спросил Джевел.

- Да, она стала учительницей подобно мне, - ответила Кит. - Она преподает общую грамотность.

Марл, сын бондаря, оставался в школе еще два года, прежде чем купил себе собственный меч и присоединился к каравану как начинающий наёмник. К тому времени Кит Лейас обучила его читать и писать названия всяких злых существ, с которыми он, возможно, столкнется в Королевствах, и переехала в другую долину, чтобы обучать детей другого села. В свободное от службы время, Марл учился у прочих охранников каравана играть в анаграммы. Но после этого, сын бондаря проводил намного больше времени, думая о волшебнице Кейсилит и учительнице Кит Лейас.

УБИЙЦА ТЕНИ

Джесс Лебоу

Впервые опубликован в Антологии «Королевства Тени» под редакцией Лизза Болдуина, в апреле 2002 г.

Писать Убийцу Тени было очень интересно. В частности, сцены в Карсусе, плавучем городе. Это огромный мегаполис, который находится под управлением магов. Описывать улицы и здания глазами того, кто никогда не был в этом месте, было сложной задачей. Все чудесно и волнующе для Кая. Вещи, которые обыденны для волшебников, кажутся ему новыми и ужасающими. Поэтому я искал баланс между улицами, кажущимися ему чужими, и в то же время делая непринужденную среду городских жителей.

-Джесс Лебоу, март 2003 г.

*Год 3392 по исчислению Нетерила
(Год Изумрудных Рош,-467 ЛД)*

Влажный запах грязи висел в воздухе.

Олостин поставил ногу на последнюю ступеньку длинной лестницы. В подвале было темно и сыро, в дальних углах сустились невидимые в темноте крысы.

- Вы пришли, - сказал голос из темноты.
- Меня проводили, - отозвался Олостин.
- Вы хорошо нам послужили, - раздался другой голос.
- Спасибо, - кивнул Олостин.

– И вы преуспели в знаниях и силе, которую мы предоставили вам, – продолжил первый голос. – Ваши мародеры наносят ущерб окрестностям, а ваше имя вызывает страх в сердцах обывателей. Более того, даже архимаги заметили вас.

– Ваша дружба действительно очень мне помогла. Однажды я положу конец власти архимагов, и буду навсегда у вас в долгу.

Олостин поклонился на звук голосов.

– Тогда у нас есть для вас задание.

– Оно, без сомнения, увеличит вашу ненависть к правящей верхушке волшебников, – добавил второй голос.

– Конечно, – ответил Олостин, снова кланяясь. – Скажите мне только, чего вы хотите, и считайте, что дело сделано.

– Архимаг по имени Тень экспериментирует с новым видом магии, – объяснил первый голос.

– Он называет свой новый источник энергии Теневое Плетение, – вставил второй.

– Это Теневое Пленение может быть тем, с помощью чего архимаги смогут уничтожить нас.

– И чем же я могу помочь вам? – спросил Олостин.

– Убей Тень прежде, чем он узнает слишком много, – сказал первый голос.

– Как вам будет угодно, – ответил Олостин.

Он выпрямился и направился назад вверх по лестнице.

– Именем Олостина, подчинитесь или погибните! – Кай швырнул факел в дом с соломенной крышей и, пришпорив лошадь, понесся через деревню под названием Кат. Ночь наступила часом ранее, и луна только появилась над высокими утесами, обрамляющими край долины. Разгорающийся огонь на южной окраине Ката медленно озарял ночь, наполненную грохотом копыт почти сотни лошадей.

Дверь дома перед Каем распахнулись, и человек в ночной рубашке выбежал на улицу, спасаясь от разгорающегося пожара. Ставни того же дома со скрипом открылись, из окна повалил дым, и кашляющая женщина с темными полосами пепла на лице выскочила наружу с маленьким ребенком под рукой. Голова ребенка свешивалась на одну сторону, а нижняя часть тела болталась по широкой дуге.

Кай погнал сельских жителей к северной окраине поселка. Там, где Кат вплотную подступал к густому лесу, и ждала бегущих сельских жителей почти половина отряда налетчиков.

Мы окружим их и ограбим, думал Кай.

Он улыбнулся. Постоянное обогащение определенно было лучшим способом прожить свою жизнь.

Впереди кто-то закричал. Кай направил лошадь в ту сторону и остановился перед тупиковым проходом. Два других налетчика спешили и загнали селянку в угол. Она была одета только в легкое белое платье и одной рукой крепко держала тугой сверток перед собой. Другой она ощупывала стену переулка позади себя, не

сводя пристального взгляда с мужчин перед нею. Ее волосы были взъерошены, полосы грязи или сухой крови очерчивали подбородок.

– Эй, – крикнул Кай, отвлекая их внимание. – Отведите своим удовольствиям другое время. Вы слышали Люма! Сгоняйте жителей к лесу. У нас нет времени на эти игры.

Два спешившихся мужчины что-то проворчали Каю и плюнули в сторону его лошади. И снова повернулись к женщине.

Проклятые дураки, подумал Кай и пришпорил лошадь вниз по дороге.

Насчитывающая не более тридцати домов деревня расширялась на южной окраине и сужалась к лесу. В неразберихе набега – неумолимого грохота копыт лошадей, горящих крыш, криков бандитов – селяне рассеялись и быстро попали в западню налетчиков. Кай резко направил лошадь к лесу, и... в следующее мгновение уже находился на земле, а его лошадь неслась уже далеко впереди. Его копчик и спина болели, в середине грудной клетки жгло. Он встряхнул головой, стараясь прояснить взгляд. Нечто громадное внезапно надвинулось на него из темноты. Фигура подняла руку, и Кай инстинктивно откатился в сторону. Тяжелая цепь ударила об землю. Кай подскочил, встал на ноги и выхватил из ножен ятаган.

Человек с цепью поднял оружие над головой, раскручивая обеими руками тяжелые звенья. Зрение Кая немного прояснилось, и он смог получше рассмотреть нападавшего. У него были длинные, нечесанные светлые волосы, одет он был в черные одежды, подвязанные на талии длиной веревкой. Он был босой. Шрамы пересекали лицо и предплечья. Один, возле уха, все еще был покрыт темными струпьями. Плечи бугрились мускулами, а руки легко удерживали вес цепи.

Он двигался быстрыми продуманными движениями, пропуская цепь между руками, делая дуги в воздухе вокруг себя.

Кай повернул меч в руке, клинок отразил свет огней. Он сделал выпад. Металл лязгнул, и кончик ятагана ударил в землю. Мужчина едва сумел удержать его за рукоятку, но цепь все еще двигалась быстрыми кругами. В ушах послышался глухой хруст, и Кай увидел звезды. Его челюсть онемела, и он почувствовал вкус крови. Его противник, казалось, стал очень, очень высоким, и Кай понял, что он снова оказался на земле. Он перекувыркнулся, поскольку цепь просвистела у его уха.

Кай пополз назад, увеличивая расстояние между собой и блондином. Цепь снова ударила в землю, взметая грязь в лицо Кая. Откатившись, налетчик вскочил на ноги и выставил перед собой меч. Противник кивнул и пригнулся, раскручивая цепь и перекидывая её из руки в руку.

На этот раз цепь пошла низко. Кай подскочил и в воздухе рубанул по плоской дуге. Кончик его меча рассек темную одежду и оставил глубокую рану в груди белокурого. Приземлившись на обе ноги, Кай прыгнул назад, избегая удара по голове. Цепь двигалась теперь быстрее. Она походила на стену металла, настолько быстро крутил её враг.

Кай потянул кинжал из ножен. Это было единственное зачарованное оружие, которое он имел. Развернув его в левой руке, он сжал наконечник лезвия двумя пальцами, и сделал обманный выпад ятаганом. Блондин поднял цепь в оборонительной дуге, целясь в рукоять меча. Кай пропустил лезвие под крутящейся цепью и занес кинжал для броска. Но противник был слишком быстр и изменил

направление цепи, мешая Каю совершить точный бросок. Пытаясь удержаться на ногах, налетчик не смог бросить кинжал, опустив руку, чтобы удержаться от падения.

Цепь просвистела к земле, готовая снова бить вверх. Кай прыгнул вперед, стараясь оказаться как можно ближе к нападающему. Кровь забрызгала его ботинки – его ятаган глубоко ранил ногу блондина. Цепь изменила направление и, сильно ударив Кая в спину, швырнула его прямо на противника. Налетчик выпустил из руки кривой меч, отлетев от стены мускулов. Земля поднялась, и Кай еще раз оказался на камнях, устилавших грязные улицы Ката.

Цепь ударила снова, обернувшись вокруг тела. Холодные, тяжелые звенья обвили налетчика и спутались с остальной частью цепи, сделав полный оборот вокруг тела Кая. Как только темный металл зазвенел сам об себя, налетчик почувствовал, что вновь летит наземь. Белокурый человек, подтянув его, прижал ногой к земле, Кай хрюкнул, поскольку из его легких вышел весь воздух. Сжавшись в комок под ногой противника, Кай изо всех сил пытался не потерять сознание. Он чувствовал, что цепь заскользила и начинала распутываться. Большой человек так сильно тянул цепь, что Кая развернуло на спину разматывающейся цепью. Он посмотрел вверх. Блондин нависал над ним: брови нахмурены, губы сжаты, а в глазах читалась ненависть.

Со всей силы выбросив вперед руку, Кай швырнул свой зачарованный кинжал во владельца цепи. Волшебное металлическое лезвие легко погрузилось в мягкую плоть шеи, и рукоять задвигалась, когда человек машинально сглотнул. Кровь полилась из раны. Блондин сделал шаг назад и поднял руки к горлу. Гнев и злость исчезли из его глаз, уступив место страху и неуверенности. Схватив рукоятку кинжала, он вытянул лезвие из шеи. Кровь хлынула потоком, брызгами разлетаясь в воздухе.

Кай отползал, пытаясь подняться на ноги. Налетчик огляделся в поисках ятагана. Он лежал в грязи в нескольких ярдах от него. Пока Кай добирался до меча, чтоб поднять его, цепьеносец упал на колени, яркая красная кровь залила его руки, глаза выражали недоумение. Прежде, чем Кай поднял свой ятаган, враг упал лицом в грязь.

Кай глубоко вздохнул и огляделся. Огонь полностью пожрал дома. Крики и хаотичные звуки скачущих через деревню налетчиков смолкли. Его собственной лошади нигде не было видно, и он проклинал себя за то, что поехал мимо этого крутящего цепь бабуина. Он ощупал свое тело, чтобы оценить повреждения. Ушиб на груди, полученный при ударе цепью, когда его сбили с лошади, стал уже темно-фиолетовым. Копчик и спина опухли, но двигаться было можно. Он потерял несколько зубов, но челюсть, работала достаточно хорошо для того, чтобы он смог насладиться ужином возле походного костра этой ночью, и это было все, что ему требовалось знать.

Вкладывая меч в ножны, Кай подошел к блондину. Его зачарованный кинжал лежал между кончиков пальцев убитого. Цепьеносец лежал лицом вниз в большой луже остывающей крови. Кай вытер кинжал о темную одежду мертвеца.

Звук копыт заглушил треск горящих соломенных крыш. Кай развернулся на месте с кинжалом в руке.

– Что стоит отличный бой, если я говорю сам с собой.

Кай признал говорившего – Люм, капитан отряда налетчиков. Он подъехал на лошади и остановился перед лежавшим человеком.

– Сэр? – Кай посмотрел вниз на свои ушибы и кровоточащие раны.

– Я видел все это. Большинство... – он махал рукой, показывая через плечо в сторону леса и остальной части отряда, – валялись бы мертвым после схватки с таким человеком как этот.

– Спасибо, сэр.

Кай смотрел на лезвие своего кинжала, рассеянно вертя его в руках.

– Если бы все мои люди могли сражаться как этот, мы смогли бы взять Карсус без участия налетчиков Олостина.

Люм спешил, подошел к мертвецу и затем перевернул его ботинком.

Глаза человека были открыты, но уже ничего не видели. Рот широко открыт, как будто мужчина пробовал отдышаться, кровь все еще сочилась из его шеи, но уже начинала свертываться.

Люм окинул мертвеца внимательным взглядом и сказал:

– Ты знаешь, Кай, я думаю, что у меня есть для тебя работа. Зайди утром в мою палатку, и мы обсудим детали.

Люм вставил ногу в стремя и запрыгнул в седло.

– Между прочим, – сказал капитан, – основные силы вернулись в лагерь. Остальная часть отряда сторожит сельчан.

Люм повернул лошадь к деревне.

– И еще кое-что, Кай, – сказал он через плечо.

– Да, сэр?

– Желаю хорошо провести время у походного костра сегодня вечером, и не забудь получить свою часть добычи. В этот раз мы получили хорошие трофеи.

– Спасибо, сэр, я понял.

Вечерний праздник был великолепен. Добычи, полученной налетчиками, было больше чем когда-либо. Один из мужчин порылся в запасах Ката и выкатил наверх несколько бочонков хорошего красного вина и большую бочку меда. Того, что было в этих бочках, оказалось более чем достаточно, чтобы сделать приблизительно пятьдесят налетчиков из отряда Кая веселыми, как монахи в винограднике.

Походный костер бушевал. Вино лилось. Мужчины рассказывали истории своих побед в ходе набегов. Враги, с которыми они сражались, становились больше и страшнее по мере продолжения вечера. Богатство, которое они украли, стало состоянием, даже самые могущественные короли позавидовали бы ему. Они смеялись, танцевали и врали друг другу, пока все не упало без чувств. Потом они спали. Налетчики могли позволить себе лишнего в этот вечер, ибо их добыча была действительно велика. Капитан Люм не участвовал в посиделках у костра, но не стал рано будить людей после бурного празднества.

Да, жизнь таких как Кай очень даже удалась. У него была свобода делать то, что он хотел, разумеется, пока это не противоречило заданиям, что ему дали. К тому же,

присутствовал дух товарищества с другими рейдерами. У него было богатство и вино, и время от времени даже привязанность дамы или двух. В целом, жизнь была хороша.

– Ты весьма быстр, Кай, – похвалил Люм. Кай проснулся как раз перед полуднем, и после того, как макнул голову в бочку для дождевой воды и повторно перевязал свои раны, полученные в ночном бою, отправился на встречу с капитаном.

– Спасибо, сэр.

Кай был не из военной семьи, но считал, что старших по званию надо уважать. Люм был капитаном отряда налетчиков и, по крайней мере, лет на десять старше Кая, поэтому он полагал, что этот человек заслуживает называться сэром.

– Садись, пожалуйста, – Люм указал на стул в углу палатки.

Кай кивнул и сел.

Палатка Люма была уютной. Гамак одним концом был прикреплен к шесту, держащему центр крыши палатки, а другим – к шесту в углу. Стол со стулом стояли в противоположном углу возле большого сундука. Бумаги были сложены аккуратными стопками на столе, рядом стояла большая трубка с водой. Она была зажжена, и Люм сделал несколько затяжек из неё, пока Кай устраивался поудобней.

Капитан наклонился вперед на стуле, опираясь на стол.

– Как давно ты в этом отряде, Кай?

– Приблизительно год, сэр.

– Так мало? – спросил он.

Кай кивнул.

– Ты знаешь, я не очень хочу признавать это, но я работал у Олостина в течение пятнадцати лет. И возглавлял рейдерские отряды в течение пяти лет. – Люм откинулся на спинку стула. – Я боюсь, что не помню всех юношей, которые приходили в отряд и уходили из него. Я думал, что ты давно уже в отряде, но полагаю, что я путаю тебя с кем-то еще.

Люм мгновение смотрел на свои ладони. Кай поерзал на стуле.

– Кай, я не отвечаю за ошибки других. Если человек в моем отряде совершает самоубийство, то это – его собственная ошибка.

Он оглядел молодого человека сверху донизу, затем посмотрел ему прямо в глаза. Кай мгновение выдержал его пристальный взгляд, а потом опустил глаза.

– Если я не помню, как долго ты был с отрядом, то только потому, что я видел сотни убитых, точно таких же, как ты. И сказать по правде, я не могу даже вспомнить ни одного из их имен. По мне, их, возможно, всех звали Кай.

Люм хмыкнул, но тут же стал серьезным и еще раз оглядел наемника.

– Я подхожу к сути, Кай. У меня есть для тебя работа.

– Сэр, – ответил тот, не уверенный, что еще он может сказать.

– Как я заметил, ты достаточно хорошо обращаешься с кинжалом, и сумел выжить вчера вечером. Я надеюсь, – продолжил Люм, – что ты сумеешь остаться в живых в этом небольшом проекте. Скажи мне, что ты знаешь о нашем прославленном лидере Олостине?

– Сэр, я знаю, что он борется за свержение тирании архимагов, сэр.

– Это самый практичный ответ, когда-либо слышанный мной.

Кай был поражен и начал подниматься, чтобы защититься. Люм вскинул руку и засмеялся.

– Всё в порядке, сынок. Ты понял основную идею.

Кай уселся обратно на стул. Он чувствовал себя так, словно его ругал отец.

– Ты хочешь остановить... тиранию архимагов?

Кай смотрел на капитана, задаваясь вопросом, к чему все это. Все эти вопросы о преданности и подтрунивания над его возрастом начинали его злить.

– Ну, Кай? – капитан повысил голос. – Ты веришь в то, за что мы боремся?

– Да, сэр, верю.

Кай стиснул зубы. Он не думал, что его представление предыдущим вечером было столь захватывающим, как капитан, казалось, верил, но как сказал сам Люм, он все еще был жив. Конечно, он не заслужил выговор за то, что убил опытного бойца в середине рейда. Эта встреча началась так хорошо, а теперь казалось, будто капитан обвинял его в том, что он шпион или кто-то еще.

– Ну, тогда, сынок, – спокойным голосом сказал Люм, – ты нужен мне, чтобы убить архимага Тень.

Поездка на спине грифона к плавающему городу заняла у Кая два дня. Архимаг Тень жил в Карсусе – городе, отличающемся от тех, что Кай видел прежде. Он плавал, но это было самым малым из того, чем мог похвастаться город.

Улицы были прямыми. Вдоль каждой по маленькому желобу текла вода. Метлы двигались сами по себе, сметая туда пыль и мусор. Мосты поднимали улицы над широкими реками, и прохожие ходили не только по кривым каменным строениям, но также по их внутренней стороне. Волшебники, осторожно неся пакеты с едой или охапки книг, небрежно шли вверх тормашками. В городском парке четверо пожилых волшебников в робах свободно вращались в воздухе, сосредоточив внимание на глобусе размером с дыню, которая парила между ними. Каждый по очереди замысловато передвигал ограненные драгоценные камни по глобусу и смеялся, поскольку результат их перемещений изменял положение, угол или скорость вращения одного из волшебников, принимающих участие в действе.

Казалось, что каждый в Карсусе использовал волшебство, и всё, что они делали, бросало вызов тому, что маленький Кай знал о мире и его устройстве. Дети играли на стенах зданий вместо того, чтобы играть на земле или в парке. Вода текла вверх и, в некоторых местах, по воздуху. Странные каналы, которые прочерчивали улицы, не имели начала или конца, они просто продолжали нести свежую, чистую воду через весь город. Люди, улыбаясь, вели молодых домашних драконов по оживленным городским улицам. Группы волшебников появлялись – как будто из ниоткуда – прямо в ходе беседы, очевидно, не сознавая, что обстановка вокруг них изменилась. Сумки и коробки плыли по воздуху, ни за что не подвешенные, но направляющиеся точно в пункт назначения.

Кай старался не таращить глаза по пути через город. Перейдя мост и спустившись на несколько блоков, он нашел высокое, узкое здание с дюжиной стоящих друг на друге дверей по всей высоте фасада здания. Резной деревянный знак на уровне улицы гласил: «Гостиница 'Врата Чарли'». Волшебники небрежно выплывали из дверей верхних этажей, залетали обратно, зависали в воздухе, закрывая двери за собой.

Кай арендовал комнату на несколько дней. Он хотел узнать о своей цели как можно больше, прежде чем окажется перед ней.

Хочется надеяться, думал Кай, что Тень будет настолько поглощен своими исследованиями, что не заметит моего появления.

Но на это молодой убийца мог лишь надеяться. В открытом бою, Кай, возможно, был в состоянии победить того искусного бойца в Кате, но архимаг был совсем другой историей. Если он не сможет убить быстро, чисто, неожиданно, то для него будет всё кончено. Как только он обосновался в комнате, он понял, что получит только одну возможность убить. И намеревался максимально использовать эту возможность.

Прежде, чем Кай уехал в Карсус, Люм открыл склад оружия отряда, чтобы позволить Каю выбрать снаряжение. Здесь были стойки с мечами, броней, луками, и даже вещи, которые Кай никогда прежде не видел. Работа, которую ему поручили, будет наверняка трудна, но дополнительное снаряжение могло сделать её немного легче. В конце концов, Кай просто взял маленький арбалет, волшебную кожаную броню, и свой собственный зачарованный кинжал. Лучше путешествовать налегке.

Кай достаточно легко проник в резную кирпичную башню, в которой жил Тень. Фактически, на двери не было даже замка. Не желая стать жертвой самонадеянности, убийца двигался через переднюю очень осторожно, проверяя через каждые несколько шагов наличие западни или волшебных глифов. Ему потребовался почти час, чтобы пересечь зал.

Но в длинной прихожей не было никаких ловушек. *По крайней мере, я не был разорван в клочья,* подумал Кай. Миновав угол, он вошел в очень большую, чрезвычайно богатую гостиную. Мародер в Кае трепетал. Возможно, Люму следовало бы послать его просто ограбить архимага. Богатства, находящегося в этой комнате, хватило бы, чтобы заплатить ста убийцам по десять раз. Стулья с высокими спинками стояли вокруг искусно вырезанного деревянного стола, серебряные подсвечники с камнями магического огня стояли вокруг окон, канделябры, украшенные драгоценными камнями, стояли на стойках, столах и подоконниках. Книги в кожаных переплетах были сложены в сотни опрятных рядов и лежали на более чем нескольких дюжинах больших книжных полок вдоль стен.

На противоположной стороне комнаты вдруг распахнулась дверь. Кай присел и кувыркнулся за один из стульев с высокой спинкой. Он вжался в мебель и затаил дыхание. Тяжелые шаги отозвались эхом по деревянному полу. Кай схватился за кинжал.

Шаги приблизились. Кай чувствовал легкое дуновение на щеке, и перед его глазами заплясали яркие пурпурные, желтые и серебряные цвета. Юноша мигнул, пытаясь очистить голову от одурманивающей магии, и цвета пропали – но они не были волшебными. Он узнал подол женской юбки. Молодая светловолосая женщина с серебряным подносом, одетая в тяжелую одежду, шла к месту, где скрывался Кай. Она стремительно прошла мимо и вышла из зала. Шаги затихли.

Кай встал, но тут дверь распахнулась снова. Нырнув за мебель, он был уверен, что на сей раз его заметили. Тяжелые шаги еще раз прошли по этажу. Кай спрятался за кафедрой, перекатился по полу вокруг стола и выскочил позади того вошедшего. Замахнувшись кинжалом по широкой дуге, молодой убийца резко замер. Та же самая блондинка, ярко одетая, которая прошла секундой раньше, снова была в середине комнаты, только на сей раз она несла большой серебряный кувшин. Она шла через гостиную, совершенно не беспокоясь о присутствии Кая.

Дверь открылась снова. Кай развернулся, держа перед собой кинжал. Светловолосая женщина входила в гостиную в третий раз, но теперь она держала в руках большую коробку. Ее блестящие синие глаза смотрели прямо вперед, и она двигалась к убийце. Два звука тяжелых шагов отозвались эхом на древесине, один впереди и один позади. Тряхнув головой, уверенный, что он подвергся магической атаке, Кай отпрыгнул с пути женщины, тяжело приземлившись на шикарный кожаный стул и сломав его, с грохотом рухнул на пол.

Поднявшись и отступив в угол, Кай осмотрел комнату в поисках любого способа убежать. Две блондинки – одетые в одинаковые пурпурные, желтые и серебряные льняные юбки, одна с кувшином, другая с коробкой – шли через гостиную. Ни одна не казалась хоть немного заинтересованной присутствием Кая. Они вышли через комнату в прихожую, с явным намерением доставить свои ноши по назначению. Юноша наблюдал за ними, стоя в углу и переводя дыхание.

Дверь открылась снова. Еще две женщины – те же самые женщины, которых Кай видел уже трижды – вошли в гостиную и направились в прихожую, эхо их тяжелых шагов повторялось, накладываясь друг на друга. Кай на сей раз не сделал никакой попытки скрыться, и женщины полностью его проигнорировали. Подобрав книгу, молодой убийца швырнул её в одну из блондинок. Книга ударилась с глухим стуком и упала на пол, однако ни одна из них не обратила на это внимания.

Если они не иллюзии, подумал Кай, то должны быть конструктами.

Поняв, что он не под чарами, Кай продолжил миссию.

С другой стороны комнаты была лестница, ведущая вниз. Кай пересек зал и двинулся по ней, по пути избегая големов. Лестница была длинна, и чем ниже он спускался, тем холоднее становился воздух. Старые деревянные ступени были местами деформированы, и Кай делал все возможное, чтобы избежать скрипа. Внизу был другой коридор. Дверь у основания лестницы была приоткрыта, и оттуда лился свет. Одна из одетых в пурпур женщин вышла из комнаты и направилась в гостиную. Скользя мимо конструкта, Кай заглянул в открытую дверь. Он видел кровать и прикроватную тумбочку в богатой, но грязной спальне. Кто-то шаркал с ящиком и небольшой пачкой бумаг вне его поля зрения. Кай потянул кинжал из ножен, вжался в противоположную стену, и стал ждать. Пот бисером выступил на лбу Кая. Шарканье в комнате продолжалось.

Ящик захлопнули, в поле зрения появилась фигура, севшая на кровать. Квадратная челюсть, песочно-каштановые волосы, зеленые глаза, маленькие очки в тонкой оправе, и бросающийся в глаза шрам на левой щеке – это был Тень. Выглядевший моложе, чем Кай ожидал, этот человек полностью соответствовал описанию Люма. Внимание архимага было сосредоточено на большой куче бумаг, которые он держал в руках – он делал пометки на них кусочком древесного угля.

Кай глубоко вздохнул и начал. Замахнувшись кинжалом, он ворвался в комнату, швыряя зачарованное лезвие в Тень. Волшебник даже не отвлекся от бумаг. Он просто махнул рукой, и кинжал остановился в воздухе. Хуже того, Кай встал замороженный, неспособный мигнуть или даже вытереть льющийся со лба пот.

Достаточно долго Тень просто продолжил читать свои бумаги, небрежно пролистывая их, как будто в его спальне не было волшебного остановленного убийцы. В конце концов, он закончил с работой, поправил бумаги, и обратил внимание на Кая.

– Не слишком ли вы юны, чтобы быть убийцей? – спросил он.

Кай не ответил. Это было его первым убийством, поэтому он действительно не знал, как следовало действовать. Похоже, что теперь он никогда не получит возможности выяснить это.

– Неважно, – продолжил архимаг. – Ваш возраст мне безразличен. Но, однако, факт, что вы попробовали убить меня. Так? – он посмотрел Каю прямо в глаза. – Как вы думаете, что мы должны сделать теперь?

Кай попробовал плюнуть в человека, показывая свое негодование и презрение к волшебникам, которые слонялись без дела с мощным, потусторонним волшебством, которое, он был уверен, приведет к гибели всего мира, но не смог. Он не мог пошевелить губами или даже языком.

– Ну? – спросил архимаг. – Вы собираетесь мне отвечать?

Маг захихикал, оперся руками в колени и встал с кровати. Он взял зачарованный кинжал оттуда, где он остановился в воздухе.

– Очень хороший, действительно очень хороший, – прокомментировал он, – но я не использую такого вида игрушки. – Он пошел к комоду и положил на него кинжал. – У меня их немного, я их храню как подарки от убийц, которые больше всего заинтересовали меня, но, в общем, я не люблю пользоваться ими. Вся эта кровь и всё такое. – Тень сморщил нос, – нет, магия намного более чистая.

Он взял жезл с прозрачным камнем на конце и кожаной лентой.

– И, – добавил он, идя назад к Каю, – намного более интересная и назидательная. Только подумайте, если бы я просто ткнул вас вашим ножом несколько раз, то уверен это было бы больно, и умерли бы вы довольно быстро, мука, которую вы испытывали, закончилась бы. С магией... – он размахивал палочкой, – я могу поймать вас в ловушку в этом кристалле. Там вы умрете медленно, поскольку ваши предшественники иссушат вашу силу и сдерут вашу кожу.

Он тепло улыбнулся Каю, который был все еще неспособен двигаться.

– Но самое лучшее, однако, то, что, как только вы умрете, ваше наказание не закончится. Вы возродитесь как тень, и будете существовать остальную часть вечности как эфирное существо, неспособное ощущать материальный мир. Это кажется гораздо более ужасающим, не правда ли?

Кай хрюкнул, пробуя всё силу вложить в движение пальцами.

– Да, я уверен, что вы согласились бы, что это является намного худшим, чем просто смерть.

Тень отвернулся от двери и занялся уборкой комнаты.

– Хотя я не хочу, чтобы вы думали, что, заманив вас в ловушку в этом жезле, я совершу легкий подвиг.

Кай продолжал бороться, получив капельку надежды – он мог теперь шевелить пальцами ноги и сжимать мускулы в челюсти.

– Мне потребовались годы, чтобы довести этот артефакт до совершенства, – продолжил архимаг. – Правда, заклинания заключения достаточно просты, о чем вы теперь, я уверен, знаете.

Тень продолжал возиться в комнате.

– Нет, это – преобразование человеческой плоти в иллюзорную, оказалось хитрым делом, хотя и возможным.

Кай чувствовал, как теплота разлилась по его рукам и груди, и он смог немного шевельнуть ногой.

Тень смотрел на жезл с почтительным благоговением.

– Это небольшое устройство представляет наибольшую работу моей жизни. Вы знаете, – сказал он, говоря с Каем, а скорее, с собой, – я уже долго живу, и как мне кажется, мы растем, а вещи только продолжают становиться меньше и меньше. – Он хихикнул. – Я предполагаю, что это то, что мы называем прогрессом.

Кай почти восстановил контроль над телом. Если Тень продолжит развлекать себя еще несколько минут, то он смог бы преодолеть чары. Наемник предпочитал умереть при попытке побега, нежели стоя, как глупый осел.

– Так или иначе, хватит детской болтовни, – архимаг вновь обратил внимание на молодого убийцу и нацелил в него жезл. – Думаю, что я сначала должен выяснить, кто нанял вас, прежде чем от вас избавляюсь. Я предполагаю, что вы действуете не из личных побуждений. Вы слишком молоды для этого.

Стена позади Тени взорвалась. То, что казалось твердым камнем, было секретной дверью, сделанной из дерева, и осколки украшенной камнями двери, осыпали двух мужчин. Два гигантских огра стояли наверху лестницы в проломе.

Кая отбросило на пол рядом с кроватью. Тень был слишком занят первым убийцей, чтобы защитить себя от двух новых, и потому рухнул лицом в пол. Огры не тратили впустую времени, и ворвались в комнату, чтобы ударить упавшего архимага. Кулаки огромных размеров начали бить волшебника. Зверюги действовали слаженно, избивая человека и одновременно отражая удары. Потом один вытащил из-за спины большой меч. Лезвие вышло из ножен с жирным скрипом.

Кай наконец-то обрел контроль над своим телом, поднялся на ноги, вытаскивая большие осколки из своей кожи. Огры не замечали его, превращая Тень в кровавую кашу прямо в середине дверного проема. Он огляделся в поисках спасения.

Если огры вошли сюда, то должен быть и выход, думал он.

Он глубоко вздохнул, успокаиваясь. Секунду он приводил в порядок мысли в своем расшатанном мозгу. Что, если там было еще больше огров? Что, если они

использовали магию чтобы проникнуть в нижние покои? Если он пойдет туда, то не попадет ли в ловушку?

– Поднять его, – закричал огр с мечом.

Другой хрюкнул, прекратил бить архимага, наклонился и поднял человека за одежду.

Кай повернулся к двери, решая рискнуть. В то время, как огры готовились обезглавить Тень, молодой убийца миновал дверь, надеясь проскользнуть на свободу позади занятых делом зверюг и обреченного архимага.

Он сделал два больших шага и пригнулся, приготовившись прорваться напролом. Огр, держащий Тень, сделал полшага назад точно в тот момент, когда Кай неся через комнату, и врезался в бегущего человека. Два убийцы запутались друг в друге, и оба рухнули на пол – Кай, кубарем полетел в прихожую, а огр в дверной проем. Тень оказался на ногах, поскольку огр, падая, рывком поднял его с пола.

Жезл все еще был в его руке, он крикнул:

– *Шадоминиаропалазитси!* – и направил увенчанный кристаллом кончик жезла на поднимающегося огра.

Темный серый поток вырвался из жезла и полетел прямо в убийцу-огра. По мере приближения к монстру поток начал изгибаться и разделяться. Он сформировал вихрь тьмы вокруг зверюги, и серые частицы потока начали отделяться и принимать особые, человекоподобные формы. Тени имели узкие, удлиненные головы, и веретенообразные, уродливые конечности, они кружили всё быстрее вокруг огра. Тот стоял, подняв меч над головой и вытаращив от ужаса глаза.

Тени напали, налетев на вооруженную фигуру, и начали рвать её когтями, которые, казалось, появились из ничего. Кай услышал завывание зверюги, испытывающей боль, но никакой крови не было видно. Вместо этого огр опустил меч и медленно оседал на пол, грохнувшись, в конце концов, с глухим звуком как мешок лошадиного навоза.

Кай вскочил на ноги и припустил вверх по ступеням. Он видел достаточно. Со скоростью, какой раньше никогда не развивал, он помчался вверх по лестнице, избегая ярко украшенных служанок, и выскочил во входную дверь. Он бежал, не оборачиваясь, и только летя на грифоне назад с докладом к Люму, он осознал, что у него больше нет его зачарованного кинжала.

Прибыв в лагерь на рассвете второго дня, Кай вбежал в палатку Люма.

– Сэр, у меня ужасные срочные новости.

Люм сидел за столом и завтракал. Лихорадочное появление юноши поразило капитана, он чуть не подавился и закашлял с полным ртом.

– Во имя всех богов, что ты делаешь! – закричал он, почти тут же его тон изменился. – О, Кай!

Люм встал.

– Что это, парень? Ты убил архимага?

– Нет, сэр, я этого не сделал.

Люм ударил рукой по столу:

– Тогда, что ты делаешь здесь?

Кай быстро и сбивчиво рассказал Люму все детали его покушения. Он не пропустил ничего, и капитан внимательно выслушал всю историю. Потом настала его очередь говорить.

– Действительно ли ты уверен, что они были тенями, вышедшими из палочки? – спросил он.

– Да, сэр, я абсолютно уверен.

– Боги. Жезл с такой силой может...

Повернувшись, он обхватил ладонями голову, и начал ходить позади стола и по периметру палатки. Через несколько мгновений он вышел из задумчивого состояния, посмотрел на Кая и тряхнул головой.

– Но ты потерпел неудачу. Я должен был знать, что цепьеносец не был достаточным противником, чтобы определить, сможешь ли ты убить архимага.

– Сэр?

Люм заговорил, кружа по комнате:

– Цепьеносец, сынок! Я послал его, чтобы проверить тебя. Как ты думаешь, откуда человек с такими навыками в такой деревне как Кат?

– Вы послали белокурого человека из-за меня, сэр? Но, я... я не понимаю.

– Ты действительно глуп, мальчик? Я заслал человека в Кат и заплатил ему, чтобы он напал на тебя, – ответил Люм.

– Но... но почему? Тот человек чуть не убил меня.

– Чтобы увидеть, годен ли ты для такой работы, – объяснил он. – Но, очевидно, это был неподходящий тест.

Кай стоял с опущенными руками и широко открытым ртом.

Люм еще некоторое время шагал взад-вперед, потом взглянул на Кая.

– Дитя, хватит плакать. Ты жив. Все, что осталось сделать, это вернуться, чтобы убить Тень и получить ту палочку. – Люм подошел к юноше и положил руку ему на плечо. – Несмотря на то, что ты потерпел фиаско, ты можешь предоставить нам – и непосредственно нашему лидеру Олостину – реальную возможность избавить мир от надменного архимага.

Кай только зло смотрел на Люма.

– Сынок, если мы получим ту палочку, – объяснил капитан, – мы сможем использовать её против Тени и ему подобных. Мы пробовали убить этого человека в течение многих лет, и теперь мы сможем, наконец, использовать его собственное изобретение против него. Ну, разве это не прекрасно?

Он улыбнулся и хлопнул Кая по плечу.

– Ты знаешь, Кай, я посылал бесчисленное количество убийц к Тени за эти годы, и ты первый вернулся живым. Ты должен гордиться этим. Ты – один из многих, и теперь ты получишь возможность закончить свою миссию.

Кай отодвинулся от капитана:

– Делаете, что вы хотите, но я не буду больше иметь с этим дела.

Люм прищурил глаза и пристально посмотрел на него.

– Ты сделаешь то, что я тебе говорю, или ты труп, – он шагнул к Каю и положил руку на рукоять сабли.

Кай не дрогнул перед ним:

– Однажды вы уже послали меня на верную смерть. Я не вернусь туда.

Капитан выдернул меч из ножен со скрипом, ударив Кая прямо под челюстью. Молодой убийца упал на спину, прижав руку к лицу, пытаясь остановить поток крови, и пристально посмотрел на капитана. Два вооруженных охранника с обнаженными мечами вошли через откидную створку палатки.

– Отведите его в его палатку, – приказал мужчинам Люм. – И удостоверьтесь, что он никуда не денется.

Он глянул на юношу, лежащего на полу.

– Он скоро понадобится, чтобы закончить его неудавшееся дело.

Два дня спустя Люм послал группу охранников сопроводить Кая к складу оружия отряда. Там капитан давал инструкции маленькой группе мужчин.

– Я лично возглавлю вас, чтобы удостовериться, что на сей раз мы преуспеем там, где Кай потерпел неудачу, – произнес Люм.

Он улыбался Каю, пока охранники освобождали связанного юношу.

– Кай отправится вперед один, под моим наблюдением, предоставив необходимые данные о доме Тени и его привычках.

Он оглядел толпу собравшихся убийц.

– Если этот человек, – Люм указал на Кая, – попытается убежать, или любым другим способом избежать своих обязанностей, он должен быть казнен. Вам это ясно?

Каждая голова в отряде кивнула в знак согласия.

Каждому из убийц дали специальные ботинки, заглушавшие звук шагов, специальный плащ, в котором труднее было их увидеть, и амулет, делающий их менее восприимчивыми к эффектам магии Тени.

– Они не будут защищать от теней, – объяснил Люм, – но они сделают вас менее подверженными волшебству архимага.

Кай стиснул зубы. Эта миссия была бы не нужна, имей он один из этих амулетов при первой попытке.

Люм дал каждому из мужчин легкий арбалет с единственным болтом, и маленький кинжал.

Они поехали в Карсус.

По плану Кай во главе других убийц проникает в спальню Тени, где они сокрушат его с явным превосходством в численности.

– Архимаг не будет использовать что-нибудь смертельное в маленькой комнате, – рассуждал капитан. – Более вероятно, что он попытается подчинить нас, как он сделал с Каем, или внушит целой группе, что он – наш союзник и у него с нами общее дело. Мы не позволим этому произойти. Как только он появится в поле зрения, мы разряжаем в него арбалеты. Болты, которые я дал вам, усилены волшебством, чтобы обеспечить прекрасную пробивную силу. У вас есть только один болт, ибо, если вы промахнетесь, времени на другой выстрел не будет. Застаньте его врасплох, и он не сможет использовать заклинания, и мы все выйдем живыми с этого задания.

Люм посмотрел на каждого убийцу по очереди.

– Как только Тень умрет, мы найдем его жезл, выберемся оттуда и отпразднуем.

Рейдеры издали громкий возглас. Кай держал рот закрытым. Задание обещало быть не из легких, и он знал, что большинство этих мужчин, включая его самого, могут не вернуться. Он лишь надеялся, что один из тех, кто не вернётся в лагерь, будет капитан Люм.

При входе в богатый дом Тени, Люм ткнул кончиком сабли в ребра Кая:

– Теперь будь хорошим парнем и проводи нас.

Кай провел бесшумную, почти невидимую группу убийц через длинную прихожую в расположенную внизу комнату. В полной тишине отряд обходил светловолосых конструкторов и двигался вниз к спальне.

Так же, как и прежде, дверь в конце зала была приоткрытой, оттуда лился свет. Кай поманил других убийц и прижался к стене напротив. Налетчики подчинились и обошли его, занимая позиции с обеих сторон двери. Люм встал позади Кая и кивнул ожидающим бойцам. Один из них протянул руку и тихо посчитал пальцами до трех, затем он проскочил в дверь, другие последовали за ним.

С того места, где он стоял, Кай мог только видеть, что мужчины покинули холл. Из-за ботинок, что они носили, он не мог даже услышать, как они двигались. Он и капитан Люм ждали звуков драки или брошенного заклинания, но их всё не было. Через несколько секунд тишины один из мужчин вернулся в холл и махнул им. Люм толкнул Кая плечом, и тот двинулся к двери впереди капитана.

В спальне все еще был беспорядок, но стена была заделана в том месте, где огры ворвались в комнату. Убийцы стояли, бросая нервные взгляды по сторонам, как будто что-то невидимое могло подкрасться к ним. Кай двинулся к стене, остановившись у комода, где все еще лежал его зачарованный кинжал.

Я предпочитаю умереть с этим в руке, подумал он. И взял клинок.

Когда он достиг участка стены, где была секретная дверь, то положил ладонь на место, где, по его мнению, мог бы начинаться проем. Его пальцы прошли через стену. Архимаг не восстановил сломанную стену, он просто заколдовал отверстие. Надо было просто пройти через иллюзию, чтобы добраться до лестницы.

Кай распрямился и направился в холл, к ожидающему его Люму.

Капитан впился взглядом в Кая и спросил:

– Что происходит?

– У Тени есть лаборатория в подвале за той стеной. Он наложил иллюзию на пролом, чтобы заставить нас думать, что стена целая, но на его месте я бы оборонялся иначе. Я думаю, что лучше затаится здесь и ждать его появления.

Люм кивнул и толкнул Кая обратно в дверь. Капитан расположил убийц в стратегических местах в комнате, потом вернулся в прихожую, взяв с собой Кая, чтобы подождать в относительной безопасности.

Прошло несколько часов. Убийцы ждали. Наконец стена заколыхалась. Тень смотрел на хитрое изобретение в его руках и нисколько не обращал внимания на окружающее. Палочка была на поясе его одежды, и у него, казалось, не было ни ушибов, ни шрамов, которые должен иметь человек, жестоко бившийся с двумя ограми.

Сделав два шага по спальне, архимаг понял, что что-то не так, и начал творить заклинание. Убийцы разрядили арбалеты, и человек закричал, роняя изобретение, и отшатнулся к кровати. Заклинание замерло на его губах.

Кай видел, как волшебник упал на колени, и Люм, издав взволнованный визг, вбежал в комнату с кинжалом в руке. Тень держал руки на уровне груди и смотрел в пол. Он истекал кровью.

– Ну, ну, ну, – пропел Люм. Он стоял в нескольких шагах от архимага с широкой улыбкой на лице. – Не могущественный архимаг Тень ли это? Знаете, как долго я пытался убить вас?

Маг поднял глаза от пола, заканчивая произносить слова заклинания. Волшебные болты, выступившие из его тела, пролетели через комнату и попали в убийц, которые выпустили их. Каждый замертво упал на пол с болтом, торчащим из лба. Тень продолжал истекать кровью, и он поднял руку в попытке наколдовать заклинание исцеления. Его кожа была бледной.

– Нет. Если честно, – сказал волшебник. – Вы делали ставки на то, когда меня убьют?

Люм не стал тратить времени даром. Он подскочил к волшебнику и свалил его на пол, одной рукой он выхватил жезл у него из-за пояса, а другой – приставил кинжал к горлу Тени.

– Позвольте мне представиться. Меня зовут Люм, и я работаю на Олостина.

– Да. – Тень тяжело закашлял. – Да, я узнаю имя. Приятно познакомиться.

– Поверьте, мне тоже приятно.

Он повернулся к Каю.

– Это та палочка, о которой ты говорил? – спросил он, показывая жезл с кристаллическим навершием.

– Кажется, да.

Капитан сделал шаг назад и снова повернулся к архимагу.

Видя, что никто из банды не наблюдает за ними, Кай напал на Люма с кинжалом:

– Умри, свинья!

Капитан увернулся от удара, но оступился в сторону.

Кай снова сделал выпад в спину капитана. Зачарованное лезвие, пропоров кожаную броню Люма, оставило длинную и глубокую кровавую рану в боку капитана.

– Ты глупый дурак, – зашипел Люм.

Мгновенно выхватив саблю, капитан сделал два быстрых косых удара.

Кай парировал первый удар, но второй попал чуть ниже его запястья, выбивая кинжал из его руки.

Люм ударил снова. Кай отступил назад, избегая лезвия, и упал спиной на кровать. Юноша перекатился на пол напротив Тени, сжимая запястье там, где его порезал Люм.

Капитан направил жезл на двух мужчин на полу.

Архимаг с трудом дышал, но всё-таки нашел силы засмеяться:

– Вы не сможете его использовать. Вы не знаете управляющее слово.

– Ты не прав, волшебник, и теперь я собираюсь уничтожить тебя твоей собственной игрушкой.

Люм улыбнулся Тени.

– Как нелепо, что ты провел большую часть своей жизни, совершенствуя этот инструмент, – он взмахнул жезлом, – только для того, чтобы, в конце концов, быть убитым им же.

– Вы не знаете, с какими силами связались, – Тень закашлялся, кровь выступила в уголке его рта.

– Ты тоже, – Люм выставил руку и сказал слово, которое Кай повторил ему два дня назад в лагере. – *Шадоминиаропалазитси*.

Еще раз столб темно-серой плазмы стремительно вытек из жезла. Он направился прямо к согнувшемуся архимагу, по пути превращаясь в человекоподобные силуэты. Бьющий вперед поток теней разделялся на отдельные завихрения. Тень инстинктивно поднял руку, чтобы защитить лицо, но на этот раз вихрящиеся тени закрутились водоворотами, и, дрожа, разлетелись по всей комнате. Они заполнили каждый угол и каждое темное место.

Потом разрозненные тени начали собираться вновь, формируя вокруг капитана Люма вихрь.

– Что случилось? Что происходит? – закричал он.

– Разве ты не видишь, глупец? – спросил архимаг. – Разве ты не узнаешь ни одной из тех теней?

– Нет, нет, я не знаю!

Люм размахивал кинжалом вокруг себя.

– Отстаньте от меня, – закричал он. – Идите вон, слышите.

Тень встал с пола.

– Неужели ты не узнаешь никого из твоих прежних убийц? – спросил архимаг.

Лицо Люма осунулось, взмахи оружием на мгновение замедлились.

– Правильно, – улыбнулся Тень, – я наказал твоих убийц, превратив их в тени и заманив в ловушку в этот жезл, ты только что освободил их, и теперь они отомстят тебе за свои вечные страдания.

Тени не тратили впустую времени, плавая вокруг ошеломленного капитана и касаясь его, в то время как тот слушал архимага.

Колени Люма дрогнули, и он снова принялся лихорадочно размахивать кинжалом:

– Но ты был тем, кто убил их, – закричал он.

– Они не обвиняют меня в том, что я защищался от них. Они обвиняют тебя в том, что ты послал их, чтобы убить архимага. Ты должен знать, что не стоит связываться с силами, неподвластными тебе.

Люм устал, его защита ослабла. Дикие взмахи кинжалом замедлились, и тени дотрагивались до него всё чаще. Он осел на пол и поднял голову, обращаясь к Тени:

– Это прекрасная речь для тебе подобных.

И рухнул на пол. Его голова с глухим звуком стукнулась о деревянные доски пола.

Тени стаяй вращались вокруг обмякшего тела на полу. Темные очертания сформировались вокруг трупа капитана, потом соединились в человекоподобную

тень, поднявшуюся в воздух и присоединившуюся к вращающейся массе теней. Затем они бросились к жезлу, все еще сжимаемому мертвой рукой Люма. Темный серый поток, приблизился к кристаллу, и так же быстро, как тени появились, они исчезли.

Архимаг сунул руку в рукав своей одежды и вытащил большую фиолетовую бутылку. Откупорив пузырек, он стремительно выпил содержимое до дна. Странный белый жар окутал его кожу, и кровотечение остановилось. Он выглядел намного лучше, хотя и не совсем целым и здоровым.

Он посмотрел на Кая, который все еще сидел на полу, сжимая истекающее кровью запястье, и сказал:

– Как я уже говорил, ты совсем ещё молод, чтобы быть убийцей. Я предлагаю тебе, найти себе другую работу.

Сказав это, он развернулся и ушел через иллюзорную стену.

Кай глянул на труп капитана Люма, кивнул, повернулся и пошел вверх по лестнице, избегая симпатичных блондинок-големов по пути.

ПОДНИМАЕТСЯ ТЁМНЫЙ ПРИЛИВ

Кейт Фрэнсис Стром

Впервые опубликован в Антологии «Королевства Глубин» под редакцией Филипа Этанса, март 2000 г.

Примерно в то же время, когда я взялся за написание этого рассказа, я надолго увлёкся кельтской культурой. Только недавно я посмотрел «Тайну острова Роан-Иниш» и оказался на середине книги «Island Cross-Talk», которая представляла собой коллекцию захватывающих историй и воспоминаний рыбаков с островов Бласкет, архипелага, расположенного у юго-западного побережья Ирландии. Поэтому у меня в голове бурлили видения ирландской рыболовной жизни и пульсировал ритм особого рыбацкого говора.

Я обнаружил, что в сюжетной линии “Threat from the Sea”, готовой поднять огромную «волну» в Забытых Королевствах, я сосредоточился на том, как начало войны подействует на простой народ Фаэруна, и на том, что героизм — качество, которое распространяется не только на рыцарей в латных доспехах. Получившаяся в итоге история, один из первых моих рассказов, по-прежнему пробуждает у меня воспоминания о торфяных кострах и укрытых туманом островах.

- Кейт Фрэнсис Стром, апрель 2003

Кейт Стром живёт и пишет в Сиэтле, штат Вашингтон. Во время работы в Wizards of the Coast он занимал должность бренд-менеджера Dungeons&Dragons, а

также категорийного менеджера для ролевых игр и миниатюр, пока не покинул компанию после срока на должности вице-президента Pokemon Product Group. В ответ на вопрос о своих текущих проектах он прости кивает и загадочно улыбается.

7 элейнта, год Перчатки

Последние лучи заходящего солнца протянулись над водами Внутреннего моря, превращая в мерцающее золото его беспокойную поверхность. Моряки звали это Огнём Амберли и считали добрым знамением, знаком того, что Морская Королева благословляет их труд. Морган Кевлинсон стоял на носу издавшей виды рыбацкой плоскодонки, не одно поколение прослужившей его семье, и даже не замечал этот потрясающий вид. С отсутствующим видом он откинул с лица прядь угольно-чёрных волос, которую сдули туда вихрящиеся, пахнувшие солью пальцы ветра, и позволил мыслям уйти далеко-далеко от пламенной шкуры моря.

Дикие порывы глубин коконом окружает тьма; в обласканных солнцем морских залах видны сине-зелёные силуэты.

Там покоились тайны. Он знал это, как знал своё собственное имя. Море хранило древнюю мудрость — дикую и необузданную; несло зловещие обещания на своей широкой спине. И иногда, когда он в молчании плыл по волнам, эти обещания зывали к нему. Сегодня был именно такой день.

Морган закрыл глаза, поглощённый танцем ветра, волн и пены. Он чувствовал знакомое опустошение, как будто во время какого-то внутреннего отлива; его сердце билось в такт морским волнам, медленно и настойчиво, как бьющиеся о борт белые гребни пены, пока вообще всё — сердце, лодка, небо — не превратилось в единый ритм, и мир застыл в единственном текущем мгновении.

Тогда-то Морган и увидел её: глаза цвета густой сурьмы, зелёная, как отборный хризоберил, кожа, и сине-зелёные волосы, струившиеся свободнее самой воды. Да, ещё в этом существе была печаль, уязвимость, вызывающая у Моргана такую боль, какой он не знал никогда прежде. Он как раз собирался спросить, что может сделать, чтобы вернуть улыбку на её лицо, когда она открыла рот и...

- Эй, парень! Хватит грезить, лучше подсоби-ка! - голос был глубоким, резонирующим и жёстким, как коралл, сглаженный лишь дружелюбным говором рыбаков аламберского побережья.

Морган открыл глаза и быстро повернулся к голосу, едва удержавшись на ногах, когда лодка покачнулась от его резкого движения. Ангус, его дед, сидел с правого борта у планширя, с лёгкостью многолетнего опыта сматывая в бухту канат. Кожа на его лице и руках напоминала потрескавшуюся шкуру. Опущенную голову старого рыбака венчала густая копна серебряных волос, а его одежда из грубого сукна изнашивалась и была покрыта коркой соли. Несмотря на следы прожитых лет, Ангус не подавал никаких признаков старческой немощи. Его рассудок и его хватка оставались по-прежнему крепкими — обычное дело для тех, кто проводил всю жизнь, рыбака у скалистых берегов и островов Аламберского моря. При мысли, что его деду могла действительно потребоваться помощь, Морган невольно улыбнулся.

- Деда, да я просто...

- Уж-я то знаю, чем ты занимался, парень, - прервал его старик. - Грезил над водой. Это не к добру. Море запросто может тебя проглотить. Даже не сомневайся, мальчик. Море — как ветреная девица; не стоит даже надеяться его понять.

Морган вздохнул, подошёл к небольшой деревянной мачте в центре лодки и осторожно свернул кусок грубого полотна, представлявший собой единственный парус лодки. Он слышал эту лекцию уже по меньшей мере раз триста. Дед никогда не уставал её повторять. Голос старика продолжал зудеть, пока юный рыбак сворачивал парус в толстый свёрток. Моргану сложно было скрыть раздражение. Немного резко швырнув полотно на привычное место у носа, он был уверен, что старик неодобрительно покосился на внука.

А сам старый рыбак всё продолжал и продолжал свои наставления. На самом деле Морган этого не заслужил. Он жил на свете уже восемнадцать лет — и большую часть из них ходил в море. Он не был каким-то сухопутным бездельником, неспособным к работе на рыбацкой лодке, не был он и изнеженным купеческим сыном, посещавшим аламберские берега по праздникам. Он был рыбаком, рождённым в одной старейших рыболовецких семей Внутреннего моря. Но его интерес к морским глубинам, казалось, пугал деда — и как и других жителей Мурктара, сплочённых и замкнутых.

И Морган понимал, почему. Суеверные крестьяне никогда не принимали его по-настоящему. Его мать погибла при родах, а отец так сильно горевал, что одной зимней ночью вышел во Внутреннее море и уже не вернулся. Морган рос диким, целыми вечерами бегал по возвышающимся над водой скалам и утёсам, слушая песни волн и вдыхая солёный морской ветер. «Тронутый морем», его называли. Подменыш. Показывали пальцами на его бледную кожу и чёрные волосы, так отличавшиеся от солнечно-золотых лиц и рыжеватых волос коренных мурктарцев, как на подтверждение того, о чём шептались друг с другом глубокими ночами, когда с моря дул сильный ветер. Даже сейчас Морган знал, что у него за спиной многие делают знак Хатора, когда он слишком долго смотрит на море или в глубокой задумчивости сидит на издававшем виды мурктарском причале.

Он искал в себе следы ожесточения, негодования по поводу своей репутации, но ничего не обнаружил. Он рос с простым осознанием того, что никто его не понимает. У него были друзья, сообщники, которые рады были провести время между детством и взрослой мужской жизнью, украв пару кружек пенистого эля из таверны старого Боррика или играя в волну среди поросших кустарником дюн. Немало вечеров занимали и поцелуи украдкой под причалом. Но никто на самом деле не знал, что происходит у него внутри, в той безмолвной частичке души, что внимала ровному стуку сердца океана, ощущая его неутихающее притяжение подобно скрытому подводному течению. Никто об этом не знал — кроме, быть может, его отца.

Морган вздрогнул и вынырнул из задумчивости. Раздражение и негодование вытекли из него, оставляя лишь пустоту и опустошающий холод. Солнце почти зашло за горизонт, и юноша поднял взгляд, увидев в фиолетовой дымке сумерек, что дед выжидательно смотрит на него, очевидно, закончив свои рассуждения.

- Говорю, ночью поднимется свирепая буря, нам лучше закончить на сегодня.

Старик покачал головой и прошептал себе под нос что-то ещё, прежде чем развернуть брезент, которым они закрывали лодку.

Морган виновато хмыкнул и подошёл, чтобы помочь деду, протянув тонкую бечёвку сквозь небольшие отверстия по краям полотна и продев её в железные кольца, прикреплённые к бортам лодки. По правде говоря, в сумрачном небе поблизости не было ни единого облачка, но прибрежный ветер набирал силу, принося с собой жалящий холод. Он давным-давно прекратил сомневаться в способности деда предсказывать погоду.

Как только юноша закончил натягивать брезент, старик сплюнул и двинулся по набережной к Мурктару.

- Пойдём, парень, нам нужно притащить весь этот улов домой, а тут уже ночной прилив начинается. Кроме того, я сейчас не откажусь отведать немного стряпни твоей бабули.

Морган наклонился и забросил на плечо узел со свежепойманной рыбой, поблагодарив богов, что остальную часть улова они уже продали торговцам. Когда он повернулся, чтобы бросить последний взгляд на плоскодонку, поднимавшуюся и опадавшую под натиском волн, он заметил рядом с лодкой какое-то движение украдкой. Морган только собирался окликнуть деда, опасаясь, что озорной морской лев решил поиграть с лодкой и может её повредить, но тут заметил торчащую прямо над водой голову. Морган не сумел разглядеть очертания этого странного существа, но это было неважно. Глядя на него в гаснущем свете дня, он увидел лицо из своих грёз.

Она исчезла в одно мгновение, а юноша повернулся обратно к деду. Хотя они возвращались в деревню в молчании, разум Моргана был охвачен смятением.

Ночью бушевал шторм, колотивший по грубой крыше их простого дома. Морган без сна ворочался под толстым одеялом, пока на улочках и тропинках Мурктара поволчьи завывал ветер. Дед и бабка крепко спали в соседней комнате. Он слышал их раскатистый храп, звучащий грубым контрапунктом к ярости бури. Однако к самому Моргану сон не шёл. Вместо этого он лежал, свернувшись в комок, чувствуя себя одиноким и покинутым, совсем крошечным в бесконечной ночи.

Так было весь вечер. Когда они с Ангусом вернулись домой на ужин, звёзды уже затянуло грозowymi облаками. Морган едва это заметил. С тех пор, как они покинули пристань, в его сознании ярко пылал лик морской женщины, и мысли горели от её неземной красоты. Всё остальное в сравнении с ней казалось блеклым, пустым и серым, как износившийся панцирь краба-отшельника.

Почти весь ужин он провёл в молчании, отвлекаемый набирающей громкость песней ветра. Несколько раз он едва не задохнулся от ужаса, в этом скорбном шелесте ему почудилось своё имя, исторгаемое медленным шёпотом из сырой глотки моря. Дед и бабка, сколько могли, терпели его странное состояние. В конце концов юноша получил подзатыльник от Ангуса, когда в ответ на вопрос бабушки пробормотал что-то нечленораздельное. Даже этот удар показался эхом дедовского гнева, воспоминанием о каком-то наказании из прошлого. Старый рыбак

раздражённо встал из-за стола и ушёл, бормоча проклятия. Вскоре Морган тоже проямлил какое-то извинение и, пошатываясь, пошёл к кровати в поисках холодного облегчения в объятьях сна.

Ничего не вышло.

Мысли о ней пожирала Моргана, кожа пылала от предвкушения её касаний. Она хотела его, звала его голосом, полным лунного света, пены и мягкого, незаметного зова моря. Он лежал так часами, пытаясь скрыться от неё, спрятаться в потайных уголках своего разума. Но она преследовала Моргана, шептала его имя, держа его перед собой, как лампу.

Морган, приди!

Приди ко мне, милый!

Приди

Вопреки здравому смыслу он мимоходом задумался, не слышал ли его отец этот же голос в ту ночь, когда украл лодку и, надломленный скорбью, поплыл навстречу гибели в зимнем море. Может быть, подумал Морган, безумие передаётся по наследству.

Приди!

Голос. На этот раз громче, не признающий ничего, кроме подчинения. С криком он вскочил с постели, больше не в силах сопротивляться зову сирены. Влечение поглотило его, заставило выбежать из хижины в серую неподвижность ложной зари. Шторм истощил свои силы. Ветер и дождь больше не хлестали по побережью. Мир затаил дыхание, ожидая.

«Ожидая чего?» - подумал Морган.

В следующий миг он понял. Ожидая его. Поспешно растирая руки, чтобы отогнать предрассветный холод, Морган пошёл по грунтовой дороге вниз к пристани. Каждый шаг приближал юношу к *ней*. Не обращая внимание на сломанные бурей ветки, треснувшие стволы и другой мусор, усеявший тропу, он перешёл на бег. Выбора не оставалось.

И всё же, в этом зове было своего рода обещание, намёк на возможное раскрытие тайны. Если он оборвёт свою жизнь в морском безумии, как отец, то, по крайней мере, получит что-то взамен, подарок из тёмных вод, которые за эти восемнадцать лет стали ему роднее кособоких хижин Мурктара и их суеверных обитателей. Теперь он это понимал, и осознание наполнило его в равной степени ужасом и предвкушением.

Наконец, промокнув от пота и задыхаясь, он достиг конца причала. Он в отчаянии огляделся кругом, надеясь заметить загадочное существо, преследовавшее его во сне и наяву, доказательство того, что он не спятил. *Она* была здесь, небрежно держась на воде слева от плоскодонки его семьи.

Даже на таком расстоянии её красота поразила Моргана своей безупречностью. Кожа её зеленоватого лица была мягкой и гладкой, как мрамор. Тонкие черты заставили его пальцы задрожать — так сильно он хотел провести по изгибу подбородка, носа и шеи. Длинные сине-зелёные волосы, хотя и спутавшиеся от влаги над водой, легко облегли её тело.

Морган готов был немедленно броситься в холодное море, чтобы быть рядом с ней, но она открыла свои полные губы и заговорила.

- Здравствуй, человеческое дитя, сын Кевлина. Я боялась, что ты не успеешь.

Её голос был красивым и чистым, текучим, и Моргану казалось, будто она пропевает каждую фразу. Его голова готова была взорваться от вопросов. Кто она? Откуда его знает? Почему позвала сюда? Торопливо пытаюсь решить, какой из вопросов озвучить, он понял, что чары спали. Рассудок вернулся к нему.

Он снова посмотрел на загадочное создание, впервые заметив толстые перепонки между пальцами на руках, которыми она легко загребала воду. Она чуть склонила голову к плечу, очевидно, ожидая ответа.

Морган ничего не сказал, позволяя молчанию растягиваться, позволяя ритмичному стуку волн о причал, крикам рано проснувшихся чаек и слабому шороху прибрежного ветра заполнить пустоту, оставленную в нём сгинувшим наваждением.

Он был зол и изрядно напуган. Это существо воспользовалось им, манипулировало им, и когда наконец Морган заговорил, в его голосе звучала горечь.

- Конечно я пришёл. Ты не оставила мне выбора.

Она засмеялась, хотя веселья он не услышал, только слабую дрожь, подозрительно похожую на грусть.

- Выбора не осталось у всех, - мягко, едва слышно произнесло существо. Затем громче:

- Но ты должен простить меня, Морган. Времена отчаянные. Я отправила зов; ты пришёл. Торил никогда не знал более истинного сына Эльдата.

Теперь настала её очередь рассматривать юношу; её тёмные глаза встретились с его взглядом. Морган почувствовал, как утекает злость — лишь для того, чтобы ей на смену пришло... он не знал что. Раздражение? Стыд? Он чувствовал себя неловким мальчишкой под тяжестью этого чуждого взгляда.

- О-откуда т-ты знаешь м-моё имя? - быстро пробормотал он, пытаюсь как-то отвести от себя этот изучающий взгляд.

Морская женщина рассмеялась, явным образом позабавленная.

- Вы, смертные, носите свои имена так же открыто, как селки носят кожу. Узнать ваше имя — детская игра, если знать способ.

Её улыбка угасла.

- Ах, кажется, я веду себя грубо. Снова прошу прощения. Немало времени прошло с тех пор, как я в последний раз разговаривала со смертным. Я — Авадриэлиаэнворуландрал. Можешь звать меня Авадриэль. Я — алу'теэль'квессир, из народа, который твои предки называли «морскими эльфами», и мне нужна твоя помощь.

Морган потрясённо опустил на пристань. Алу'теэль'квессир. Морские эльфы. Он мечтал о встрече с одним из этих существ — и вот разговаривает с одной из них во плоти.

- Вам нужна моя помощь? - недоверчиво спросил он. - Но, госпожа...

- Авадриэль, - оборвало его создание. - Я ещё несколько веков назад отказалась от таких формальностей.

- Авадриэль, - продолжил он, решив не обращать внимания на следующие из последнего заявления эльфийки выводы. - Я простой рыбак.

«Наверняка, - подумал Морган, - это прекрасное создание, поднявшееся из глубин, просто ошиблось». Скоро она поймёт это и вернётся в своё подводное

царство, оставив его в одиночестве и в дураках. Прямо сейчас он не знал, что будет хуже.

- Рыбак, - фыркнула Авадриэль. - Ты совсем не простой рыбак, Морган. Ты один из немногих смертных, кто может слышать Старую Песнь.

- Да, - продолжала она, заметив его недоумение, - море оставило на тебе свою метку, пускай даже из-за этого тебя боятся и не доверяют другие из твоего народа. Поэтому я пришла.

«Говорит, прямо как в выдумках бардов», - подумал юноша. Но неужели он мог отмахнуться от этих слов, посчитать их простой бессмыслицей, когда они исходили из уст такого создания? Как только он увидел её, мир Моргана перевернулся. Он чувствовал, что захвачен какой-то неумолимой волной, уносящей его в глубины чёрной бездны. Но слова Авадриэли казались правдой, а её присутствие давало ему точку опоры, якорь в бушующем море. Он угрюмо кивнул, слишком напуганный, чтобы говорить.

Авариэль наградила его слабой улыбкой.

- Рада видеть, что дети солнца по-прежнему храбры — хотя, боюсь, даже храбрости не хватит, чтобы спасти нас. Видишь ли, Морган, глубоко в недрах чернейшей бездны моря пробудилось великое зло, встав во главе войска своих зловещих последователей. Это войско уже разрушило Аварнот. Многие из моего народа...

Морская эльфийка замолкла, её черты исказились, и Морган увидел, какую боль она скрывает глубоко внутри. Он отвёл взгляд, не желая вмешиваться. Несколько мгновений спустя, она продолжила — теперь дрожащим шёпотом.

- Многие из моего народа отправились в залы Сашеласа, но на этом всё не закончится. С каждым днём зло набирает силу, и оно могучим приливом пронесётся по землям Фаэруна, разрушая всё на своём пути.

Что-то в её голосе заставило Моргана поднять взгляд. Авадриэль казалась бледной, краски покинули её лицо. Юноша только хотел спросить, что случилось, как большая волна толкнула её в бок, обнажив глубокую рану на правом плече. Плоть, мышцы и вены были разорваны, открывая тонкую белую кость. Морган тихонько выругался.

- Госпожа... Авадриэль, вы ранены!

Он был зол; на себя, за то, что не заметил рану раньше, и на неё, за то, что она скрывала своё состояние.

Как она с таким серьёзным ранением сумела удержаться в сознании, было за гранью его понимания. Он торопливо оглядел деревянную пристань в поисках одной из небольших шлюпок, которые моряки использовали, чтобы попадать на корабли, слишком большие для маленького деревенского причала. Скоро он нашёл одну, привязанную рядом с грудой ржавеющих ловушек для крабов. Торопливо спустившись по скрипучей верёвочной лестнице, молодой рыбак оттолкнулся от причала и направил выдавшую виды шлюпку к раненому созданию.

- Не волнуйся о моём здоровье, Морган, - слабо запротестовала Авадриэль, когда он приблизился. - Моё послание куда важнее моей жизни.

Не обращая внимания на слова морской эльфийки, поскольку уже решил, что её жизнь куда важнее его собственной, Морган подгрёб поближе и осторожно втащил

её в грубую лодчонку, стараясь не побеспокоить раненое плечо. Эльфийка была удивительно лёгкой, и несмотря на свои первоначальные возражения, не стала сопротивляться. Он осторожно опустил её на дно лодки, свернул свою верхнюю одежду и подложил её под голову, а тело укрыл истрёпанным брезентом.

Кожа Авадриэль была холодной, а её некогда ясные глаза уже начинали стекленеть. Она всё равно протянула к нему перепончатые ладони, повернула голову, обнажая три жаберных щели по обе стороны своей тонкой шеи. Он наклонился к ней, испытав приступ любопытства, когда щели шумно всосали воздух.

- Морган... ты... должен выслушать, - слабо прошептала она. - Ты должен кое-что... сделать... кое-что.

Её голос утих.

Сначала он решил, что Авадриэль умерла, поскольку её жабры перестали шевелиться, но страх улёгся, когда её грудь стала медленно подниматься и опадать. Авадриэль была серьёзно ранена, но, хвала богам, она была жива.

Он тихонько уселся в небольшой шлюпке. Предрассветный ветер хлестал по его обнажённым рукам и шее. Тонкая рубаша с короткими рукавами не защищала от свойственного этому сезону холода. Не обращая внимания, Морган начал грести. Неподальёку от пристани располагались неглубокие морские пещеры. Он заберёт Авадриэль туда, подальше от любопытных глаз и боязливых мыслей мурктарцев. Он позаботится о её ранах, а когда она очнётся, отправится ради неё на самый край Торила. Он помнил её страстную мольбу. В нём нуждались.

Кровь. Морскую воду наполнял запах крови, тяжёлый и густой. Тлакк лениво плыл среди колышущихся водорослей, смакуя этот аромат, всасывая его с каждым движением своих жаберных щелей. Аромат пробуждал какой-то глубокий отклик в сердце охотника, древний голод, древнее самого моря. Тлакк ждал, позволяя голоду накопиться, вырасти, пока тот не запел внутри — когти, клыки и рвущаяся плоть, дикая, первобытная песня.

Он быстро покачал своей зелёной чешуйчатой головой, отказываясь уходить в Место Безумия. Хотя это стоило ему больших усилий, Тлакк снова заставил себя сосредоточиться на охоте. У него ещё оставались дела, и хозяин будет недоволен, если он не сумеет выполнить свою задачу. Три громких щелчка призвали других охотников, осматривающих каменистое морское дно. Тлакк окидывал каждого свирепым взглядом, довольный тем, что они приближались с подобающим смирением. Сейчас, когда жертва совсем рядом, он не потерпит неподчинения.

Он мрачно усмехнулся, обнажив несколько рядов игольчато-острых зубов, когда собравшиеся охотники учуяли кровь. Быстрый сигнал заставил их стрелой сорваться с места, следуя по запаху. Скоро, злорадно подумал Тлакк, устремляясь за товарищами. Скоро охота закончится.

Морган сидел в сырой пещере, глядя на то, как спокойно вздымается и опадает грудь Авадриэль. У его ног стоял побитый фонарь, осторожно примостившийся между двумя покрытыми слизью сталагмитами. Грубый свет фонаря лизал

неровные камни пещеры, обнажая несколько неровных каменных уступов, окружающих небольшое приливное озерцо.

Они добрались до морских пещер прямо перед тем, как утреннее солнце перевалило за горизонт. Морган был рад, что сумел достичь убежища прежде, чем деревенские лодки вышли в море в поисках сегодняшнего улова. Он завёл свою шлюпку достаточно глубоко в пещеры, чтобы укрыть её от чужих взоров, а затем осторожно поднял Авадриэль и положил её на низкий, относительно плоский каменный выступ, нависающий над приливным озером, и принялся перевязывать её рану, как умел.

Теперь он сидел с затёкшей шеей, нетерпеливо ожидая, пока морская эльфийка очнётся. Безмолвие его дозора прерывал лишь медленный стук капель, гулким эхом отдававшийся в закрытом пространстве. К этому времени дед уже наверняка был в бешенстве — хотя Морган знал, что тот вышел в море, не желая терять дневной улов и постоянно думая о том, как же ему усмирить своего ленивого внука. И всё же, в зловещем холоде пещер подумал Морган, ради Авадриэль он с радостью вытерпит вещи похуже дедовского гнева.

Пока тянулся его холодный, сырой дозор над спящей морской эльфийкой, он размышлял о том, как сильно изменилась его жизнь за такой короткий промежуток времени. Вчера он даже не задумывался о лежащем за пределами берегов Мурктара мире. Сегодня он прячется в пещере с раненой морской эльфийкой, готовый бросить всё ради красоты существа, которое он даже увидеть никогда не надеялся.

Когда несколько часов спустя Авадриэль наконец очнулась, вода в озерце поднялась, слабо плескаясь вокруг её тела. Вздвогнув, она выпрямилась. Эльфийка казалась смущённой и напуганной, пока её взгляд не встретился с глазами Моргана. Тот улыбнулся, надеясь, что не выглядит таким дураком, каким себя ощущал, и осторожно подошёл, стараясь не свернуть себе от нетерпения лодыжку на скользких камнях.

Если он и ожидал услышать долгую литанию благодарности, то оказался разочарован. Хотя лицо морской эльфийки было мягким, с намёком на улыбку, её слова были резкими и твёрдыми, как сталь.

- Ты должен немедленно уйти, - сказала она. - Пока ещё не слишком поздно.

Морган снова уставился на Авадриэль. Он не понял — не хотел понимать. Он знал лишь одно — его место рядом с ней.

- Уйти? - недоверчиво переспросил он. - Авадриэль, но ты ведь ранена. Может быть, когда ты немного поправишься, мы сможем отправиться в путь вместе.

Он попытался не подавать виду, насколько ему этого хочется, и потерпел неудачу.

- К сожалению, это невозможно, Морган. У нас нет на это времени. Ты должен попасть на остров Огненной Бури и сказать волшебнику Давриму, что Аварнот пал. Древнее зло снова освободилось. Чёрная армия готова напасть на Фаэрун прямо сейчас, и нужно предупредить волшебников об этом.

Она сделала паузу, потом добавила:

- Пожалуйста, Морган. Мне нужна твоя помощь.

Он молча проклял судьбу, отделявшую его от своего заветного желания в тот самый миг, когда узнал о нём. Уйти будет сложно, но Морган знал, что сделает это. Слишком многое стояло на кону.

Авадриэль улыбнулась, будто прочитав его мысли, и подошла поближе.

- Спасибо, - просто сказала она, и легонько коснулась его губ своими.

Морган закрыл глаза при её прикосновении. Аромат Авадриэль окружил его, опьяняя своей утончённостью. Их губы снова встретились, на этот раз крепче. По нему прокатилась волна желания, дикого и сильного, как разрывное течение. Мир поблек в этой страсти, оставляя лишь приливы и отливы тел.

Спустя какое-то время Авадриэль отстранилась.

- Морган, - тихонько, грустно прошептала она в сумраке пещеры.

Он кивнул и вытер слезу, расцветшую в её глазах.

- Знаю... пора.

С этими словами он встал и забрался в лодку.

- Я вернусь, как только смогу.

Он взял весло и медленно погрёб наружу, под грубый свет дня.

Морган позволил ритмичным ударам весла по воде поглотить его на следующий час. Море колыбалось и пенилось вокруг, угрожая перевернуть его утлое судёнышко. Нос лодки тяжело ударился в накатившую чёрную волну, и на лицо хлынула пена. Настойчивое жжение в груди и уставших руках, тяжёлый свист воздуха в лёгких, грубое дерево, натирающее голую кожу — это были его жертвоприношения, молитва богам его народа.

Боги не ответили.

Медленно, с помощью одной лишь силы воли он прокладывал путь по волнующейся воде. Когда его силы истощились и весла стали весить, как железные якоря, он вспомнил Авадриэль. Воспоминание о её губах, о солёном вкусе её языка возобновило его решимость. Слишком многое стояло на кону — его дом и его сердце. Он не может потерпеть неудачу.

После полудня жар солнца высушил пот на его теле. Язык раздулся, разбух, как кусок вываренной кожи. С глубоким вздохом Морган отложил вёсла и дал своим мышцам короткий отдых. Прикрыв глаза, он оглядел горизонт. Несколько лет назад они с друзьями улизнули и поплыли к острову волшебника на спор. Хотя ни один из бесстрашной банды исследователей так и не ступил на остров, Морган — единственный из всех — провёл свою лодку вдоль скалистого берега этого запретного места.

Даже сейчас, под палящими лучами солнца, воспоминание заставило его задрожать. Башня Даврима, пугающая и одинокая, поднималась с островного коралла, как зуб какого-то великанского кита. Когда Морган в детстве вёл своё судёнышко вдоль острова, он не мог отделаться от мысли, что волшебник использует какое-то смертоносное заклинание из своего арсенала, чтобы покарать нарушителя.

Удар волны вывел его из задумчивости. До острова по-прежнему оставалось немалое расстояние, и он чувствовал, что время на исходе.

К вечеру, когда солнце начало свой ленивый спуск, волны улеглись. Морган торопливо вытер лоб и оглядел безмолвную сцену. Море было спокойным и ровным,

его поверхность, по которой пробегала лишь лёгкая рябь, напоминала блестящую на солнце грань сине-зелёного самоцвета. Вдалеке он различил небольшую тень, тёмное пятнышко на горизонте, которое могло быть только башней Даврима. Прежде чем Морган смог порадоваться своей удаче, в глаза бросилось то, что вырывало проклятье из его пересохшей глотки. Издалека на него надвигалась тёмная и зловещая стена клубящегося тумана.

Испугавшись, Морган возобновил свои усилия, надеясь достичь места назначения прежде, чем его лодку поглотит туман. Моряки из его деревни называли такую неестественную погоду Дыханием Амберли. Туман часто завлекал ничего не подозревающие суда в морскую могилу. Зачастую обречённые корабли не могли спасти даже сигнальные костры на утёсах аламберского побережья.

С решительным вздохом Морган снова взялся за работу. Мускулы, и без того доведённые до предела, отчаянно запротестовали, но он не останавливался. Казалось, в этом безмолвном мгновении время начало застывать, пока юноша не почувствовал себя запертым в наброске какого-то художника. Он продолжает грести, это Морган знал точно, но остров как будто бы не приближался. Сначала он подумал, что грезит, пока носа лодки не коснулось первое перистое облако тумана, а следом за ним и другие, и мгла сомкнулась вокруг плотным покровом. В отчаянии он огляделся, разыскивая остров, любой ориентир в окружившем его море серости, но всё напрасно. Даже солнце, ранее хлеставшее его кожу своими свирепыми лучами, повисло блеклым и тёмным — укрытый самоцвет в мгlistом небе. Охваченный отчаянием и немалой долей злости из-за несправедливости происходящего, Морган свирепо закричал в полотно тумана.

- Будь оно всё проклято! Я не сдамся. Я не могу!

В ярости он ударил кулаком по уключине и продолжал выкрикивать проклятия туману, богам, волшебнику в его трижды проклятом замке, но прежде всего — себе, за то, что вообще согласился на эту тщетную затею.

Раздавшийся в ответ крик чайки так сильно удивил его, что он замер на полуслове. Крик снова раздался в тумане, эхом отражаясь в серой дымке, а затем птица приземлилась на нос его лодки. Испуганный появлением чайки, Морган даже не задумался, почему она улетела так далеко от берега.

- Эй, странная ты чайка, - с жалостью сказал юноша. - Улетай, пока не застряла в тумане, как бедный сын рыбака.

Крупная чайка просто наклонила голову и уставилась на юношу серьёзным взглядом.

- Кыш! - крикнул он наконец на глупое создание, позволив раздражению и злости проникнуть в свой голос. Не обращая внимания на крик, птица продолжала его разглядывать. Наконец, чайка с тихим клёкотом ударила крыльями и поднялась на несколько футов над лодкой. Только тогда Морган заметил небольшой кристалл у неё в когтях. Когда он посмотрел на него, камень начал слабо пульсировать, озаряя мглу.

Птица снова приземлилась на лодку, бросив понимающий взгляд на Моргана, а затем снова поднялась в воздух, повиснув в нескольких футах над лодкой. Удивительно, но свет кристалла смог немного разогнать туман, позволив ему видеть окружающее на несколько шагов во всех направлениях.

Морган был озадачен, но не хотел отказываться от этого странного подарка. Он опустил вёсла в воду и последовал за чайкой и её сверкающим сокровищем. Прошли часы — или минуты, сложно было следить за временем в окружающей серой мгле — а юноша по-прежнему грёб, следуя за колдовским светом. Без предупреждения он пробился сквозь паучий лабиринт тумана, оказавшись под гаснущим светом вечернего солнца. Перед Морганом возвышалась большая белая громада башни Даврима, располагавшейся всего в пятидесяти футах от берега. Ещё несколько быстрых гребков доставили его к каменистому пляжу.

Торопливо поблагодарив любых богов, которые могли услышать, юноша вылез из лодки, потянулся, разминая сведённые мышцы, и вытащил своё судёнышко дальше на берег. Теперь, оказавшись на острове волшебника и отчасти исполнив желание Авадриэль, он ощутил надежду. «Может быть, морская эльфийка не ошиблась, выбрав меня», - подумал Морган, купаясь в приятном тепле нагретого солнцем песка. Простой рыбак, преодолевший ветер, волны и туман, чтобы доставить срочное сообщение. Ему нравилось, как это звучит, и несмотря на всю серьёзность ситуации, он не мог не думать о себе, как о герое.

Грохот прибоя напомнил ему о причине этого путешествия. С волнением он оглядел каменное сооружение в поисках какого-то входа. В угасающем свете дня башня волшебника казалась не такой зловещей, а скорее ветхой. Лишайники и мох укрывали участки потрескавшегося камня, и даже издали он различал длинные, тонкие лозы, оплетавшие башню от самого основания. Мистические стражи и волшебные печати, населявшие его воображение, куда-то пропали, сменившись обыденной реальностью песка, камня и морского ветра. С сожалением усмехнувшись своим фантазиям, рыбак Морган направился в сторону здания.

И оказался лицом к лицу со смертью.

Предупреждения не было — только слабый шорох песка. Спустя долю секунды на Моргана обрушился сильный удар. Он тяжело рухнул, из лёгких вырвался воздух. Юноша поднялся на колени, оглушённый и задыхающийся, и уставился в самое сердце кошмара. Оно возвышалось почти на шесть футов, покрытое толстой зелёной чешуей, влажно поблескивавшей в последних лучах солнца. Его человекоподобное лицо избородили глубокие шрамы, почти полностью закрывая один глаз. Второй глаз яростно смотрел на Моргана. Холодная чёрная сфера как будто засасывала в свои глубины немногий оставшийся вокруг свет.

Создание сделало шаг вперёд и распахнуло свою слегка выступающую челюсть. Не вставая с колен, Морган увидел несколько рядов игольно-острых зубов, вне всяких сомнений, жаждущих сорвать плоть с его костей. Он хотел закричать, но воздуха по-прежнему не хватало. Вместо этого он заставил себя подняться и спотыкаясь, в отчаянии бросился к башне. Если бы он только смог добраться до ведущей к башне тропинки, у него был бы шанс убежать от чудовища.

В тот самый миг, когда тропа оказалась в его поле зрения, Морган почувствовал, как его рубаху рвут когти, цепляют кожу. Он изогнулся, уклоняясь от следующего удара — и споткнулся. Последнее, что он видел, прежде чем голова взорвалась светом, были очертания когтей на фоне неба.

К тому времени, как в мир снова вернулись краски, солнце уже село. Бледный полумесяц луны озарял остров слабым сиянием. В его свете Морган увидел фигуру,

стоящую над дымящимся трупом чудовищного создания. Мужчина, судя по заметной с такого расстояния бороде, ткнул тело концом своего длинного посоха. Морской воздух отравила вонь сгоревшего мяса.

- Хо, вижу, наш гость вернулся к нам, - воскликнул странный мужчина, закончив изучать труп.

Голос застрял у Моргана в глотке, когда он попытался ответить. Даврим Старсон — кто же ещё, догадался он, может стоять на берегу острова волшебника — ни капли не напоминал легендарного мага. Невысокий и толстый, с глубоко посаженной челюстью, красным лицом и косматой бородой цвета соли с перцем, он выглядел как простой пьяница, которого давно сгубила пагубная привычка. Волшебник тяжело пыхтел, пробираясь к лежащему рыбаку. Морган с болезненным интересом наблюдал, как его выдающийся живот с каждым шагом растягивает полотно роскошной синей мантии. Истинную силу мага выдавал только белый посох Даврима, украшенный паучьими рунами, жидким серебром стекающими по всей его длине.

Посох и глаза.

Холодные и серые, таящие обещание тысячи бурь, они заставили юношу застыть неподвижно под своим древним взглядом. Морган ощутил, как его уносит в их глубины, почувствовал, как тяжёлый взгляд волшебника оценивает его, обыскивает и не находит ничего примечательного.

- Можешь встать?

Голос. Спокойный. Ободряющий.

Свобода.

Он снова почувствовал своё тело и потянулся к протянутой пухлой руке.

- Д-да, спасибо, - пробормотал Морган. Он ещё раз покосился на валяющийся на песке труп. - Ч-что... что это за чудовище? - дрожащим голосом спросил он, не уверенный, что хочет знать ответ.

Даврим проследил за взглядом юноши.

- Желающие показаться мудрецами называют его сахуагином. Обладающие истинным пониманием просто зовут его смертью.

Волшебник на миг сделал паузу и снова повернулся к Моргану, выразительно подняв бровь.

- Однако настоящий вопрос в том, почему оно последовало за тобой сюда.

Морган помедлил, прежде чем отвечать. Волшебники, как он знал из старых сказок, были непредсказуемы и скоры на расправу — и этот в особенности. На мгновение он снова стал тем упрямым мальчиком, что плыл в маленькой лодке к острову, в страхе ожидая, когда на него падёт гнев волшебника.

Мне здесь не место!

Это мгновение закончилось, и Морган нашёл в себе достаточно храбрости, чтобы заговорить — он должен был это сделать ради Авадриэль.

- У меня послание от морской эльфийки Авадриэль, - произнёс он, надеясь, что голос не дрогнет. Даврим помрачнел.

- Продолжай, - кратко приказал он.

Волшебник молчал, когда Морган закончил пересказывать послание.

Юноше было интересно, о чём думает маг, но он боялся прервать размышления Даврима. Тишина растягивалась, и в воздухе копилось напряжение, как будто за миг до удара молнии. Морган покрылся гусиной кожей, увидев, как Даврим крепко стиснул посох.

Волшебник резко развернулся и начал подниматься обратно к своей каменной башне.

- Пойдём! - резко приказал он. - Сегодня ночью многое нужно сделать.

- Подождите! - крикнул Морган вслед удаляющейся фигуре. - Что с Авадриэль? Если эти... са...сахуагины преследовали меня, то наверняка должны знать, где она находится. Мы должны помочь ей.

- Авадриэль — воительница и дочь благородного дома, она может о себе позаботиться, - ответил Даврим, не останавливаясь. - Но если то, о чём она сообщает, правда, тогда в опасности весь Фаэрун. Грядёт великая война, и мы должны подготовиться!

Морган бросился за тучным волшебником. Мысль о Авадриэль, разрываемой на части сахуагином, вытеснила всё прочее из его разума.

- Может быть, она воительница, - крикнул он Давриму, - но прямо сейчас она одна и тяжело ранена, а где-то поблизости эти существа, готовые разорвать её на части!

Юноша недоверчиво уставился на волшебника всего в нескольких шагах впереди, который не обращал никакого внимания на его мольбы. Авадриэль будет убита, а этот жирный трус отказывается что-нибудь сделать. «Волшебник или нет, - подумал он язвительно, - я заставлю его пойти со мной».

Ускорив шаг, Морган догнал Даврима и с силой дёрнул за мясистое плечо.

- Послушайте! - крикнул он.

И немедленно пожалел о своём поступке.

Волшебник обернулся к Моргану, его глаза опасно блеснули на фоне лунного неба. Морган испуганно попятился, когда Даврим нацелил прямо на него мерцающий кончик своего жезла — и начал смеяться.

- Во имя богов, мальчишка, - сумел выговорить Даврим сквозь смех, - а ты настоящий храбрец. Немногие воины готовы столкнуться с гневом Даврима Старсона.

Тело волшебника затряслось от нового приступа хохота. Увидев, как растерялся юноша, Даврим сделал глубокий вдох и попытался взять себя в руки.

- И мудрости тебе тоже не занимать, - продолжил он, - хотя не думаю, что ты об этом знаешь. Авадриэль, возможно, единственная, кто видел силу врага. Подобные сведения, несомненно, обладают огромным значением.

Морган, захваченный врасплох, застыл на месте. Волшебник, по-прежнему посмеиваясь, поднял руку и произнёс имя. Несколько мгновений спустя из темноты вылетел знакомый белый силуэт и уселся на руку мага. Даврим прошептал что-то чайке, а затем Морган увидел, как ночь снова забирает улетающую птицу.

- Пора отправляться, парень, - тихо сказал Даврим и направился вниз по тропе, к пляжу. Заставив Моргана задуматься о переменчивой природе волшебников.

Стоя на корме лодки, Даврим прошептал слово в темнеющую ночь. Для нетерпеливо ёрзающего в небольшом судёнышке Моргана оно прозвучало зловещим шипением морской пены — древним и пропитанным силой. Лодка рванулась вперёд, рассекая волны, и вскоре вонзилась в плотную стену тумана. Ещё одно слово загло бледный и призрачный свет, пульсирующий на серебряном наконечнике волшебного посоха. Волшебный свет отогнал и ночь, и туман. Мрачный и непоколебимый, как древние камни его башни, Даврим окинул взглядом горизонт.

Морган не мог перестать дрожать от страха. Слова мага напугали его. Война. Она надвигалась, и волны потемнеют от крови, прежде чем она прекратится. Будь оно всё проклято, всему и всем, кого он знал, грозила опасность, которую он едва мог осознать, не говоря уже о том, чтобы с ней сражаться.

И в первую очередь в опасности была Авадриэль.

Это страшило Моргана больше всего. Морская эльфийка ранена и совсем одна, а её плоти жаждет воинство самых страшных существ Амбрели. Юноша знал, что его мир опустеет, если морская эльфийка найдёт свою гибель. Он любил её, и неважно, чары были тому причиной или нет.

Это безумие, горько подумал он. Может быть, отец был прав, в молчании и одиночестве уплыв в безлунные объятья моря. Может быть, какие-то формы безумия были лучше других.

Раздавшийся в ночи голос Даврима застал врасплох потерянного во мраке своих мыслей Моргана.

- Мы уже близко, парень. Будь начеку.

С этими словами он погасил магический свет.

Они преодолели плотную стену тумана, и в небесах снова сияла луна. В лунном свете он различал впереди призрачные очертания морских пещер.

Морган похолодел, когда они приблизились. В бледном свете он увидел несколько фигур, ползающих по камням рядом с пещерой Авадриэль. Их движения казались неловкими и скованными, но даже на таком расстоянии он узнал в них сородичей существа, бросившегося на него на острове Даврима. Он сообщил об этом магу.

- Да, парень, я вижу их, - ответил тот. - Закрой глаза, когда я дам сигнал.

Морган молча кивнул и стал ждать, пока шлюпка приближалась к пещере. Сердце тяжело билось в груди. На кончике языка крутились имена нескольких божеств, но он был слишком напуган, чтобы читать молитву.

«Что я здесь делаю?» - подумал он.

- Сейчас! - крикнул Даврим.

Морган торопливо закрыл глаза руками. Даже сквозь ладони его зрение всё равно затопил свет. Свет исчез так же внезапно, как вспыхнул. Шлюпка покачнулась и он услышал плеск. Затем раздался голос волшебника.

- Быстрее гребите в пещеру и заберите Авадриэль. Я задержу этих мерзких тварей.

Все мысли исчезли, когда Морган бросился выполнять указания мага. Он быстро опустил вёсла в воду и направил лодку в пещеру. В стороне он слышал зловещее

шипение сахуагинов и свирепые крики Даврима, но постарался выкинуть их из головы. Достигнув пещеры, он позвал Авадриэль.

Тихий голос ответил:

- Морган? Что ты здесь делаешь?

- Быстрее забирайся в лодку, Авадриэль. Я привёл Даврима, но здесь повсюду проклятые сахуагины.

Она прыгнула в лодку. Моргану пришлось совершить над собой усилие, чтобы не стиснуть её в объятиях. Авадриэль была жива, но их дальнейшее выживание зависело от его силы и способностей загадочного волшебника. Юноша отчаянно развернулся и погрёб назад к магу. В слабом свете луны он увидел злобных существ, лежащих на камнях неподвижными горами. Даврим тяжело опирался на свой мерцающий посох — как маяк надежды среди изувеченных сахуагиновых тел.

Моргана охватило чувство облегчения. Они были в безопасности. Он спокойно направил лодку к волшебнику, воображая себе жизнь с Авадриэль. Он не смог сдержать улыбку, когда эльфийка прижалась к нему. Юноша повернулся к ней, готовый признаться в любви, и тут море под самым носом их лодки вскипело.

Последний сахуагин выскочил из воды и вскарабкался в лодку. Морган с криком оттолкнул Авадриэль, выдернул весло из уключины и замахнулся им на чудовище. Весло с глухим стуком отскочило от толстой шкуры сахуагина.

Тварь громко зашипела и взмахнула чешуйчатой лапой, переломив весло пополам. Морган беспомощно смотрел, как сахуагин пытается схватить Авадриэль. В отчаянии он схватил расколотый обломок весла и вонзил его чудовищу в грудь. На сей раз дерево пробило чешую, скользнуло мимо мышц и костей. Сахуагин взревел от боли и выбросил лапу, хлестнув Моргана по горлу, прежде чем лодка перевернулась.

Морган медленно всплыл на поверхность. Горло сжимал обруч раскалённой боли. Юноша оглянулся в поисках Авадриэль. Вдалеке он увидел сверкающий кончик посоха, который то и дело заслоняли ему тёмные волны. Конечности потяжелели, превратились в железные якоря, угрожая утащить его на дно. Голова кружилась от потери крови. Потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что ему больше не нужно держать себя на плаву. Авадриэль бесшумно подплыла сзади, чтобы поддержать юношу.

Морган попытался обернуться, чтобы увидеть её, но его онемевшие конечности не слушались. Вместо этого Авадриэль нежно уложила его на спину, осторожно поддерживая голову над водой. Несколько мгновений он молча смотрел на неё, любясь тем, как её глаза поглощают сверкающий блеск луны, прежде чем заговорить.

- Сахуагин? - пробулькал он изорванным куском плоти и хрящей, оставшимся от его горла. Авадриэль приложила перепончатый палец к его губам.

- Тсс, Морган. Чудовища нас больше не беспокоят.

Она сделала паузу, прежде чем добавить:

- Я уже дважды обязана тебе жизнью.

Морган пытался протестовать, признаться в любви, прежде чем мрак, плясавший на границах его зрения, поглотит его навечно, но тело содрогнулась от приступа боли. Всё, что он сумел — издать единственный раздражённый вздох.

Морская эльфийка нежно погладила его по голове, как будто прочитав мысли, и тихонько заговорила в ночи.

- Не волнуйся, любовь моя, я тоже слышу этот зов своего сердца.

Авадриэль отвернулась, но Морган успел заметить выражение боли и грусти, искажившее её лицо.

- Пойдём, волшебник достал лодку. Пора уходить.

Когда она снова повернулась к нему, Морган пристально взгляделся в её глаза. Он слабо кивнул, охваченный пониманием.

- Да благословит тебя Глубинный Сашелас, - прошептала Авадриэль, прежде чем коснуться его губ своими.

При этом прикосновении Морган почувствовал, как боль вытекает из него, оставляя лишь ровное, спокойное чувство мира. Вода окутала его заботливыми объятьями любовницы. «Мы победили», - глухо подумал он, когда его тело стало тонуть. Волшебники узнали о вторжении сахуагинов, Авадриэль была в безопасности. Улыбаясь, Морган опускался в тёмные воды забвения. И ещё глубже.

ПУСТАЯ РАДОСТЬ

Роберт Сальваторе

Публикуется впервые!

Я слышу эти маленькие голоса в моей голове. Всякий раз, когда звонит мой редактор, чтобы сказать мне, что пришло время писать рассказ для Королевств, я сижу и позволяю маленьким голосам разговаривать со мной - в данном случае, с Артемсом и Джарлаксом. Обычно мне не нравится писать короткие рассказы, но с этими двумя персонажами эта работа кажется не такой сложной. После написания «Служителя Кристалла» я понял, что могу написать отдельную книгу про Артемиса и Джарлакса, возможно, много книг, и эти ежегодные короткие истории позволяют мне лучше определить, где я хочу видеть этих двоих. Я с удовольствием навещаю их каждый год, надеюсь, что и вы тоже.

- Р.Э. Сальваторе, июнь 2003 г.

Артемис Энтрери с насыпи шатких камней взглянул на отдалённую рыбацкую деревушку у берега озера, названия которого он не знал. Небольшие волны рябью пробегали по глади воды и нежно покачивали корабли, заставляя высокие мачты гипнотически двигаться в такт.

Обычно несклонный к самоанализу, Энтрери всё же позволил себе на некоторое время поддаться этому танцу, чтобы обдумать необычные обстоятельства и ещё более необычного компаньона, который привёл их сюда.

Разменяв пятый десяток, на протяжении трёх из которых он в одиночку выживал в жестоких условиях Калимпорта и других городов, Энтрери находил любопытным и ироничным тот факт, что уже в зрелом возрасте он попал под чужое влияние.

Являлось ли то, что убийца позволяет тащить себя неведомо куда, доказательством умения Джарлакса убеждать, или может это были его собственные скрытые желания, неосознанные и пока непонятные ему самому?

Что Джарлакс предлагал ему? Приключения? Энтрери участвовал в них практически всю свою жизнь, и большая их часть была не его выбором – скорее, они были навязаны ему опасными обстоятельствами.

Богатство? До какой степени?

Энтрери никогда не желал чего-либо материального, не считая необходимых для его работы вещей. В особенности дорожил он висящим на правом бедре кинжалом с инкрустированными в него драгоценными камнями, по которому его легко узнавали, и прекрасным мечом – Когтем Шарона, который покоился на левом.

Наёмный убийца заметил приближение тёмного эльфа Джарлакса, своего приятеля, и выкинул эти мысли из головы. При этом он не сильно и соврал бы себе, отрицая, что почувствовал некоторое облегчение.

Глубоко внутри Артемис Энтрери понимал, что же именно предлагал ему Джарлакс, и, несмотря на довольно рациональные возражения, особенно со стороны инстинкта выживания в одиночестве, в этом он не мог себе отказать. В дружбе.

Джарлакс, держа в одной руке широкополую шляпу с плюмажем из перьев диатримы, не спеша направлялся к Энтрери. Резкие черты лица цвета эбенового дерева, так характерные для дроу. Бритая налысо голова. Походный плащ был переброшен через плечо в величавой, практически аристократичной манере, – лёгкий бриз развеивал его, подчёркивая гибкость тела эльфа. Стройный и проворный дроу даже без оружия излучал такие уверенность и силу, каких Энтрери не чувствовал ни от одного человека.

С собой у него было что-то новое – Энтрери понял это, когда дроу подошёл ближе. С первого взгляда убийце показалось, что это простая палка, отломанная от какого-нибудь дерева ветка, каких было полно на дороге. Но когда Джарлакс приблизился, Энтрери заметил, что это искусно сделанная трость необычайной красоты – целиком из серебристого металла, набалдашник в виде готового к атаке хорька с поднятой головой изогнут слегка вперёд. Глазами служили два чёрных самоцвета – без единого изъяна, насколько знал Джарлакса Энтрери.

Как разительно они отличались друг от друга, подумал Энтрери – его собственные сапоги обычно заляпаны грязью, а плащ давно изнашивался от непогоды. Наёмный убийца бегло осмотрел себя: ему стало интересно, как сильно изменило его совместное путешествие.

Чёрные волосы были забраны назад в тугий высокий хвост, он сменил свою куртку из толстой кожи на рубашку из хорошего материала, на которой он обычно не застёгивал несколько верхних пуговиц. Более, чем просто модная, эта заказанная Джарлаксом рубашка была прошита нитками из зачарованного металла, которые могли отвести любое лезвие также хорошо, как и толстая кожа.

Энтрери выглядел элегантно и подтянуто – примерно так, как выглядел последние десять лет. Джарлакс не давал ему потерять форму, заставляя постоянно двигаться и тренироваться.

Возможно, было ещё кое-что, из-за чего он так хорошо выглядел. У Энтрери при мысли об этом появлялись мурашки по коже. В одном из последних боёв Энтрери использовал свой кинжал, выпивающий жизненную силу, против странного создания, нетереза, и во время того удара какая-то часть сущности твари, похоже, перешла в Энтрери – об этом, по меньшей мере, свидетельствовал сероватый оттенок его кожи.

Джарлакс притворился, что не знает, к чему это может привести. Энтрери же этого не понимал вовсе, поэтому предпочитал просто игнорировать данный факт за исключением тех моментов, когда позволял себе на мгновение поддаться рефлексии.

– Они в пещере, – сообщил Джарлакс компаньону, имея в виду банду оборванцев-разбойников, за которой они проследовали в предгорья.

– А нам что с того?

– Я что, должен тебе разжёвывать всё, что мы делаем? – ответил дроу с усмешкой, обещающей Энтрери, что они попадут в серьёзные неприятности.

Джарлаксу, передавшему бразды правления Бреган Д’Эрт одному из помощников, похоже, нравилась жизнь, полная опасностей и приключений.

Энтрери не был уверен в том, хорошо это или нет.

Они жили очень неплохо – по крайней мере, в те времена, когда залегали на дно достаточно надолго, чтобы воздать должное своим «заработкам». Они путешествовали из города в город, нигде не задерживаясь подолгу, принимаясь за работу – обычно как телохранители или охотники за наградой – когда находили её. Довольно часто обстоятельства заставляли их тактически отступать – в конце концов, не особо много времени требовалось Энтрери и Джарлаксу, чтобы улетучилось гостеприимство их нанимателей. Но в большинстве случаев Энтрери казалось, что постоянные перемещения и охота за приключениями были, скорее, следствием осуществления каких-то планов Джарлакса, чем являлись результатом преследования представителей властей.

– Ты что, действительно хочешь, чтобы мы присоединились к банде разбойников? – скептически спросил Энтрери. – Нам, что же, отвоёвывать себе позицию за позицией в их иерархии, доказывая, что мы чего-то стоим в глазах их самопровозглашённого главаря?

– От тебя разит сарказмом.

– Я учусь у мастера.

– Ну, хоть признал, что тут ты не совершенен.

Энтрери не нашёлся, что ответить, и не удостоил Джарлакса даже взглядом. Тёмный эльф обязательно бы придумал какую-нибудь остроумную реплику, да и в любом случае ему бы это ничего не стоило.

– Нам не надо оставаться с ними долго, – пустился в объяснения дроу, – но, я уверен, у них есть вкусная еда, а я устал от наших обычных трапез. К тому же эта группа могла бы привести нас к союзнику посильнее, а то и какому-нибудь приключению. А мы этого не узнаем, пока не попробуем.

Энтрери не стал спорить и пошёл следом за Джарлаксом, направляясь к дороге, на которой орудовали разбойники.

Примерно через час довольно уверенно оба вышли на тропинку, вдоль которой стояло всего несколько деревьев, и тут их, конечно же, окликнули.

– Стойте где стоите! – приказал голос из листвы одного из деревьев.

– У вас ушло довольно много времени, чтобы нас заметить, – ответил Джарлакс.

– Дюжина тренированных лучников держат вас на прицеле!

– В таком случае как минимум четверо из твоих парней держат сразу по два лука, и готов поспорить, что это довольно неэффективно, – парировал тёмный эльф.

– Ты бездонный кладёз информации, – заметил Энтрери.

– Порази их интеллектом.

– Точнее расскажи им всё, что нам известно, – поправил Энтрери, – а ещё наверно и истории наших жизней, что привели нас сюда. Что дальше, Джарлакс? Нарисуешь им карту к дому своей матери?

Губы Джарлакса расползлись в усмешке от забавной идеи послать горстку наземных обитателей счастливым бегом вприпрыжку к Дому Бэнр в Мензоберранзан.

Энтрери решил не спорить и огляделся, заметив неподалёку несколько бандитов с луками, – пара все ещё пыталась выбрать наиболее удобный угол атаки. Окликнувший их прыгнул с дерева и пошёл вперёд с мечом в руке.

Энтрери быстро оценил мастерство – точнее его отсутствие – по шагам главаря и понял, что если дойдёт до драки, убийца сможет убить оппонента в три удара.

– Снимайте своё оружие, кошельки с деньгами и одежду, – потребовал человек фальшивым высокомерным тоном опытного лидера. Приятелям и так было понятно, что так он подчёркивал важность собственной персоны перед своими же грабителями. – Может, тогда мои друзья и мы дадим вам уйти.

– И я, – поправил Джарлакс.

– Ну и тебе.

– Нет, я не о том, ты сказал «мои друзья и мы», но правильнее будет.....

– Забудь, – перебил его Энтрери.

– Харе там шептаться! – оборвал человек, возвращаясь к акценту, который намного больше подходил его низкому происхождению и отсутствию образования. – А теперь вы начинайте избавляться от своих побрякушек.

– Друг мой, спокойно, – начал Джарлакс, – Мы пришли не как враги, и, тем более, не как жертвы. Мы наблюдали за тобой и твоими ребятами на протяжении некоторого времени и решили, что объединение наших сил может составить неплохой и выгодный союз.

– Чё? – ответил человек и побледнел.

– Замечательно, – заметил Энтрери.

– Ну, они же пока ещё не пустили в ход свои луки, так ведь? – шепнул тёмный эльф.

– И, конечно, всё благодаря выдающимся дипломатическим способностям Джарлакса, вне всяких сомнений

– А ну-ка хватит, вы оба! – крикнул разбойник, – Я предупреждаю вас в последний раз: начинайте избавляться от своих побрякушек!

– Это и вправду станет последним разом, если я решу перерезать твою глотку, будь уж в этом уверен, – ответил Энтрери.

Он уловил резкое движение Джарлакса ещё до того, как закончил предложение, одновременно с треньканьем тетивы.

Однако Джарлакс оказался быстрее. Вытащив из волшебной шляпы круг чёрной ткани, и раскрутив его, тем самым увеличив его размер, дроу швырнул его им под ноги, создав «карман» между измерениями.

Энтрери и дроу прыгнули в него, как раз когда стрелы просвистели над их головами.

Человек приземлился легко, быстро припав к земле, в то время как Джарлакс, не поведя даже бровью, как казалось, спокойно левитировал и мягко опустил за его спиной.

Энтрери вскочил и побежал к краю пространственной ямы, а Джарлакс приготовился подкинуть его. Убийца слегка наступил на тонкие, но удивительно сильные руки, и тёмный эльф подтолкнул его.

Наёмник выскочил из «кармана» и сразу же помчался на опешившего головореза.

Энтрери подкатился в сторону и опрокинул разбойника, захватив его ноги своими. Человек едва успел коснуться земли, а Артемис уже навис над ним, приставив зловеющий кинжал к горлу.

– Скажи им, что мы твои друзья, – приказал он, а когда бандит начал сопротивляться, слегка надавил, самую малость проткнув кожу кончиком лезвия.

Однако этого было вполне достаточно, чтобы зачарованное оружие начало пить силы человека.

Глаза грабителя-неудачника расширились, когда он понял, что жизнь потихоньку утекает из него.

– Говори, – повторил Энтрери, и человек начал громко кричать остальным, чтобы они оставались на месте.

Артемис Энтрери рванул разбойника на себя, прикрывшись им от стрел лучников. Он увидел, как левитировал из ямы Джарлакс, спокойно приземлившись рядом.

– Тёмный эльф! – крикнул один из разбойников – все тут же принялись рвать тетивы луков. Стрелы предназначались даже не шелохнувшемуся на это дроу.

И все эти стрелы прошили его на вылет – точнее, иллюзию, которая поднялась вместо него из дыры.

– Вы закончили, наконец? – спросил дроу, когда прекратилась стрельба. – Ну, вот и славно.

Энтрери встал, поднял пленника, затем резко швырнул его и одним слитным движением убрал кинжал в ножны.

– Мы хотим присоединиться к вашей банде, – заметил наёмный убийца, – а не проредить ваши ряды, выбивая себе место.

Внимание Энтрери переключилось обратно на дыру, откуда левитировал ещё один Джарлакс заняв место рядом с иллюзорным. Дроу огляделся и заметил нервно теребящих луки лучников. Тем не менее, никто не выстрелил.

– Они всё уяснили? – голос донёсся из пространственного «кармана».

– Теперь они, по крайней мере, готовы поговорить, – ответил Энтрери, наблюдая за третьей иллюзией.

Когда прошло некоторое время, и ни один из лучников так и не сделал выстрела, настоящий тёмный эльф левитировал из ямы и сразу же стал осматривать три своих копии, восхищенно кивая головой. Затем левитировал к краю дыры и приземлился для того, чтобы поднять свою игрушку.

Три двойника постепенно исчезли.

– Ну, вот и славно, – повторил Джарлак, подходя к Энтрери и перепуганному горе-грабителю. – Веди.

– В-ваше ор-ружие д-должно быт-ть у м-меня, – запинаясь произнёс человек, тщетно пытаясь овладеть голосом. Как он ни старался, показать, что он владеет ситуацией, – приближались его соратники – не получалось.

– В твоей глотке или в твоей груди? – уточнил Энтрери.

Человек шумно сглотнул и больше об этом не заговаривал.

Энтрери сидел на выступе примерно в шести метрах над полом пещеры, которую в качестве логова использовала его новая банда головорезов. Это была огромная, хорошо проветриваемая комната, а разбойники довольно-таки уютно её обставили. Кровати располагались на различной высоте многоярусной главной пещеры. Здесь даже была целая кухня с неплохо сделанным очагом, столешницами, шкафчиками и ящиками. Для банды из четырнадцати человек, считая Джарлакса и Энтрери, здесь было достаточно места.

Была только одна отдельная комната, занимаемая Паггом, главарём шайки, – бандитом, у которого шрамов было больше, чем у Джарлакса магических уловок.

Даже со всеми удобствами пещеры Энтрери довольно быстро задался вопросом, почему же сборище разбойников выбрало именно это место для своей базы. Они находились далеко от торговых путей, а вокруг были только маленькие бедные деревеньки фермеров да рыбаков. Даже если они заберут все возможные ценности в каждом поселении в радиусе двадцати миль, грабители всё равно останутся нищими.

Наёмник развлекался игрой в кости, разворачивавшейся на главном ярусе пещеры. По жалобам и крикам игроков было понятно, что Джарлак с лёгкостью выигрывал.

Энтрери покачал головой и подумал, не собирается ли дроу выигрывать до тех пор, пока не начнётся потасовка с бандитами – а Энтрери очень надеялся, что так и будет. Они были в шайке уже около двадцати дней, и Артемису становилось до смерти скучно. Они с Джарлаксом уже дважды вместе с другими выходили на дорогу, а один раз даже смогли ограбить повозку торговца, лишив перепуганного человека, пекаря, всех его товаров. Бандиты хотели убить человека, но Джарлак остановил их, объяснив, что таким образом они только навлекут на себя гнев местных властей.

Энтрери едва мог сдержать усмешку, вспоминая тот момент и ужас на лице бедного, трясущегося пекаря, когда Джарлак повернулся к нему и заставил пообещать, что тот никому ничего не расскажет о краже.

Однако после этого Джарлакс пошёл ещё дальше, когда, попробовав одно из творений человека, сахарное печенье, настоял, чтобы человек забыл о своей прежней жизни и присоединился к банде в пещере.

И вот он здесь, подумалось Энтрери, творит около очага свой новый кулинарный шедевр, стараясь изо всех сил удовлетворить вкусы необычайнейшего существа, которое пугает его сильнее, чем что-либо ещё в жизни.

Наёмника отвлекли торжествующие возгласы – Джарлакс к радости трёх своих оппонентов и зрителей проиграл довольно крупную сумму денег. Спустя некоторое время Джарлакс снова проиграл и, подняв руки в знак поражения, вышел из игры. Он направился к лестнице и присоединился к другу.

– А после финальных подсчётов Джарлакс получает своё, в то время как остальные получают уверенность в своей победе, – усмехнулся Энтрери.

– Это, а ещё и надежду, что удача не подведёт их в следующий раз, когда мы будем играть, – согласился дроу.

– Это самая жалкая из всех банд в этом захолустье, о которых я когда-либо слышал, – сказал Энтрери.

– Ты, как всегда, слишком пессимистично на всё смотришь.

– Смотри с чем сравнивать, не так ли?

– Я многое узнал об окрестностях от наших друзей, любителей покидать кости, – проговорил Джарлакс. – А ещё есть толстый Питер МакРаггл, – добавил он, указывая на трудягу-пекаря, – отличный и полезный повар.

– Всё, что нам нужно – это несколько женщин. И кому захочется покидать сей райский уголок? – последовал ожидаемо саркастичный ответ.

– Ну, есть Джен, и, конечно, Патермэг, – напомнил Джарлакс, имея в виду двух разбойниц – у одной из них была грубая кожа, а вторая была полуорком, унаследовавшей больше черт от своих нечеловеческих предков. – Очень вдохновляющая парочка.

– Особенно для тех, кто дал обет безбрачия.

Джарлакс рассмеялся, но Энтрери было явно не до веселья. Он и тёмный эльф повернулись, заметив приближающегося к ним человека. Это был Пагг, главарь шайки.

– Вам обоим предстоит отправиться в путь на пару недель, – сообщил он, – и довольно далеко юг – до меня дошли слухи о караване, который там пройдёт. Вам представился случай доказать вашу отвагу и показать, чего вы стоите.

Он пошёл дальше, а ни Энтрери, ни Джарлакс не озаботились тем, чтобы проводить его взглядом.

– Он всё ещё надеется на удачное стечение обстоятельств, – заметил дроу. – Как то, благодаря которому он стал лидером.

Энтрери кивнул в знак согласия и взглянул на удаляющегося Пагга. Этот человек поднялся в иерархии разбойников одной единственной и очень выгодной наводкой – единственной выгодной наводкой за всё время существования банды. Пагг повёл их перехватить торговый караван, движущийся из Сандабара в Серебристую Луну, а среди повозок с обыденными непримечательными товарами воры нашли одну с настоящими сокровищами.

Однако это было очень давно и далеко отсюда, потому как после нападения шайку по пятам преследовали власти Сандабара. Когда всё улеглось, численность разбойников сократилась, а главарь был убит. Таким образом оставшиеся разбойники доверили Паггу стать их лидером. С тех пор он вёл их... в никуда.

Энтрери, не понаслышке знакомый с нравами воровских гильдий и их отношениями с властью имущими, давно уже понял, что это был лишь вопрос времени, когда Пагг прогневает не тех людей – его с подручными просто перебьют.

– Наверное, завтра, когда мы выйдем на дорогу, нам просто стоит не останавливаться, – предложил Энтрери.

Джарлакс посмотрел на него с любопытством, как будто не улавливая сути происходящего.

– Ну, – изрёк дроу, – во-первых, я не могу бросить пекаря Питера, запертого здесь с этими нецивилизованными неотёсанными грубиянами. – Оба посмотрели на несчастного человека, как всегда ушедшего в работу с головой, около очага. – А я ведь обещал ему лучшие условия, хорошую печь, как минимум.

– Чувствуешь себя за него ответственным? Если б не ты, эти головорезы убили б его там на дороге.

– К несчастью для всего мира, – драматично воскликнул Джарлакс. – Этот человек во истину повар от бога.

Артемис Энтрери хмыкнул и отвернулся.

На следующий день Джарлакс снова принял участие в игре. Кости стучали по столу, а ликующие крики доносились довольно часто, так что вскоре Энтрери это заинтересовало, и он решил подойти поближе посмотреть, что именно там происходило.

– Быстрый Нож и Ухват сейчас сорвут банк, – сообщил ему один из мерзких бандитов.

Энтрери никогда не впечатляли глупые прозвища, которые третьесортные разбойники придумывали сами себе. Он не обратил на эту реплику никакого внимания, глядя на игральную доску.

Его глаза расширились от удивления, когда он увидел монет больше, чем могло быть у всех членов банды вместе взятых. Кучи золота и серебра, и даже несколько драгоценных камней. Он пошёл в сторону Джарлакса, думая узнать, что же такое происходит, когда вдруг понял, что большая часть этих стопок была частью состояния Джарлакса!

Сам факт того, что Джарлакс проигрывал этим олухам, был выше всяческого понимания. И это заставило мысли Энтрери пойти в другом направлении.

Он, наконец, смог поймать взгляд Джарлакса, который улыбнулся и как будто беспомощно пожал плечами, указывая подбородком на узкий вход в пещеру.

Единственный выход из логова.

Энтрери отошёл от играющих и кричащих разбойников, нашёл несколько трещин в стене, за которые можно было ухватиться, и умело залез на нижний выступ. Не успел он сосредоточиться на игре, как его отвлекла суматоха возле входа.

В проходе показалось несколько фигур. Как только они вошли, Энтрери узнал группу отсутствовавших до этого бандитов – ребят с глупыми прозвищами, которых сегодня утром послали на дорогу, – вместе с небольшим дополнением в лице двух просто одетых и напуганных девушек.

Артемис понял, что это были дочери рыбаков.

Разбойники вытолкнули их вперёд на открытое место, и весь интерес к игре в кости сразу испарился, – до шайки дошло, что прибыли новые игрушки. Они окружили девушек. Даже Джен и Патермэг вышли, чтобы рассмотреть трофеи. Патермэг при этом довольно похотливо трогала обеих девушек под одобрительные крики и свист зрителей.

– Очаровательно, – пробормотал Энтрери, когда Джарлакс подошёл к нему. – Я так понимаю, к этим двум прилагался королевский клад. А ещё, быть может, мы сможем выменять за них у семей козу или даже толстенькую свинью.

– Победа есть победа, – согласился Джарлакс, а Энтрери недоверчиво посмотрел на него.

– Я что, только что и вправду видел, как ты проиграл довольно большую сумму денег этим олухам?

– Монеты – это просто блестящий металл, разве что у кого-то есть место, где его можно потратить, – ответил дроу.

Энтрери не стал даже задумываться о том, что скрывается за этой фразой.

– Отличная жизнь, что сказать, – проворчал он. – Столько трудов ради пустой радости от ничтожества других.

– Пустой радости?

Энтрери посмотрел на него – тёмный эльф показался ему собственным осуждающим отражением в зеркале. Наёмный убийца потряс головой, не желая замечать правдивости подобного ответа, и встал, собираясь уйти.

– Друг мой, – сказал Джарлакс. – У этой пещеры, ни много, ни мало, единственный выход, который практически не охраняется. Куда же могут деться мои деньги и драгоценные камни?

Энтрери хотел уже ответить, но остановился, так как вдруг понял намерения Джарлакса. Энтрери улыбнулся уголком губ, а его лицо приобрело почти заинтригованное выражение, вместо обычно сурового, что не укрылось от внимательного Джарлакса.

– Их дюжина, – напомнил Артемис своему приятелю, – достаточно-таки опытных и умелых.

– Неужели тебя больше не привлекает идея открытого столкновения?

Теперь была очередь Энтрери усмехнуться.

– Почему же? – ответил он. – Просто путешествуя с тобой я ещё ни разу не столкнулся с действительно серьёзными испытаниями.

Джарлакс взглянул вверх. Энтрери понял намёк и направился к одной из канатных лестниц. Забравшись выше, он ловко схватил ближайшую из веревок, предназначавшихся для быстрого спуска на главный ярус.

Тем временем Джарлакс не спеша подошёл к группе бандитов – те толкали и лапали двух напуганных девушек пока определялась очерёдность в предстоящем «веселии». В какой-то момент Патермэг, то ли из зависти, то ли просто потому, что

всегда обладала отвратительным характером, занесла кулак и ударила одну из девушек по лицу, сбив с ног.

– Не смей её уродовать! – крикнул один из бандитов.

Патермэг всё равно кинулась вперёд и пнула девушку.

Или хотела пнуть, поскольку стон, раздавшийся сверху, заставил всех обернуться – бандиты увидели Пагга, стоящего на самом высоком выступе, и смотрящего вниз с непонятным ни для кого выражением лица.

И тут он рухнул вниз, хотя на самом деле был мёртв ещё до того, как коснулся земли.

Всё внимание разбойников было сосредоточено на главаре и никто не увидел тёмной фигуры Артемиса Энтрери, спускавшийся по верёвке с другого края уступа. Убийца разжал руки как раз вовремя, чтобы оказаться в толпе бандитов. Он всё рассчитал.

Энтрери рухнул на одного из разбойников в первом ряду, коленом сломав ему бедро. Оставив его корчиться на земле, вооружённый кинжалом и мечом наёмник начал прорубаться через толпу. Коготь Шарона ещё сильнее сбивал врагов с толку – с каждым взмахом клинка в воздухе оставались полосы чёрной сажи. Энтрери двинулся по кругу. Укол кинжалом влево. Удар меча чуть не сносит полголовы какому-то неудачнику.

Артемис знал, что им с Джарлаксом придётся сильно постараться, – нужно убить, как минимум, половину головорезов прежде, чем те смогут организовать оборону. Тем не менее, даже с учётом его неожиданной атаки, обескуражившей его противников, Энтрери пришлось откатиться, уклоняясь от контратаки.

Приготовившись защищаться, Артемиса отвлёк странный свист. Несмотря на наступавших на него разбойника и двух женщин, он кинул взгляд в сторону своего товарища.

Окружённый, Джарлакс вращал трость, которая, словно какой-то музыкальный инструмент, издавала этот звук. Когда дроу закрутил тростью быстрее, звук стал выше.

Энтрери пришлось Когтём Шарона плашмя парировать удар, оставляя чернильную линию. Убийца сразу же метнулся вправо, взмахом клинка создавая ещё одну полосу. Артемис резко развернулся и вонзил меч в завесу.

Патермэг смотрела в другую сторону, когда наёмник возник прямо перед ней, загоня кинжал ей в бок, а мечом пронзая её насквозь, не дав полуорчихе даже шанса. Убийца провернул кинжал и мысленно активировал его смертельную магию. Вытащив оружие, Энтрери перешагнул через труп, навязывая яростный бой Джен и третьему разбойнику.

Свист продолжался всё это время и сопровождался серией криков, хрипов и воплей, – при всём желании Энтрери больше не мог это игнорировать. Он быстро оглянулся и увидел разбойников, оседающих наземь вокруг Джарлакса. Бандиты хватались за животы и лица, падая от острой сильной боли. Присмотревшись к дроу, Энтрери понял, в чём дело.

Вращая трость, тёмный эльф то и дело нажимал указательным пальцем на один из глаз хорька – при каждом нажатии другой конец трости выстреливал небольшим дротиком. Судя по мучениям жертв каждая игла была отравлена.

Энтрери полностью сосредоточился на бое, парируя мечи Джен и другого нападающего. У него была возможность нанести тому человеку удар, но вместо этого, когда на него обрушились оба клинка, он ударил мечом вверх, поднимая оружие. Артемис быстро повернулся и опустил Коготь Шарона, создавая завесу из чёрного пепла перед противниками. Те оказались лицом к завесе из пепла – они ожидали, что Энтрери ударит через неё или с боку.

Вот только изворотливый убийца стоял так близко к стене, что оказался у них за спиной. Артемис изрядно повеселился, наблюдая за бестолковыми разбойниками.

К чести Джен, она первая всё поняла и с воплем развернулась. Ей удалось парировать Коготь Шарона, но этот удар, в любом случае, предназначался не ей, – меч отклонился и снёс голову мужчине, до сих пор тупо пялившемуся на висящую в воздухе сажу.

Нет, для Джен Энтрери припас свой кинжал с драгоценными камнями, нанеся удар прямо в лицо, – она как раз очень удобно пригнулась.

Наёмный убийца вытащил клинок и оглянулся на Джарлакса, рядом с которым осталась только пара разбойников, – оба они встали за спины девушек-заложниц.

Третий человек бежал к двери, но Джарлакс, используя природную магию, затянул проход непроницаемой тьмой. Со стороны оказавшегося во тьме человека слышались глухой удар и стон.

– Боюсь, что у него большая часть моих монет, – спокойно сказал Джарлакс, слово побуждая Энтрери к действию.

Но убийца остался на месте и с интересом наблюдал за разворачивающейся перед ним картиной, задавая себе вопрос: будет ли Джарлакс торговаться за жизни невинных девушек?

Джарлакс спокойно стоял, не спеша вращая тростью.

– *Что, дробтики кончились?* – поинтересовался Энтрери на языке дроу, точно зная, что кроме них его никто не понимает.

– *Не совсем, хотя яд уже израсходован,* – ответил Джарлакс.

Это заставило Энтрери оглянуться на людей, валявшихся около тёмного эльфа и большей частью корчащихся на земле.

Энтрери узнал парализующий и ослабляющий яд дроу.

– *Это значит, что эта парочка на мне, так что ли?* – хмыкнул Энтрери.

– Хватит там болтать, отпустите нас! – потребовал один из разбойников, в доказательство своих намерений он приставил меч к горлу одной из девушек.

Энтрери заметил осторожное движение Джарлакса, небольшой поворот, чтобы получить преимущество от своего положения по отношению к бандитам.

Энтрери громко крикнул и побежал вперёд.

Трость Джарлакса дважды крутанулась с огромной скоростью, а несчастные девушки закричали.

Однако двое мужчин рухнули на пол – у каждого на лице была видна слегка дрожащая игла. Один из них быстро пришёл в себя, а вот второму дробтик угодил прямо в глаз.

Первому бы больше повезло, оставайся он на месте. Но, стоило ему опять потянуться к девушке, ту вдруг отбросило в сторону, а на её месте стоял Артемис Энтрери.

Человек резко ударил сверху, а наёмник спокойно парировал три удара мечом и кинжалом, после чего лёгким ударом запястья выбил клинок противника. Прежде, чем разбойник смог что-то сказать, прежде, чем он смог сдаться или стал молить о пощаде, если он собирался это сделать, или же прежде, чем он смог нанести удар голыми руками, если у дурака была именно такая мысль, Энтрери, стоящий перед ним, загнал оба оружия ему в грудь.

Резкий пинок и на полу ещё один труп.

А девушки не переставали вопить. Им вторили раненые члены шайки.

– Надо нам уходить, – констатировал Энтрери, повернувшись, чтобы посмотреть на друга, который снова спокойно стоял, опираясь на свою трость.

– В самом деле, – согласился Джарлакс, направившись в сторону выхода. От тьмы, затянувшей проход, равно как и от разбойника, прихватившего их деньги, не осталось и следа. – Поохотимся?

– А с ними что? – презрительно фыркнул Энтрери, имея в виду двух девушек.

– Наша спасательная операция не может считаться завершённой, если мы не проводим их до дома, – ответил дроу, а Энтрери показалось, что несчастные девушки готовы были прямо сейчас лечь и умереть. – А, ну и Питер, конечно же! – добавил дроу и громко позвал. – Питер?

Толстый пекарь вышел из-за камня около дальней стены пещеры.

– Пойдём же, друг мой, – сказал дроу. – Боюсь, я не смогу обеспечить тебя достойной печью здесь, так что надо бы нам вернуть тебя в твой магазин.

Артемида вновь посетила мысль, что он и его приятель ничего не получили от своего двадцатидневного приключения. На самом деле, если они не поймают сбежавшего разбойника, то ещё и потеряют деньги. В ярости он пнул приподнявшегося отравленного разбойника ногой по лицу.

– Друг мой, успокойся, – сказал Джарлакс. – Ты герой! Неужели это не наполняет твоё сердце радостью?

Артемида Энтрери со злостью и негодованием посмотрел на друга. Но Джарлакс, как всегда, лишь рассмеялся.

– Он не забыл в развлечениях о благодарности? – спросил Киммуриэль Облодра, красивый и стройный псионик-дроу, ставленник Джарлакса в Бреган Д'Эрт.

– Он? – ответил Джарлакс и рассмеялся. – Его подозрительность и злоба не дадут ему расслабиться. Мне стоит найти ему женщину, дабы она помогла ему ослабить его вечную напряженность.

– Будучи убитой? – спросил второй темный эльф, преисполненный презрения.

– Не сгущай краски, он не настолько безрассуден, – сказал Джарлакс. Он посмотрел в направлении той рыбацкой деревушки, где Энтрери ждал его. Но и лачуги, и убийца были далеки от его взора.

– Надежда еще есть.

– При достойном наставнике?

Джарлакс повернулся к Киммуриэлю и усмехнулся:

– Ты можешь предложить лучшую кандидатуру?

Другой дроу только поклонился в почтении.

– Что скажешь о трости? – спросил он, выпрямляясь.

– Её зарядка требует немало сил и времени, но она будет эффективна. Очень эффективна.

– Твой заказ – хорошая тренировка для моих возможностей, – ответил Киммуриэль, протягивая Джарлаксу глазную повязку и широкополую шляпу, схожую с той, что носил сам Бэнр. Эльф снял свой головной убор и после беглого осмотра заменил его новым, а затем придирчиво осмотрел глазную повязку, что дал ему нынешний глава Бреган Д’Эрт, – даже швы сравнил.

– Это точно то, что мне нужно? – поинтересовался Джарлак. – У меня в запасе появилась ещё парочка трюков?

Киммуриэль бросил на него обиженный взгляд, а остальные дроу расхохотались при этих словах. Разве Облодра когда-нибудь подводил Джарлакса в чём-либо?

Словно что-то вспомнив, Джарлак вытащил плюмаж из своей новой шляпы и заменил старым.

– Всё же, я так привязался к этой птичке, – объяснил Джарлак.

– А тебя не посещала мысль, что твой спутник попросту изучает, на что ты способен? – спросил Киммуриэль. – Разве не в этом смысл нашего обмена?

– Энтрери очень умён, – признал Джарлак. – Но этот обмен попросту лишит его всего преимущества, что он мог получить. Даже не беря во внимание того, что ты ещё не сделал новых наручей.

– А если ты ошибаешься?

На лице Джарлакса на секунду проявилось недовольство.

– Я найду ему женщину, – ухмыльнувшись, решил дроу. – Её настигнет удар его кинжала.

Киммуриэль кивнул, а Джарлак, которого захлестнула новая затея, даже не озаботился выслушать полный отчёт о том, что творится в Мензоберранзане, от своего доверенного соратника, – просто повернулся и направился к деревне.

Могущественный псионик Киммуриэль Облодра силой мысли телепортировался обратно в Подземье, оставив Джарлакса планировать их с Артемисом Энтрери очередное и, вне всяких сомнений, опасное приключение.

